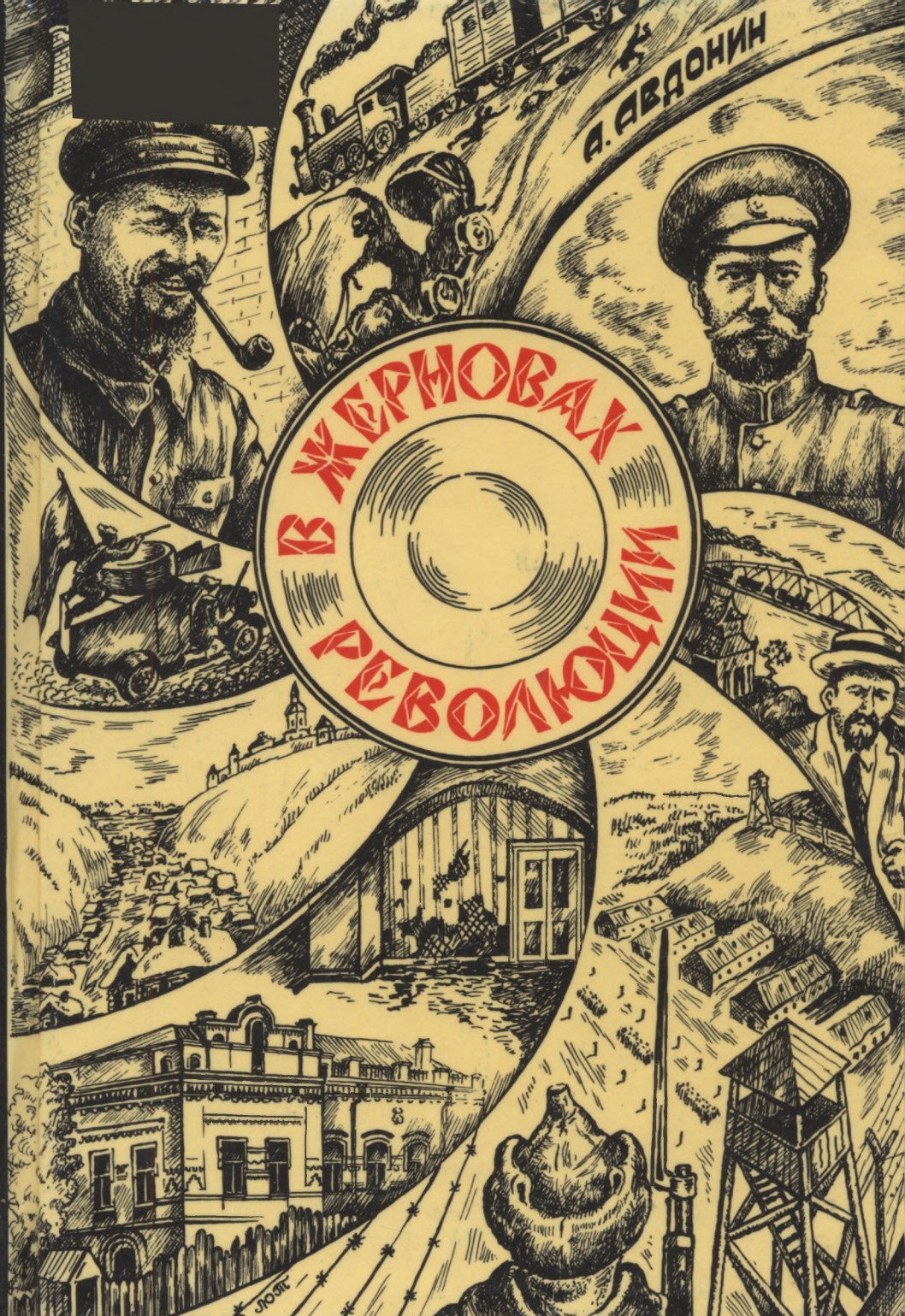
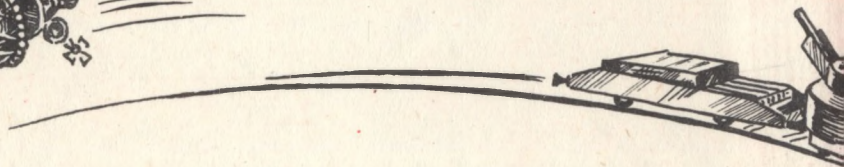
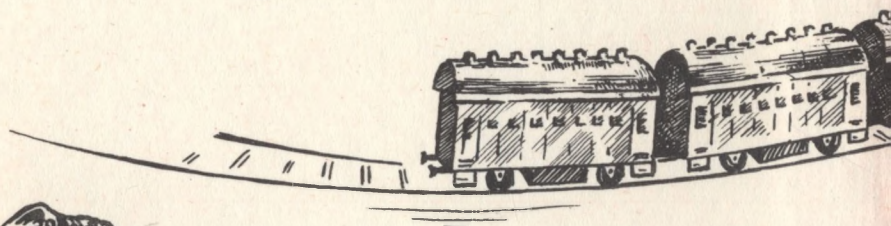
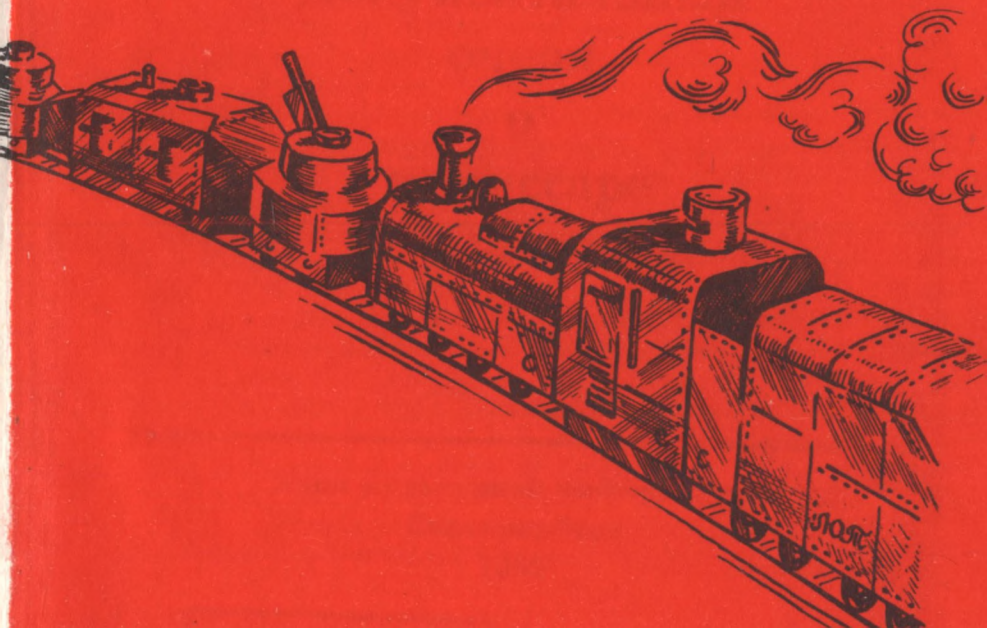
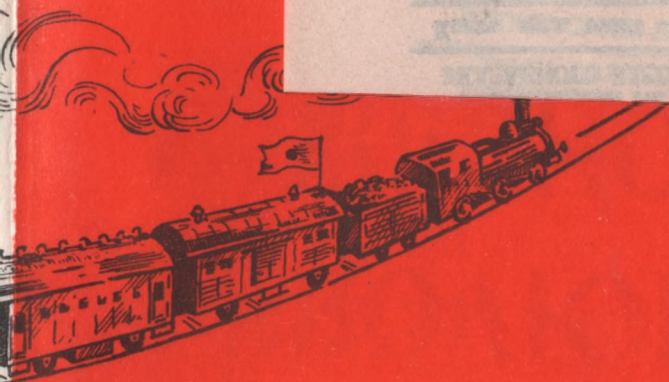

В ЖЕРНОВАХ РЕВОЛЮЦИИ

А.Н.Авдонин

В ЖЕРНОВАХ РЕВОЛЮЦИИ

**Документальный
очерк
о
комиссаре
В.В.Яковлеве**

**Банк культурной информации
Екатеринбург
1995**

А.Н.Авдонин. В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В.Яковлеве. – г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 224с., ил.

Тексты документов и материалы о жизни и деятельности В.В.Яковлева (К.А.Стойновича) подготовлены к публикации **А.Н.Авдоным и Г.П.Кормиловой.**

Имя чрезвычайного комиссара В.В.Яковлева не упоминалось в официальной советской истории. Уральский боевик, соратник большевистских вождей, помощник председателя ВЧК, чрезвычайный комиссар ВЦИК по доставке царской семьи из Тобольска в Екатеринбург, командующий Восточно-Уральским фронтом в 1918 году, один из организаторов компартии Китая, узник ГУЛАГа и жертва репрессий.

Его необычайная, полная таинственности жизнь многим дала повод называть его суперагентом иностранных разведок. Так кем же он был в действительности?

Предлагаемая читателю книга впервые наиболее полно, на основе документов, открывает завесу тайны над этой незаурядной личностью.

Научный редактор – к.и.н. А.Г.Нестеров

Литературный редактор – Т.В.Андреева

Технический редактор – И.В.Демьяненко

Художники – Ю.Д. и Т.С.Литвиненко

Корректоры: Н.А.Зайцева, Г.И.Пинаева

Верстка и изготовление оригинал-макета – М.А.Рассохин

ISBN 5–85865–08–9

©А.Н.Авдонин, 1995г., текст очерка.

©Банк культурной информации, 1995г., издание.

© Ю.Д. и Т.С. Литвиненко, 1995г., художественное оформление.

ВВЕДЕНИЕ

Личность чрезвычайного комиссара В.Яковлева является одной из самых интересных и значительных среди людей причастных к екатеринбургской трагедии царской семьи. Комиссар хорошо известен как исполнитель операции по доставке Романовых из Тобольска в Екатеринбург.

Но факты его жизни и деятельности до сих пор ограждены завесами государственной секретности. Все потому, что деятельность Яковлева происходила на гребне волн экстремальных революционных событий, большая часть документов о которых пока еще не извлечена на свет из закрытых архивов. Да и сама жизнь Яковлева – жизнь активного участника этих перипетий, трагически оборванная в 1938 году, на много лет была предана забвению.

В безбрежной Лениниане, в которой зафиксированы даже самые незначительные сведения из жизни вождя, нет упоминаний о Яковлеве, хотя последний не без оснований утверждал: «За период 1917–1918 гг. я работал с Лениным, Свердловым, Троцким, Дзержинским и др. ... и не раз ... выпадало слышать мне от них одобрение моей работы»[1]. Чем же провинился комиссар? Почему его имя совсем не упоминалось в описаниях революционных событий гражданской войны, замалчивалось в научных монографиях, освещавших эти исторические события? На В.Яковлева делались ссылки лишь при описании перевозок Романовых из Тобольска в Екатеринбург, да и то чаще всего тенденциозные. Представление советской истории по рекомендациям партийных институтов, а порою просто по указаниям партийных и государственных лидеров заставляло неоднократно производить ее чистку, переделку и фальсификацию. Поэтому мы имеем несколько вариантов историй КПСС, гражданской и Великой Отечественной войн. Только в последнее время руководитель Государственной архивной службы России доктор исторических наук Р.Г.Пихоя смог об этом заявить открыто: «Белых пятен в истории советского периода нет и не было! Мы имеем дело не с "пятнами", а с фальсификацией всей истории нашего Отечества в XX веке»[2].

В таких условиях образ Яковлева был представлен загадочной, легендарной личностью только потому, что для его создания использовались искаженные зарубежные данные, так как в нашей стране объективных сведений о нем не публиковалось. Например, М.Касвинов в книге "23 ступени вниз"[3] утверждал, что Яковлев был германским эмиссаром, агентом британской разведки, неуловимым супер-

шпионом. Ю.Власов в своей исторической исповеди «Огненный крест», заявляя, что в ней «любой факт – достоверен, подтвержден не одним, а рядом свидетельств»[4], утверждает, что Яковлев «30 декабря 1918 года, находясь у белых, был арестован ... препровожден в Омск, где, очевидно, без задержки расстрелян... О нем просто не осталось никакого следа в делах... Так Яковлев и унес в могилу одну из несчетного множества кровавых тайн»[5].

Если «достоверные факты» Ю.Власова констатируют расстрел Яковлева в 1919 году, то «достоверные и научно подтвержденные факты» другого «исследователя» – А.Н.Грянника – утверждают, что Яковлев вместе с царской семьей (избежавшей смертельного исхода) благополучно проживал (конечно, конспиративно!) в солнечном Сухуми и умер своей смертью, как и все члены царской семьи, в преклонном возрасте [6].

Трудно определить, чего больше в измышлениях А.Грянника: безответственности или авантюризма? Но глумление над русским народом, его историей, родственниками убиенных в доме Ипатьева и потомками комиссара Яковлева – налицо!

И если даже после того, как в печати приводились некоторые реальные сведения о Яковлеве, подкидываются подобного рода измышления – это свидетельствует о том, что должно пройти еще какое-то время, чтобы пелена инсинуаций и фальсификаций по отношению к трагической судьбе Яковлева была развеяна на основе изучения достоверных данных.

Находясь в Соловецких лагерях, Яковлев писал: «Найдется же со временем беспристрастный историк, который вынесет на свет это трагическое дело, едва ли по своей ужасной сути имеющее прецедент даже в нашей величайшей революции, и предаст его на суд нового поколения, которое сможет уже более спокойно и объективно отнестись к старому ветерану двух революций, брошенному в среду шпаны и контрреволюционеров»[7].

Пожоже, что это время подходит. Уже первое значимое исследование жизненного пути В.Яковлева сделано уфимским юристом Н.Лешкиным; его публикация [8] долго не разрешалась и была осуществлена только в 1989 году, к сожалению, уже после смерти автора. Вниманию читателей предлагается очерк, дополняющий публикации о Яковлеве и являющийся попыткой нового освещения действительно очень сложной жизни российского гражданина В.Яковлева.

В.В.Яковлев был человеком, отчетливо представлявшим важность и историческую значимость дел, которыми занимался; он систематически собирал документы, формируя архивы. Известно, что в Брюсселе имелся архив партийных документов организации, к которой он

принадлежал [9]. При аресте Яковлева в 1928 году его личный архив был изъят у гражданина В.Алексеева в Уфе. Архив содержал сотни оригинальных документов о бельгийском периоде жизни В.Яковлева, об Октябрьском перевороте, о перевозке Романовых, об Урало-Оренбургском фронте и других [10]. Архив китайских документов, собранных Стояновичем (последний псевдоним В.Яковлева), был выкраден при его транспортировке в Уфу [9].

После возвращения из Китая в 1928 году Яковлев писал: «Начиная с 1920 года, корреспондентская работа меня постоянно увлекала, и она фактически ... была уже моя вторая профессия» [11]. Ответственностью перед историей и профессионализмом журналиста необходимо объяснить тот факт, что, находясь в лагерях с 1928 по 1934 год, Яковлев постоянно писал. Он написал исторически ценный очерк о перевозке Романовых из Тобольска в Екатеринбург (опубликован в 1988 г.) [12], большое количество писем (в том числе и партийным руководителям, надеясь улучшить свою судьбу), много набросков, заметок, соображений и т.п. После освобождения из заключения ему удалось сохранить эти материалы и так спрятать, что при вторичном аресте в 1938 году они не были найдены.

Дочерью Яковлева – Людмилой Константиновной Карповой часть этих материалов была любезно предоставлена Екатеринбургскому общественному благотворительному фонду «Обретение», за что автор и члены фонда ей глубоко признательны. Наряду с другими материалами они легли в основу настоящего очерка. Составленный Яковлевым в июне 1931 г. «Перечень эпизодов из революционной деятельности 1903–1928 гг.» [13] состоит из 169 важных событий его 25-летней жизни и конспиративной работы.

Условно в ней можно выделить следующие этапы: дореволюционный период работы в боевой организации большевиков на Урале (1903–1911 гг.), эмиграция и работа за рубежом (1911–1917 гг.), участие в Октябрьском перевороте и гражданской войне (1917–1918 гг.), работа в китайском подполье (1919–1928 гг.), возвращение на Родину и гибель (1928–1938 гг.).

Изучая дела комиссара, связанные с семьей последнего российского императора, я не мог предположить, что выявленные свидетельства о его жизни и деятельности окажутся настолько существенными и поучительными, что у меня появится необходимость написать о нем книгу. Но именно так и случилось. Яковлев писал: «Да, я провел бурную, полную опасностей жизнь боевика-революционера, и мне есть чем гордиться». Естественно предположить, что такое эмоциональное героическое вступление о своем прошлом есть не что иное, как начало мемуаров, воспоминаний, составленных автором в благоприятной

обстановке, где-нибудь у камина, на даче или в других подобных условиях.

Возможно, многие будут удивлены, узнав, что написано это было не на даче, а в Соловецком лагере 28 июля 1931 года как вступление к упомянутому выше "Перечню эпизодов..." И если комиссар смог дать волю своим эмоциям в лагерной обстановке, где предпринято все для уничтожения у заключенных любых человеческих проявлений, можно представить, что и на свободе он был яркой личностью.

Во втором разделе книги приведены архивные документы – источники о жизни и деятельности К.А.Мячина (В.В.Яковлева-К.А.Стойновича). Авторам хотелось с их помощью проиллюстрировать богатую событиями жизнь героя книги, раскрыть его участие в исторических событиях.

Это оказалось не так просто – нам удалось выявить документы, главным образом относящиеся ко времени от Октябрьского переворота до перехода Яковлева на территорию Китая.

До самого последнего времени документы, связанные с деятельностью Яковлева, находились в секретных фондах КГБ, и они не были доступны исследователям. Документы, относящиеся к деятельности К.Стойновича в Китае, нам пока не известны, но мы не сомневаемся, что в ближайшем будущем они также будут выявлены в архивах, которые сегодня рассекречены для всех. Трудно с документами о дореволюционной деятельности Яковлева. Имеющиеся у нас сведения об этом периоде включены непосредственно в текст исторического очерка.

Среди приведенных источников большая часть публикуется впервые, и мы считаем, что это позволит объективно интерпретировать одно из событий, имеющих важное значение для российской истории, – перевозку Романовых из Тобольска в Екатеринбург.

Автор будет благодарен всем, посчитавшим необходимым высказать нам свои замечания, пожелания, предложения по адресу:

620151, Екатеринбург, а/я 207, «Обретение».

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ОЛИМП РЕВОЛЮЦИИ

Настоящие имя и фамилия его Константин Алексеевич Мячин.

Родился в 1886 г. в крестьянской семье в Оренбургской губернии. С 13 лет жил у отчима в Уфе и там, как он отмечает под номером 1 в «Перечне эпизодов»[13] в 1903 году произошло его «первое знакомство с революционерами. Разброска прокламаций».

Мячин вступил в РСДРП в 1904, предреволюционном году. Это было время политических брожений в стране. И немудрено, что Костя Мячин, никогда до этого не встречавшийся с такими захватывающими дух учениями, был покорен зажигательными идеями о всеобщем равноправии и многих других преимуществах трудящихся людей, которые будут получены ими после победы революции. Не столько покорен, сколько обманут, как и многие его сотоварищи, легко «клюнувшие» на это, чему способствовал их социальный уровень. И он увлекся самым главным – боевой работой, что на многие годы связало его с подпольной организацией уфимского партийного комитета – «Боевым отрядом народного вооружения (БОНВ)».

А когда в 1907 году он получил повестку в армию, то под давлением партийного руководства в армию не пошел, а перешел на нелегальное положение. Уральские боевые отряды были подпольными военными организациями РСДРП. Они имели хорошо разработанную гибкую структуру, состоящую из нескольких взаимоподчиненных и дополняющих друг друга дружин. Главная дружина включала представителя партийного комитета, имела совет военных специалистов. Вторая дружина состояла из собственно боевиков, разделенных на «десятки» и «пятки». Каждый десяток (пяток) боевиков имел свою специализацию: разведчики, стрелки, бомбисты, саперы, санитары и т.п. Они осуществляли боевые партизанские действия, распространяли нелегальную литературу, изготавливали оружие и бомбы в подпольных мастерских, работали в нелегальных типографиях. Были и третьи дружины – школы военного обучения. Строжайшая тайна и своеобразие устройств каждой из дружин обеспечивали их неуязвимость. Новые люди в организацию отбирались после тщательной проверки и только по рекомендации двух ее членов со стажем [14].

О некоторых правилах боевиков вспоминал соратник К.Мячина – В.Алексеев: «Правило: один знает – никто не знает, двое – хуже, трое знают – все знают – стало азбучной истиной для наших членов. ...Ни-

каких списков дружины не было. Своих дружинников знали только десятники. Сотник дружины знал своих дружинников, но вторая и третья дружины не знали сотника, он являлся на занятия как рядовой член. Никаких протоколов, никаких отчетов также не было. Все было устно, преемственно»[15].

Деятельность К.Мячина-боевика состояла в охране митингов, собраний; вооруженных столкновениях с казаками, жандармами; захвате станков для изготовления бомб, шрифтов в типографиях, оружия, динамита со складов и, самое важное с точки зрения боевиков, выполнении экспроприаций, дававших средства для нужд партийных организаций.

В экстремальных условиях Мячин проявил себя смелым, инициативным, решительным, энергичным бойцом, авторитет которого среди товарищей-боевиков быстро рос. Вскоре он стал руководителем и организатором боевых дружин на Урале (в Златоусте, на Симском, Миньярском, Катав-Ивановском и др. заводах).

Напряженная нелегальная жизнь дружинников – чаще всего без семьи – выработала непримиримость к властям: «у нас, старых большевиков-уральцев, были свои традиции, свои особые понятия о чести, храбрости и трусости: по отношению к врагу все средства были хороши и беспощадны, и его мнение о нас было безразличным»[16].

В 1907 году на V съезде партии (Лондон), организованном, кстати, на экспроприированные деньги, было принято решение, запрещающее участие членов партии в партизанских выступлениях и экспроприациях. Это решение вызвало у уральских большевиков активные протесты. Необходимость добычи средств на революционную борьбу, к которой уже привыкли, заставляла обходить это решение даже путем формального выхода боевиков из партии перед осуществлением экса, с последующим восстановлением при успешном результате. Такая комбинация устраивала и боевиков, и партийные органы. «Мы, боевики, не всегда согласовывали свою боевую деятельность с партией. Приходилось сначала тщательно и конспиративно от всех обдумывать какой-либо план, затем совершать экспроприацию или террористический акт и только постфактум, если тот или иной акт был удачен, получали санкцию партии. Наша своеобразная борьба и работа развила в нас чрезвычайную инициативу, благодаря чему мы нередко действовали даже вопреки тому или иному постановлению парторганизации, и только наши удачи спасали нас от исключения из партии»[17]. Известный русский историк, лидер кадетской партии П.Н.Милюков в своих воспоминаниях не мог не отметить главную особенность общественной ситуации того времени, когда «То там, то сям "боевые дружины" с.р. совершали террористические акты, направляя свои удары на чинов администрации – от губернаторов до околоточных и урядников, на чинов

полиции и жандармов»[18]. В этой массе террористических актов, несомненно, были и «партизанские» действия уральских боевиков, возглавляемых Мячиным.

Полиция упорно боролась с боевиками-экспроприаторами. Департамент полиции МВД России издал несколько циркуляров о розыске Мячина. Он отмечает: «Начиная с первого же моего выступления пятого года пули и намыленная веревка неотступно по пятам преследовали меня»[19]. Из многих сложных ситуаций с преследованиями и перестрелками Мячину удавалось уходить, и полиции так никогда и не удалось его схватить.

А в 1908 году по паспорту Яковлева (с этого времени К.Мячин стал Яковлевым Василием Васильевичем) он съездил в Женеву на совещание боевиков.

В июле 1909 года на Южном Урале боевики продолжили обсуждения решения, принятого V съездом РСДРП. В «Перечне эпизодов» Яковлев под № 35 конспективно отражает этот момент: «Совещание боевиков на Магнитной горе. Реорганизация. Создание военного совета из пяти лиц»[13]. А вот как об этом же совещании позднее в обвинительном акте военного суда о миасской экспроприации показал бывший боевик Терентьев, позднее ставший провокатором: «Здесь на продолжительном совещании (с 22 по 28 июля) решается вопрос о принятии новых членов, идут речи о вооруженном восстании, об ошибках старых боевых дружин, обсуждаются какие совершить экспроприации, ... разбираются характеристики всех членов, в целях улучшения конспирации избирается бюро, вводится военное положение и раздается оружие, ... решено официально образовать особую организацию под названием "Уральская боевая организация РСДРП". Среди ее целей было совершение ряда экспроприаций и затем всем ехать учиться в инструкторской школе»[14].

Во исполнение решения этого совещания уральские боевики под руководством В.Яковлева совершают последнюю крупную экспроприацию.

В ночь на 26 августа дружина из 17 боевиков появилась на станции Миасс (юг Челябинской области) и, встретив сопротивление, убила и ранила нескольких полицейских и лиц из охраны станции.

Захватив денежные суммы и около двух пудов золота из почтовой конторы на вокзале, дружина, отцепив паровоз от стоящего состава, двинулась на станцию Сыростан, разрушая телеграфную связь по пути следования. Не доезжая до станции, дружина высадилась и ушла в горы, паровоз пустым был пущен в обратном направлении. Разделившись на несколько групп, боевики пробирались на места явок через леса и горы Южного Урала по одним им известным тропам. Но в это время, по

телеграмме полицейского надзирателя из Миасса в Оренбург, губернию уже объявили на военном положении. В Уфе, Златоусте, Самаре объявлен комендантский час.

О количестве похищенных ценностей сообщала секретная телеграмма начальника почтовой конторы начальнику губернского жандармского управления:

«26 августа ... на вокзале Миасс разграблена почта с коей пересылались деньгами 40000 рублей в Челябинск Отделению Государственного банка от Верхнеуральского казначейства, 13350 рублей в Челябинск Казначейству от Миасской почтово-телеграфной конторы, две посылки по 150 рублей и пять посылок со слитками золота на 27450 рублей во Франкфурт-на-Майне»[20].

Жандармы и полиция окружили и прочесали район пребывания боевиков, и многие из них были схвачены. Лишь четверым во главе с Яковлевым удалось уйти и скрыться.

В сентябре 1910 года в Челябинске началось слушание дела об ограблении почтового отделения в Миассе. На скамье подсудимых – двадцать четыре человека, но отсутствуют главные участники дела, включая Мячина. А он уже принял меры по привлечению к процессу для защиты самых лучших адвокатов, в том числе и А.Ф.Керенского.

Кроме того, Яковлевым было организовано обращение Горького, Луначарского и других писателей "к честным людям мира" в защиту подсудимых.

В «Перечне эпизодов»[13] Яковлевым зафиксированы связанные с этим факты:

«40. Моя командировка за границу на Капри к Максиму Горькому.

47. Переговоры с Горьким об организации протеста общественного мнения против суда над боевиками в Челябинске.

48. Командирование с Капри в Питер по соглашению с Горьким его друга ... (пропущена фамилия – А.А.) для организации защиты боевиков в военно-полевом суде в Челябинске».

30 сентября семерых подсудимых приговорили к повешению, семерых – к каторжным работам на срок от четырех до двадцати лет; двоих – на поселение, восьмерых оправдали. Позднее смертные приговоры были заменены каторжными работами: усилия адвокатов и писателей не пропали даром.

Если бы Яковлев был привлечен к челябинскому процессу, несомненно, он бы получил высшую меру наказания – смертную казнь, и никакие адвокаты его не защитили бы. Отсутствие Яковлева на процессе усугубило положение подсудимых – им в какой-то мере пришлось разделить ответственность за преступление Яковлева между собой. Присутствие Яковлева на суде дало бы возможность отвечать ему как глав-

ному за содеянное и, может быть, в какой-то мере уменьшить наказание остальным. А на деле вышло так, что Яковлеву удалось избежать – казалось бы, неизбежной – смертной казни. Было над чем подумать!

После поражения первой русской революции в партийных кругах большевиков выделилась фракция «отзовистов», которая по вопросам теории и тактики революционной борьбы резко расходилась с В.И. Лениным. «Отзовисты», которых возглавляли А.Богданов, Г.Алексинский, были против различных форм диктатур, против использования депутатских прав в революционной борьбе, но были за свободу вероисповедания, за просвещение неграмотных революционных масс.

Ленин обрушился на эту фракцию с критикой, называя входящих в ее состав большевиков оппортунистическими «незрелыми элементами».

В ответ на эту критику «незрелые элементы» организовали в Италии две пропагандистские школы для ликвидации революционной незрелости и повышения грамотности русских революционеров-рабочих.

Одна из них (вторая) открылась 21 ноября 1910 года в Болонье на деньги, экспроприированные в Миассе. Организаторы школы – Богданов, Луначарский, Горький. Почему и каким образом уральские деньги попали на организацию антиленинской школы в Болонье, а не в Лонжюмо к самому Ленину – сейчас не установить.

По-видимому, это было сделано через Горького, с которым Яковлев встретился годом раньше, когда ездил на Капри по поводу Челябинского процесса. В «Перечне эпизодов»[13] так и записано: «44. Переговоры с группой "Вперед", с Горьким». Газета «Вперед» и была печатным органом «отзовистов». Горький активно сотрудничал с большевиками, а в описываемый период поддерживал и «отзовистов».

Яковлев за время своей революционной деятельности участвовал в двадцати «партизанских действиях» и экспроприациях. Такое (умышленно завышенное) количество акций он укажет в письмах руководителям государства и ОГПУ, написанных позднее из Соловецкого лагеря, надеясь на снисхождение. С современных позиций эти действия нельзя рассматривать иначе, как террористические, и мы не можем не осуждать их. Но в то время отношение к ним было другое. «Экспроприация экспроприаторов» была теоретически обоснована революционерами, в том числе и Лениным, так же, как и терроризм обоснован в трудах Б.Савинкова и других деятелей, которые считали их применение справедливым в условиях царского режима. В наши дни террористку В.Засулич, стрелявшую в петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова, лишили бы свободы и не оправдали бы по суду, как это произошло в 1878 году.

Но «отзовисты» считали, что от таких методов в революции надо отходить. Они также считали, что нужна специальная школа, в которой наряду с теоретическими основами революционного движения, с лекциями по экономике и государственному праву революционеры знакомились бы с историей Российского государства и его культурой. Организованная ими Болонская школа носила название «Школа социальных наук».

Яковлев и его товарищи Петр Гузаков, Тимофей Кривов, Михаил Ковихин и Иван Хрущов появились в этой школе в качестве слушателей в декабре 1910 года. Помните совещание на Магнитной горе: последний экс «и затем всем ехать учиться в инструкторской школе».

Яковлев пользовался авторитетом и входил в совет школы, куда входил и А.Луначарский – единственный в школе человек, знающий итальянский язык.

Руководством школы для проведения занятий были приглашены лидеры социал-демократического движения и просветители из эмиграции. От некоторых приглашенных пришли отказы. Отказались читать лекции В.Ленин, М.Горький, К.Каутский, Р.Люксембург, Ф.Дан, Г.Плеханов и другие.

Сохранился текст письма Ленина по этому случаю: «Уважаемые товарищи! На ваше предложение взять на себя чтение лекций в Болонье я не могу согласиться по причинам, во-первых, принципиальным, а, во-вторых, по невозможности для меня ехать в Болонью. И направление, и приемы деятельности той группы, которая устроила школу на Капри и в Болонье, я считаю вредными для партии и несоциал-демократическими...

Понятно, поэтому, что никакого участия в предприятиях этой антипартийной и разрывающей с социал-демократизмом группы я принимать не могу»[21].

Преподаватели школы подобрались маститые: А.Богданов – естествовед, философ, экономист, теоретик революции; А.Луначарский – интеллигент, просветитель в области философии, литературы, искусства; М.Покровский – историк; В.Менжинский – революционер; Л.Троцкий, позднее названный «демоном революции». Их лекции несли для слушателей – простых парней – революционную и просветительскую информацию, назначение которой – превратить «школьников» в зрелые элементы, в просвещенную сознательную силу.

Богданов читал политическую экономию, Луначарский – историю русской литературы и историю рабочего движения на Западе, Лядов – историю РСДРП, Алексинский – политические партии России, Маслов – аграрный вопрос, Коллонтай – женский и финляндский вопросы, Вольский – теорию пропаганды и агитации, вел

практические занятия. Менжинский читал лекции по государственному праву и вел практику по журналистской работе. На его занятиях учащиеся, в том числе и Яковлев, писали сочинения, делали стенные газеты. Для Яковлева это была первая проба в писательском деле, которому позднее он посвятит значительное время – в Болонской школе он редактировал стенную газету. Троцкий вел занятия по истории рабочего движения в Австрии и вопросам партийной тактики, а также практические занятия по журналистике. Его «чрезвычайно талантливые лекции нравились очень ученикам и вообще в течение всего этого своего пребывания Троцкий был необыкновенно весел, блестящ, чрезвычайно лоялен по отношению к нам и оставил по себе самые лучшие воспоминания. Он оказался одним из самых сильных работников этой нашей второй школы». Такую характеристику Троцкому дал Луначарский [22].

В записях Яковлева есть сообщение, что они всей школой ездили в Париж к Ленину, но сведений о встрече с ним нет.

Менжинский в одном из писем излагает свои впечатления об учениках Болонской школы, которые «произвели на меня в общем-то очень приятное впечатление – народ живой и интеллигентный, но особыми знаниями, по-видимому, не обладают»[23]. Да и воистину: какими особыми знаниями могут обладать рабочие, чаще всего с неполным начальным образованием. Для ликвидации в какой-то мере этих пробелов и была создана Болонская школа.

Теперь стоит рассказать о личных качествах боевика Яковлева и его заслугах в самообразовании. По свидетельству лиц, знавших Яковлева, и из документов известно, что он учился только в начальной школе, окончил два класса. В личном листке по учету кадров, заполненном Яковлевым в 1937 году, в графе 16 «Образование» отмечено: «самообразование». Несмотря на это, его немногочисленное эпистолярное и литературное наследие отличается хорошей грамотностью. Парадокс? Нет, для нашей истории скорее традиция.

Школа в Болонье явилась основой, от которой он пошел дальше в освоении и накоплении знаний. При общении с лидерами Болонской школы Яковлев проявлял любознательность и интерес к приобретению знаний, пользуясь уникальной возможностью, которая, как он понимал, больше ему никогда не представится.

Наряду с другими учащимися Яковлев изучил теоретические основы и разработки меньшевистского и эсеровского толка о создании в России государства, отличающиеся от положений, основанных на диктатуре пролетариата, которые, как единственно возможные, ему постоянно внушали до Болонской школы.

В школе учили формировать и излагать мысли – было кому учить!

Школа заставила заново пересмотреть жизненные устои, может быть, каждого ученика. Можно предполагать сильное влияние Л.Троцкого на Яковлева. Именно Троцкий стал проповедовать крайне отрицательное отношение – он отмечал это и в своих лекциях – к экспроприациям, дискредитирующим социал-демократическое движение. В это время он написал большую резкую статью об экспроприациях [24]. В своих работах Троцкий нигде не упоминает о Яковлеве. Но во всей последующей подпольной деятельности Яковлева больше не встречается не только эксов, но и «партизанских действий».

В 1910–1911 годах Яковлев продолжает подпольную работу в России, но неудачно и скрывается в Финляндии, а в 1911 году он нелегально переходит в Бельгию. Полиция не прекращает поисков Яковлева. Последний циркуляр департамента полиции МВД России от 4 апреля 1914 года оповещал их: «Мячин, известный ныне в заграничных партийных кругах под кличкой "Николай"... ушел с уцелевшими от ареста (по делу миасской экспроприации – А.А.) ... в Самару... Когда он однажды отправился с одним товарищем на вокзал, то они были окружены полицией. Однако Мячину, отстреливавшемуся от преследователей, удалось бежать через двор местной больницы и другие сквозные дворы, товарищ же его был задержан... Мячин добыл заграничный паспорт, уехал за границу и направился на остров Капри с намерением поступить в существующую там школу пропагандистов М.Горького. Там он пробыл несколько месяцев, затем переехал в Париж, а из Парижа в Брюссель, где и живет»[25]. Из циркуляра видно, что департамент полиции хоть и собрал достаточно полную информацию о Яковлеве, но поздно, уже после его ухода за рубеж.

Сам Яковлев этот период в «Перечне эпизодов»[13] отмечает так:

«67. Возвращение в Бельгию через Швецию и Германию нелегально. Преследование шпиками в Германии.

68. Жизнь эмигрантом в Брюсселе с 1911 по 1917 г. Приобретение квалификации электромонтера. Работа на заводах Всеобщей компании электричества в течение пяти лет.

69. Участие в работе профсоюзных организаций. Секретарь рабочего союза. Работа в парторганизации».

Избежав смертной казни в России, Яковлев более пяти лет живет спокойно в стране с достаточно высоким уровнем жизни. Здесь он смог приобрести престижную для того времени профессию электротехника, которую в своих заметках скромно называет специальностью электромонтера. Несколько лет работал в крупнейшей организации – Всеобщей Компании Электричества, занимаясь монтажом генераторов и трансформаторов. Это – высокий профессиональный уровень, требующий технической подготовки.

По-видимому, в Бельгии Яковлев впервые смог найти время для обдумывания и осмысления пути, по которому он шагал, пути революционера-боевика, и сделать выводы на будущее. Освоение языков (как стало известно позднее, он в совершенстве знал французский и английский), приобщение к европейской культуре происходило свободно благодаря его способностям. Позднее Яковлев с откровением напишет об этом периоде: «И хотя я чувствовал большое удовлетворение от результатов борьбы с врагами, но для меня все-таки не было радости, пока я видел, как тяжело и плохо жил наш русский народ. И там, в изгнании за границей, я не испытывал никакого удовлетворения от вековой культуры, от роскоши жизни, которой все-таки отличались европейские страны от нашей, и это только еще больше подчеркивало наше различное положение. Это чувство горечи и неудовлетворенности, отравлявшее всю мою кровь, исчезло лишь с момента Октябрьского переворота»[26].

Февральская революция, отречение Николая II от престола и бескровное падение царского правительства было полной неожиданностью для многих политических лидеров не только в эмиграции, но и в самой России. Объявление политических свобод в стране, амнистия политзаключенных позволили вернуться в Россию многим политическим эмигрантам. Весной 1917 года вернулся и В.Яковлев.

После кратковременного пребывания в Петрограде, встречи с друзьями и партийными лидерами в доме М.Кшесинской Яковлев возвращается в родные места на Урал. Он избирается председателем Симского Совета депутатов (Сим – рабочий городок в юго-западной части Челябинской области), а осенью вновь отправляется в Петроград на II съезд Советов. Там он попадает в атмосферу активной деятельности по подготовке и осуществлению Октябрьского переворота. Это произошло естественно, как само собой разумеющееся действие благодаря известности Яковлева в большевистских кругах и связям с Я.Свердловым, начавшимся еще в 1906 году на Урале. Именно ему поручает Свердлов ответственную задачу – доставку оружия с Сестрорецкого завода, которую Яковлев очень быстро выполняет, – оружие доставлено в Петроград!

Октябрьский переворот захватывает Яковлева, его активность позволяет выйти на уровень руководителей большевистского восстания в составе Военно-революционного комитета. В «Перечне эпизодов»[13] он отмечает:

«81. Коммунистическая фракция съезда Советов назначает меня комиссаром всех телеграфных и телефонных станций Петрограда.

83. Встреча с Джоном Ридом.

87. Арест "Викжеля" [Всероссийского исполнительного комитета профсоюза железнодорожных служащих. – А.А.], произведенный мною по распоряжению Совнаркома.

88. Постановлением Совнаркома выделена пятерка по организации ВЧК в составе Дзержинского, Ксенофонтова, Ильина, Петерса и Яковлева. На организационном совещании [я] выбран первым заместителем председателя.

89. Арест собрания учредителей.

91. Вызов т. Лениным в Смольный и встречи с ним.

92. Участие в совещаниях по реорганизации Красной Армии. На совещаниях присутствовали Подвойский, Крыленко, Антонов (Антонов-Овсеенко – А.А.), Мехоношин, Склянский и другие».

Можно было бы и дальше перечислять пункты «Эпизодов», их достаточно много у автора для этого времени. Понятно, идет напряженная работа в очень сложной обстановке по формированию новой власти, и В.Яковлев в полную силу своих возможностей участвует в этом. Наверное, это явилось результатом многолетней подготовки революционера.

Происходит множество деловых встреч, бесед, совещаний, консультаций с людьми, которые позднее займут самые высокие посты и должности во всех структурах новой Советской власти. Знания и способности Яковлева нашли применение и используются максимально. Возможно, это могло бы уже стать началом воплощения идеи об улучшении жизни русского народа, о чем мечтал Яковлев в эмиграции. Наверное, могло бы, если бы...

Если бы вдруг не отставка Яковлева. Добровольная и неожиданная. Мы к ней еще вернемся. А пока сошлемся на то, что написал Яковлев об этом: «Долгие годы нелегальной жизни и безотрадной эмиграции (с 1907 по 1917 г.) и постоянная кочевая жизнь сильно отразились на моем здоровье, а после Октябрьского переворота я чувствовал себя физически особенно усталым – все это вместе взятое заставило меня отказаться от дальнейшего пребывания в Петрограде, и я отпросился у Калинина, чтобы он отпустил меня на Урал. Последний [дал] на это свое согласие. Меня назначили военным комиссаром Урала, и в декабре месяце [1917 г.] я ... уехал в Екатеринбург. По приезде на место выяснилось, что комиссаром на Урале уже назначен тов. Голощекин. Начались трения...»[11].

Судьбой не было уготовано Яковлеву стать военным комиссаром Урала. Да, может быть, оно и к лучшему. Яковлев с его склонностью к раздумьям и болонской подготовкой разошелся бы с Белобородовым – председателем Уралсовета – и его лихими помощниками. Даже первое знакомство сразу же привело к трениям. Поэтому он уехал в Уфу и приступил к работе в Уфимской парторганизации.

ЗА ЖИЗНЬ ЦАРЯ

Весной 1918 года В.Яковлев доставил из Уфы железнодорожный состав из сорока вагонов с хлебом в Петроград, а взамен получил оружие, деньги для борьбы с Дутовым. Здесь же ему вручили приглашение Свердлова прибыть к нему в Москву: правительство из Петрограда перебралось в первопрестольную столицу.

В начале апреля Яковлев у Свердлова. В «Перечне эпизодов»[13] он отмечает: «103. Вызов тов.Свердловым в Москву. Поручение Совнаркома и ВЦИКа перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург».

Яковлеву поручают секретнейшую операцию! Позднее она обрстет легендами, несколько десятков лет ее будут расшифровывать и на разные лады интерпретировать.

Как известно, император Николай II в марте 1917 года отрекся от престола и вместе с семьей содержался под арестом, наложенным Временным правительством, в Александровском дворце Царского Села. О судьбе царской семьи 7 марта того же года в Москве на заседании Совета А.Ф.Керенский заявил: «Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу в Англию, я сам доведу его до Мурманска»[27]. Этим обещаниям Керенского не суждено было сбыться. В конце июля царская семья с частью прислуги по его распоряжению была отправлена, но не в Англию, а в далекий сибирский город Тобольск. Подальше от революционной опасности – будет позднее объяснять А.Ф.Керенский.

Романовых сопровождал отряд особого назначения из офицеров и солдат царскосельских гвардейских полков (более 300 человек) под командованием полковника Е.С.Кобылинского. Этот отряд и остался с ними для охраны в Тобольске.

Вновь пути Яковлева и Керенского пересекаются: первый раз, когда Яковлев пригласил его в качестве адвоката к Челябинскому процессу по миасскому делу, а сейчас непредвиденный случай – Керенский отправил царскую семью в Тобольск, а Яковлеву поручили ее оттуда извлечь, да еще из-под охраны, которую Керенский сам назначил для охраны царской семьи.

Свердлов обрисовал сложное положение, возникшее в Тобольске: «После Октябрьского переворота советская власть в Тобольске установилась совсем недавно – месяц назад. Да и началась она там с размещения крайне нежелательных отрядов екатеринбургских чекистов во

главе с П.Д.Хохряковым. Последний появился в Тобольске заранее и инкогнито, но власть захватить сумел [П.Д.Хохряков организовал выборы в Тобольске и был выбран председателем городского Совета. Сразу же после вывоза царской семьи Хохряков этот пост оставил и покинул Тобольск. — А.А.]. К неудовольствию екатеринбуржцев добавились вооруженные отряды и из Омска, которому Тобольск подчинялся административно.

Мы, большевики, в правительстве никогда не забываем о Тобольске и придаем наиважнейшее значение извлечению царской семьи из Тобольска без особого шума.

Но там сложилась нездоровая атмосфера, потому что чекистские военные отряды наперебой стремятся оторвать царскую семью от охраны, но по своей собственной инициативе, без всяких полномочий и указаний со стороны правительства Советской России. Из-за этой возни Николай II уходит из поля зрения Москвы. Нужен большой такт, чтобы наладить хотя бы кажущиеся хорошие отношения с царским охранением и добиться их добровольного согласия увезти царскую семью в наше распоряжение». Яковлев зафиксировал: «На мой вопрос, почему уральцы не совершают перевозку [сами], он [Свердлов] ответил, что они испортили все дело своей бестактностью и теперь, кто бы от них ни приехал, это только вызовет в охране озлобление и недовольство. Нужно нейтральное лицо, не связанное с Екатеринбургом»[28].

Этим лицом выпало стать Яковлеву. И не только потому, что он нейтральное лицо, но и потому что он обладал рядом качеств, о которых читатель уже знает и догадывается, почему именно ему поручили вывезти царскую семью из Тобольска, по маршруту, который окажется для нее последним.

Свердлов и Яковлев договорились, что во время переговоров, при перевозке и в телеграммах семью будут именовать «грузом», и что груз должен быть доставлен к месту назначения обязательно живым. Дикое и циничное выражение — «груз должен быть доставлен живым». По отношению к людям оно впервые было использовано большевиками. Не исключено, что причиной этого мог быть их опыт в перевозке живых и мертвых грузов, возможность самим бывать на месте грузов, перевозимых иногда даже в опломбированных вагонах.

В записках Яковлева отсутствует причина вывоза царской семьи из Тобольска. Может, Свердлов ему этого не раскрыл, но, вероятнее всего, Яковлев вынужден был умолчать об этом. Даже сейчас, когда документы, связанные с этой перевозкой, стали известны, причина вывозки по-прежнему остается неясной. Из анализа документов того времени следует, что реальных причин для перевозки могло быть две.

Первая: только что был заключен Брестский мир между Германией и Советской Россией. Этот мир большевистскому правительству был жизненно необходим. «Несомненно, мир, который мы хотим заключить сейчас, мир похабный, — говорил Ленин, — но, если начнется война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим правительством... Нам необходимо упрочиться, а для этого нужно время. Нам необходимо додушить буржуазию, а для этого необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки. Сделав это, мы освободим себе руки, и тогда мы сможем вести революционную войну с международным империализмом»[29].

Мир был подписан на жестких ультимативных условиях, ставящих в тяжелейшее кабальное положение Российское государство и правительство, внутри которого к тому же возникла кризисная ситуация. Об этом проговорился Л.Троцкий в беседе с членом мирбаховской миссии графом Ботманом, заявив, что «нет только могильщиков, которые похоронили бы большевиков (собственно, мы уже мертвы)»[30]. И если бы во время переговоров в Бресте немцы поставили условием выдачу царской семьи, она была бы им выдана. Но ... увы! На официальных переговорах этого вопроса не касались. Но неофициально (в кулуарах) упоминалось о «немецких принцессах», то есть о царице Александре-Федоровне и ее дочерях как лицах немецкой крови. [О наследнике российского трона цесаревиче Великом князе Алексее Николаевиче немцы дипломатично молчали, ведь его заполучение означало бы иметь в своих руках будущего законного монарха России со всеми вытекающими отсюда последствиями. Советское правительство на это никогда бы не согласилось]. И, может быть, именно тогда большевиков озарила идея разыграть позднее «немецкую карту», которая в какой-то мере помогла бы сгладить последствия Брестского договора и, несомненно, упрочить политический престиж нового правительства. Эти переговоры действительно начнутся, но несколько позднее (царская семья к тому времени уже будет переведена в Екатеринбург). А пока ее еще нужно было вывезти из Тобольска ближе к центру, возможно, даже в Москву.

Вторая: Советское правительство переехало из Петрограда в Москву из-за опасности, что Петроград может быть захвачен немецкими войсками. Не исключалась возможность при определенных условиях и сдачи Москвы. На этот случай правительством был предусмотрен эвакуационный план, который предполагал следующий переезд правительства на ... Урал, в наиболее надежную область. Именно туда были свезены арестованные члены императорской семьи.

Тобольская операция захватила Яковлева: этому было отдано все — он готовился тщательно и быстро. В неопубликованной рукописи

Яковлев пишет: «Я представлял себе положение в Тобольске всячески, то мне казалось все очень просто, приеду, употреблю маленькое дипломатическое давление и увезу Николая, то мне рисовалась возможность перехода охраны царя на его сторону, [плюс] взбаламученный народ темного Тобольска плюс возможность организаций (одной или нескольких), пытающихся освободить своего обожаемого монарха. При первом случае мне не нужно брать большого отряда, при втором – возможно, придется выдержать сражение с обязательством победить, в противном случае, царь уйдет не только из поля зрения, но и совсем, и последствия могут быть роковые. Я за это время становился то оптимистом и верил в благополучный исход ..., то мне представлялись большие препятствия и трудности, и я уже мысленно выдерживал бои, поскольку я принял предложение Якова безоговорочно» [31].

Внутренняя подготовка самого себя, подготовка отряда сопряжения из старых лихих боевиков во главе с другом П.Гузак-овым, координация действий с Уралсоветом обусловили все необходимое, чтобы операция по изъятию Романовых из-под охраны и доставка их в Тюмень (первый этап) были выполнены Яковлевым с успехом.

Знали ли об этой секретной миссии в Тобольске? Безусловно. Тобольская газета «Сибирский листок» от 10(23) апреля, то есть в момент пребывания Яковлева в Тобольске, сообщала: «Из Москвы едет посланный Советом Народных Комиссаров комиссар Яковлев, которому поручено выяснить положение дел, создавшееся в Тобольске в связи с пребыванием здесь Николая. Едет также отряд для подкрепления охраны Николая».

Как представитель правительства, наделенный широкими, даже неограниченными правами, Яковлев, неожиданно для тобольского окружения, проявил для многих необычные манеры: держался с большим достоинством, был элегантным, корректным (пригодилось и знание иностранных языков) – все это позволило ему обойти существовавшие там трения и барьеры и быстро решить поставленную задачу. Благоприятное отношение к нему было отмечено в дневниках Николая II, Александры Федоровны, П.Жильяра (преподавателя французского языка у детей Николая II, воспитателя наследника Алексея) и других, но в сопутствующем окружении представителей Уралсовета он вызвал обратную реакцию, представляющую Яковлева контрреволюционером: еще бы! – он первым подал руку низложенному императору. «Николай подошел к Яковлеву, протянул ему руку, и, к нашему удивлению, тот подал ему в свою очередь руку, и они обменялись приветствиями»[32].

В интервью «Известиям» 15 мая 1918 г. Яковлев сообщил о перевозке Романовых: «27 апреля ровно к четырем часам утра все было готово и мы двинулись в путь. 260 верст на лошадях... Нам пришлось переправиться через три реки: Иртыш, Тобол и Туру. Благодаря принятым мерам, переезд был совершен чрезвычайно быстро. Всех остановок было восемь, везде нас ждали уже запряженные тройки, поставленные в ряд: мы останавливали наши экипажи параллельно этому ряду, благодаря чему пересадка совершалась в какие-нибудь 10 минут. Ночевали в Иевлево [село в 120 км от Тобольска, почти на полдороге к Тюмени. —А.А.]. На другой день в девять часов мы были уже в Тюмени... Этот трудный и быстрый переезд мало утомил Романова. Вообще за последний год он выглядел поздоровевшим. Много работал на воздухе — рубил дрова, чистил снег и т.п. Руки в мозолях, бодр и чувствует себя прекрасно. С положением своим, по-видимому, примирился. Александра Федоровна утомилась значительно больше, но старалась не показывать этого. Вообще, она пыталась держаться гордо и замкнуто.

Наше отношение к ним их сильно озадачило. По-видимому, они опасались вначале грубости, насилий и оскорблений с нашей стороны. Но весь отряд держался по отношению к Романовым вполне корректно, не позволяя ни одного невежливого слова... Александра Федоровна смотрела на нас большими глазами, а Николай быстро освоился и стал держаться также просто»[33].

Яковлев держал в секрете конечный пункт и цель маршрута. Николай II был уверен, что они едут в Москву, по всей вероятности, подписывать документы Брестского договора. Он так и заявил перед отъездом полковнику Кобылинскому: «Ну, это они хотят, чтобы я подписался под Брестским договором. Но я лучше дам отсечь себе руку, чем сделаю это»[34]. Разговор мог бы пойти и в другом, более печальном направлении, прочитай его участники накануне местную газету «Сибирский листок» от 12 апреля. Но, видимо, было не до этого. Да и слава Богу, ведь там в разделе «Городская хроника» было опубликовано совсем неприятное известие: «По сообщению столичных газет, после окончания предварительного следствия Николай Романов будет доставлен в Москву. Уже в настоящее время в Тобольск командированы специальные латышские воинские части, которым поручено доставить бывшего императора на суд».

Только один неприятный инцидент возник в начале перевозки. Яковлев не разрешил Александре Федоровне ехать вместе с мужем, а сам сел вместе с бывшим императором в одну из троек. Это было сделано из предохранительных целей. Ведь ни Николай II, ни Александра Федоровна не догадывались и не могли знать, чем эта поездка

могла окончиться для них еще в дороге. И если она выполнялась даже в благоприятных, доброжелательных условиях, то лишь благодаря стараниям Яковлева. Ему было известно больше! Еще до выезда из Тобольска он знал, что семья обречена на смерть, если не в дороге от Тобольска до Тюмени, то уж после приезда в Екатеринбург (если это осуществится) – точно. Чрезвычайный комиссар Яковлев – бывший отчаянный боевик, рассчитывающий свои действия с величайшей тщательностью для обеспечения успеха своих предприятий, во время поездки принял самое правильное решение – быть телохранителем Николая II и занял место рядом с ним. А Яковлеву ранее делались предупреждения, чтобы он рядом с Николаем не садился.

Трудно было не увидеть, что настойчивый в своих требованиях к царю, Яковлев был и внимательным к нему. Об этом свидетельствует Волков (камердинер): «Он [Яковлев] относился в это время к царю не только хорошо, но даже внимательно и предупредительно. Когда он увидел, что Государь сидит в одной шинели и больше у него ничего нет, он спросил Его Величество: "Как! Вы только в этом и поедете?". Государь сказал: "Я всегда так езжу." Яковлев возразил ему: "Нет, так нельзя". Кому-то он при этом приказал подать Государю еще что-нибудь»[35].

Показывает П.Жильяр: «Кучер, который вез Государя и Яковлева, рассказывал, что Государь с Яковлевым вели беседы на политические темы, спорили между собой и Государь не бранил большевиков. Кучер говорил, что Яковлев "вертел" царя, а царь ему "не поддавался"»[36].

И если из двоих едущих рядом – царя и комиссара – последний видел и предполагал дальнейшую судьбу своего несчастного спутника, она занимала его, она сверлила его мозг, то царь-то уж никоим образом не мог предположить, что ждет комиссара после этих оживленных совместных бесед.

По прибытии в Тюмень 27 апреля Яковлев по телеграфу сообщает Свердлову: «Только что привез часть багажа. Маршрут хочу изменить по следующим чрезвычайно важным обстоятельствам. Из Екатеринбурга в Тобольск до меня прибыли специальные люди для уничтожения багажа. Отряд "особого назначения" дал отпор – едва не дошло до кровопролития. Когда я приехал – екатеринбуржцы же дали мне намек, что багаж довозить до места не надо. У меня они также встретили отпор ...Зная, что все екатеринбургские отряды добиваются одной лишь цели – уничтожить багаж, я вызвал Гузакова с отрядом. Вся дорога от Тобольска до Тюмени охранялась моими отрядами. Не добившись своей цели ни в Тобольске, ни в дороге, ни в Тюмени, екатеринбургские отряды решили мне устроить засаду под Екатерин-

бургом... Если это расходится с центральным мнением, то безумие везти багаж в Екатеринбург. Гузаков, а также и я, предлагаем все это перевезти в Симский горный округ, где мы его сохраним как от правого крыла, так и от левого... Заявляю от моего имени, а также от имени Гузакова, что за Екатеринбург мы не ручаемся ни в каком случае... Я вас предупредил и теперь решайте: или я сейчас же везу багаж в Симский горный округ, где в горах есть хорошие места, точно нарочно для этого устроенные, или я отправлюсь в Екатеринбург... Жду ответа. Стою на станции с багажом. Яковлев, Гузаков»[37].

Сразу же после подачи этой телеграммы состоялись переговоры по прямому проводу Москва-Тюмень между Свердловым и Яковлевым. К сожалению, в документе, дошедшем до нас, зафиксирован только монолог Свердлова. Вместо речи Яковлева паузы:

«У аппарата Свердлов. У аппарата ли Яковлев? (пауза) Сообщи, не слишком ли ты нервничаешь, быть может, опасения преувеличены и можно сохранить прежний маршрут, жду ответа. (пауза) Да, да, читал (по-видимому, ответ Свердлова на вопрос о знакомстве с телеграфным сообщением Яковлева – А.А.) (пауза)... Считаешь ли возможным ехать в Омск и там ждать дальнейших указаний? Поезжай в Омск, по приезду телеграфируй ... вези все конспиративно... До свидания»[38].

На всех парах помчал Яковлев «груз» в Омск. Поездка в Омск не означала, что Яковлев пытался увезти Романовых к белым, как это представлялось некоторым и потом стало объектом муссирования, а была лишь попыткой спасти их от смерти – по-видимому, это была единственная (и не реализованная) возможность спасти Романовых.

Узнав, что литерный поезд с «грузом» пошел на восток, а не в Екатеринбург, Уралсовет мгновенно оценил обстановку («груз» уходит и, наиболее вероятно, к противнику) и предпринял экстренные действия. Председатель Уралсовета А.Г.Белобородов передал по железным дорогам срочную военную телеграмму № 3507 «Всем! Всем! Всем!» о предательстве Яковлева, о немедленном его задержании и аресте с доставкой Николая II и его спутников в Екатеринбург. Одновременно об этом начались переговоры военного комиссара Уралсовета Ф.Голощекина с Москвой. В результате активных действий Уралсовета 28 апреля Свердловым была направлена в Омск для Яковлева телеграмма: «Немедленно двигай обратно Тюмень. С уральцами сговорились. Приняли меры – дали гарантии личной ответственностью областников. Передай весь груз Тюмени представителю Уральского Областкама. Так необходимо... Ты выполнил самое главное [курсив мой – А.А.]. Уверен в точном исполнении всех указаний. Привет Свердлов»[39].

Обдумав ситуацию, сложившуюся на железных дорогах, и возможность трагического исхода, к которому мог привести революционный пыл членов Уралсовета, Свердлов дополнительно телеграфирует Белобородову: «Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа... Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня ... указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз – никакого вмешательства. Свердлов»[40].

Необычайно был озабочен Свердлов создавшейся ситуацией, если в телеграмме несколько раз повторил свое указание, чтобы ничего не предпринимали в отношении Яковлева: знал местнический энтузиазм своих воспитанников на Урале!

Помимо телеграмм, были и непосредственные переговоры с Лениным; в итоге Белобородов вынужден был вдогонку послать еще одну телеграмму, отменяющую задержку и арест Яковлева: «Военное. Вне всякой очереди. Отмену телеграммы о задержании и аресте комиссара Яковлева сообщаем, что в результате переговоров с Председателем Совнаркома и Председателем ЦИК по вопросам следования поезда выяснилась причина, заставившая Яковлева двинуть поезд к востоку. Распоряжение о задержке поезда отменяется, товарищи железнодорожники приглашаются оказывать содействие движению поезда в западном направлении, о чем будет дано Яковлеву соответствующее приказание Москвы. Председатель Уральского областного Совета»[41].

Да, время было суровое, и пока крутились телеграммы между Москвой и Екатеринбург, могла завязаться кровопролитная схватка, в которой ликующие революционные массы на железнодорожных станциях Сибири могли расправиться и с Яковлевым, и с «багажом». Если бы!... Если бы еще до этого не было дано телеграфного распоряжения В.М.Косаревым – председателем Западно-Сибирского Совета. Вот оно: «Омск. 29 апреля 1918 г. Военное. Вне всякой очереди. Посланную телеграмму из Екатеринбурга за № 3507 за подписью Белобородова от 28 апреля прошу немедленно аннулировать. Это результат преступного недоразумения. Яковлев действует только по распоряжению Всероссийского ЦИК. В данном случае его направление на Омск было дано ему предписанием Председателя Свердлова, что подтверждено в моем присутствии по прямому проводу. Председатель ЗапСибСовдепа Косарев»[42].

Результатом переговоров с Яковлевым, в круговорот которых включились Свердлов, Белобородов, Голощекин, Косарев и даже Ленин (что само по себе уже свидетельствует о чрезвычайной важности ре-

шаемого вопроса) стало решение о доставке первой части «груза», а именно Николая II, его жены Александры Федоровны, их дочери Марии и сопровождающих лиц в Екатеринбург. Яковлев пошел на это только после подтверждения Свердловым того, что он добился гарантий от Уралсовета. Каких гарантий? Гарантий сохранения жизни Николая II и окружающих его лиц.

В силу этого утром 30 апреля 1918 г. Яковлев на железнодорожной станции Екатеринбург II (ныне Шарташ) передал членов царской семьи по расписке председателю Уралсовета Белобородову, а вечером над ним было устроено судилище в Уралсовете. Не могли же кипящие гневом члены Уралсовета отказать себе в удовольствии получения удовлетворения после столь скользкой борьбы, в которой они выиграли чудом и только потому, что московское правительство, неизвестно еще по каким причинам, пошло навстречу Уралсовету. После долгих словопрений, полных революционного пафоса, было принято «Постановление президиума Уральского областного Совета о действиях В.В.Яковлева во время перевозки Николая II из г. Тобольска в г. Екатеринбург», в котором отмечалось, что Уралсовет «считает действия т.Яковлева, вызванные его нервозностью, подозрения и рисуящиеся ему заговоры более всего продуктом его преувеличенных опасений и непониманием возложенной на него политической миссии. Что касается обвинения т.Яковлева в контрреволюционности и измене революции, то областной Совет решительно такое обвинение с т.Яковлева снимает»[43].

Так была оценена и навечно запотоколирована Уралсоветом ответственная работа чрезвычайного комиссара В.Яковлева. Ни больше, ни меньше, как «непониманием возложенной на него политической миссии». Партийная прямолинейность!

Но все могло быть и значительно хуже. Яковлев это чувствовал. После заседания Уралсовета он, во избежание недоразумений, попросил Ф.Голощекина проводить его до поезда. В очерке он пишет: «Сидя на извозчике, мы мирно беседовали с ним [Голощекиным – А.А.] и разбирали все подробности. Наконец, он не выдержал и сказал: – Ваше счастье, Яковлев, что Ленин за вас! Все ваши действия он считает правильными. Он крикнул, помолчал немного, а потом дружеским тоном продолжил: "Эх, Яковлев, революционность вы все-таки потеряли". Это было уже для меня ново. Уральцы действительно крепко рассердились и, вероятно, никогда не простят мне своей собственной оплошности. Из разговора с Голощекиным я понял, что от ярости уральцев меня спасло только имя Ленина»[44].

Прав оказался Яковлев, указывая, что уральцы никогда не простят ему случая с Николаем II. Через много лет после этого, вспоминая

заседание Уралсовета на встрече старых большевиков в 1934 г. Я.Юровский, возглавлявший в 1918 г. убийство Романовых, рассказал: «Помню бурное заседание [30 апреля 1918 г. – А.А.], на него [Яковлева – А.А.] так наседали, как на преступника. Он был достаточно выдержанный, спокойный, но в то же время крепко взволнован». Елена Вайнер добавила к словам Юровского: «Да, телеграмма Свердлова все испортила. Яковлев не выехал бы дальше Екатеринбурга»[45].

Даже через шестнадцать лет уральские большевики не хотели простить Яковлеву его человеческого отношения к беззащитному семейству. Не цинично ли звучат из уст женщины, жены екатеринбургского большевистского вожака Леонида Исаковича Вайнера слова, что «телеграмма Свердлова» все испортила? Насколько было бы лучше, если бы ее не было, ведь тогда бы Яковлев «не выехал дальше Екатеринбурга», то есть был бы здесь прикончен. Тоже прямолинейность и тоже партийная.

Это второй случай, когда Яковлев ушел от явного смертельного приговора, но сейчас уже от своих же сообщников, если не считать, что еще один приговор ему вынесен был уже ранее телеграммой Белобородова за № 3507.

И хотя он избежал смертельного исхода, а позднее Ленин и Свердлов достойно оценят его работу по перевозке «груза», эта победа Яковлева стала его первым крупным поражением, навсегда оставившим в его душе глубокую травму.

ДУЭЛЬ

После доставки Романовых в Екатеринбург Яковлев «без передышки» отправляется к правительству с отчетом о перевозке. Отчет был сделан непосредственно Ленину и Свердлову. Удивительно, что жизнь Ленина, установленная почти до минут и зафиксированная в многотомном издании его «Биохроники», не сохранила упоминания об отчете Яковлева в мае 1918 года по перевозке Романовых. Ведь событие, о котором докладывал Яковлев, еще несколько дней назад занимало все телеграфные линии между Кремлем, Екатеринбургом и некоторыми сибирскими городами, составляя важный государственный интерес. Есть в этом деле какая-то тайна, закрытая до наших дней, поэтому и не помещены в печать сведения об официальном отчете Яковлева перед теми, кто заказывал ему тобольскую операцию.

Существует одно обезличенное сообщение, что 19 мая Ленин «участвует в заседании ЦК РКП(б), где обсуждаются вопросы о Николае Романове» [46]. Однако конкретного содержания обсуждаемых вопросов нет. Будущим исследователям предоставляется возможность отыскать и изучить архивные материалы об этом заседании, возможно, оно и связано с Яковлевым.

В «Перечне эпизодов» [13] Яковлев указывает о докладе: «№ 107. Возвращение в Москву с докладом». Сведения об этом событии в его записках: «Из Екатеринбурга я вернулся в Уфу, а оттуда прибыл в Москву с докладом. Тов. Ленин, тов. Свердлов мои мероприятия, которые были приняты мною при перевозке, одобрили...» [11].

Не одобрить было нельзя, ведь задание по перевозке Романовых выполнено в самый сжатый срок, как было установлено ВЦИКом, до наступления весеннего паводка, вскрытия и разлива рек, после которых из-за распутицы перевозка длительное время (около месяца) была бы вообще невозможна. Царская семья изъята из окружения охраны в Тобольске и доставлена в следующий пункт заточения — Екатеринбург, находящийся в истинно революционных руках Уралсовета.

Река Тобол вскрылась в день прибытия отрядов Яковлева в Тюмень. Повезло Яковлеву? Нет! — Просто он подчинил все верным расчетам.

Наличие у Яковлева всесильного мандата, подписанного Лениным и даже предусматривающего расстрел на месте, в случае неподчинения или явного саботажа при выполнении им задания по перевозке, не давало, однако, возможности открывать двери всех экранирующих царскую семью ограждений — для этого волшебных свойств мандата

было недостаточно. Вот тут-то и требовался индивидуальный тактический подход исполнителя перевозки.

Ограждения были следующие:

Царскосельская гвардейская охрана. Она дала присягу Временному правительству, которому гарантировала сохранность царской семьи и ее неприкосновенности. Комиссар Временного правительства по охране царской семьи в Тобольске В.С.Панкратов об отряде особого назначения писал: «Отряд состоял из настоящих бойцов, пробывших по два года на позициях под огнем немцев, очень многие имели по два золотых Георгиевских креста. Это были настоящие боевые, а не тыловые гвардейцы, высокие, красивые и дисциплинированные... Поведение отряда было почти рыцарским. Большинство солдат отряда произвело на меня отрядное впечатление своей внутренней дисциплиной и военным видом – опрятностью»[47]. «Отряд представлял собой воинскую часть, вполне сохранившую дисциплину, и резко выделялся среди солдат местного гарнизона своей опрятностью, трезвостью и умением себя держать»[48].

Правда, после Октябрьского переворота часть гвардейцев была демобилизована и заменена революционизированными военнослужащими. Организованный ими солдатский комитет постепенно стал внедряться в руководство охраны, но прямого перехода на сторону Советов не произошло. С разрешения, а точнее под давлением этого комитета из охраны выбыл комиссар Панкратов, который проявлял заботу и гуманное отношение к охраняемым особам.

В.С.Панкратов заслуживает того, чтобы о нем сказать несколько слов. В русском революционном движении он был известен как активный народоволец, за пропаганду народовольческих идей приговорен к 20 годам одиночного заключения в Шлиссельбургской крепости в 1884 году. Освобожден через 14 лет. За эти годы он путем самообразования изучил курс геологических дисциплин, а потом, находясь в Вилуйске в ссылке и после нее, успешно выполнял работы геолога-исследователя. Участвовал в Февральских революционных событиях 1917 года и был назначен Временным правительством комиссаром в Тобольск. Здесь он был выбран в Учредительное собрание, но, не получив себе смены, выехать на его съезд не смог. А позднее уже и не надо было: Учредительное собрание разогнали большевики, утвердив власть под председательством Ленина. Сейчас известно, что уход Панкратова в большей мере определился необходимостью скрыться со своего заметного поста, потому что в июне он вместе с бывшим членом Государственной думы Г.Алексинским опубликовал заявление в газете «Живое слово» с обвинением В.Ленина в шпионаже в пользу Германии с «требованием немедленного расследования».

Резкое изменение политической ситуации в стране заставило его предпринять такой шаг.

После ухода Панкратова значительно ухудшилось положение Е.С.Кобылинского, который тоже пытался уйти в отставку, но только личная просьба Николая II остановила его от этого действия. Изменилось и отношение охраны к членам царской семьи. Оно стало хуже.

Однако, несмотря на это, неоднократные попытки революционных отрядов, действующих от имени советской власти, отторгнуть Романовых от охраны или перевести их в Тобольский тюремный замок, ни к чему не привели. К потугам чекистов гвардейцы относились настолько чутко и воинственно, что разрешение конфликтов грозило возникновением кровопролитных столкновений, которых революционные отряды избегали — они пока еще боялись открытых возмущений горожан, а конфликты непременно привели бы к этому.

Яковлев совершенно беспрепятственно проник в среду царскосельской охраны, чему способствовал мандат революционного правительства, внушил охране мысль о бесполезности сопротивления этому правительству, законность выполнения его указаний. Яковлев выплачивал деньги охране за все время их службы при царской семье, и это способствовало завоеванию доверия среди гвардейцев. Он сумел расположить к себе и полковника Е.С.Кобылинского, который дал ценные советы по воздействию на солдатский комитет и сообщил подробные характеристики гвардейцев, на которых можно было опереться при решении вопросов о перевозке царской семьи. Используя свои тактические приемы, Яковлев получил доступ к царской семье для выполнения секретного задания. Конечно, мы не знаем всех ухищрений, которыми пользовался Яковлев, а он обязательно ими пользовался, чтобы склонить на свою сторону и Кобылинского, и команду, до той поры, несомненно, преданных делу охраны бывшего царя, его семьи и окружения.

Но он сделал это!

Царская семья и ее окружение. Из-за болезни наследника (приступ гемофилии) и невозможности его перевозки Яковлевым было принято решение о вывозе главной части «груза» — бывшего императора и тех, кто захочет разделить с ним это путешествие. Как и следовало ожидать, предложение это было встречено активным сопротивлением семьи и ее окружения. Главную роль при этом решительно сыграла Александра Федоровна, в первом порыве наотрез отказавшаяся ехать, запретив это сделать и своему супругу. Естественно, что это сопровождалось неблагоприятной атмосферой, создаваемой и окружением царской семьи (Боткин, Жильяр и др.). Болезнь наследника — веская причина. Но сопротивление было сломлено, и Яковлев, пользуясь

методами убеждения, не применяя силы, бескровно сумел склонить противоположную сторону к поездке Николая II, сопровождать которого, в результате многочисленных и всесторонних обсуждений, решила сама Александра Федоровна. Из детей же поехала Мария Николаевна. Это решение Александра Федоровна приняла после долгих мучительных раздумий и колебаний, так как в жертву был принесен горячо любимый и тяжело больной сын – Алексей. Его пришлось оставить на попечение сестры Великой княжны Татьяны Николаевны и прислуги. Т.Боткина вспоминает, что это определили сами Великие княжны, которые «посоветовались между собой и решили, что Ольга Николаевна слаба здоровьем, Татьяна Николаевна должна остаться для ухода за Алексеем Николаевичем и для ведения хозяйства, Анастасия Николаевна еще мала.

– Тогда я поеду, – сказала Мария Николаевна с улыбкой, но слезы блеснули в ее чудных синих глазах»[49]. О состоянии Александры Федоровны в тот момент свидетельствует П.Жильяр: «Я прекрасно помню эту тяжелую сцену... Она была так взволнована, так страшно расстроена, как никогда раньше. ...Она не могла сидеть. Она не находила себе покоя, ходила по комнате, нервно сжимая руки, и говорила вслух сама с собой. Вот были ее мысли: "Государь уезжает. Этого отъезда не должно быть и не может быть. Я не могу допустить, чтобы его увезли одного. Я не могу оставить его в тяжелую минуту... Вдвоем легче бороться, чем одному, и вдвоем легче перенести мучения, чем одному. Но ведь я не могу оставить Алексея. Он так болен. Я ему так нужна, что с ним будет без меня."»[50]. Эту поистине тяжелую картину дополняет камердинер Волков: «Я нашел императрицу в комнате Алексея Николаевича. Лицо ее было заплакано, и она плакала в это время, но скрывала свое лицо от Алексея Николаевича, не желая, видимо, чтобы он видел ее слезы... Алексей Николаевич в это время был болен ... у него отнялись обе ноги, и он ужасно страдал, плакал, кричал, все звал к себе мать. Государыня все время находилась при нем. И вот в это-то время она так убивалась, как она никогда не убивалась раньше. Я даже сравнить не могу ее состояние при отречении Государя с этим ее состоянием в Тобольске, когда она решила оставить Алексея Николаевича и ехать с Государем. Там она была спокойна, а здесь она уже не могла сладить с собой и плакала, как она никогда не плакала раньше»[51].

И еще заявление самой Александры Федоровны в разговоре с фрейлиной Тутельберг: «Это самый тяжелый для меня момент. Вы знаете, что такое для меня сын. И мне приходится выбирать между сыном и мужем. Но я решила, и надо быть твердой. Я должна оставить мальчика и разделить жизнь или смерть мужа»[52]. Кто бы мог подумать,

что такой мужественный характер имела Александра Федоровна – жена последнего российского императора? Кто мог знать ранее и судить о ее преданности мужу, и как она проявилась в этом поступке, если вся наша литература об Александре Федоровне содержит сведения противоположного свойства – об отрицательных ее качествах и сомнениях в верности мужу. Преклоняясь перед мужеством Александры Федоровны, отмечу, что этот материал приведен, главным образом, для того, чтобы показать, какая сложная обстановка была в семье и в каких обстоятельствах приходилось Яковлеву вести работу по вывозу бывшего императора из Тобольска. Он первым из не имеющих отношения к царской семье догадался об особенностях характера императрицы. И в этих сложных, чрезвычайных обстоятельствах, которые Яковлев правильно понял и оценил, им были проявлены большой такт, воля и настойчивость, искусство человекознания, позволившие использовать ситуацию так, чтобы заставить императрицу, имевшую неограниченное влияние на мужа, принять решения, необходимые комиссару. Даже при всех отрицательных действиях Яковлев оставил о себе тем не менее положительные впечатления, отмеченные в дневниковых, впоследствии опубликованных за границей, записях действующих при этом лиц. В нашей стране эти публикации (в основном следователя Н.А.Соколова) будут успешно использованы бывшими друзьями Яковлева для его дискредитации. Но несомненно: в Тобольске Яковлев познал ранее для него неизвестные стороны взаимоотношений в царской семье, основанные на любви, верности, доброте, что существенно поколебало и изменило его прежние представления, основанные на характеристиках, создаваемых пропагандистской печатью и народной молвой.

Революционные отряды Уралсовета и г. Омска. Эти отряды прибыли в Тобольск разными путями, но с одной и той же целью и почти одновременно. 26 марта 1918 года в Тобольск вошел отряд красноармейцев из Омска. В этот день П.Жильяр сделал следующую запись в своем дневнике: «Отряд в сто с лишним человек прибыл из Омска; это первые большевистские солдаты, которые составят гарнизон Тобольска. Наша последняя надежда на спасение бегством рухнула»[53]. Т.Боткина показывает: «За все время пребывания в Тобольске этот отряд красновардейцев не произвел ни одного обыска, не сделал ни одного выстрела, не вмешался ни в одну скандальную историю»[54]. Но именно этим отрядом были разогнаны старые органы власти: земская и городская управы, суд, и создан новый губернский Совет, председателем которого избран доселе совершенно в Тобольске неизвестный матрос – бывший кочегар с броненосца «Император Александр II» – Павел Хохряков. Как станет известно позднее, П.Хохряков

был конспиративно заброшен в Тобольск Уралсоветом [55]. Революционные отряды из Екатеринбурга появились 28 марта и 13 апреля под командованием Заславского. Последний вел пропагандистскую работу, сея смуту и слухи о царской семье и подготовке ее побега из Тобольска. Солдат из царскосельской охраны Н.А.Мундель свидетельствовал Н.Соколову, что: «Заславский был злобный еврей. Он собирал наших солдат на митинг и настраивал их, чтобы семья немедленно была переведена в каторжную тюрьму»[56]. В апреле в Тобольск Уралсоветом был направлен еще один отряд красноармейцев-чекистов под командой Бусяцкого, которому было дано задание доставить Николая Романова «живым или мертвым», для чего Бусяцкий должен был совместно с Хохряковым и другими разработать в Тобольске план действий, объединив все силы ... и в случае надобности «открыть военные действия против защитников Романовых»[57]. Эти провокационно-подстрекательские действия в Тобольске по отношению к царской семье выполнялись Уралсоветом, о чем сообщал Свердлов Яковлеву, якобы по собственному революционному почину, без согласования с Москвой, центральными партийными и правительственными органами. С этими силами и встретился Яковлев по прибытии в Тобольск. И хотя Яковлев имел приказание военного комиссара Уралсовета Голощекина о подчинении под его руководство всех екатеринбургских отрядов – только формально подчинились они ему, сделав решительное заявление о необходимости уничтожения бывшего императора на маршруте Тобольск – Екатеринбург. Яковлев столкнулся здесь с внушительной командой екатеринбургских чекистов-красноармейцев (среди них были и латыши), ослепленных злобой и ненавистью к царской семье, являющихся заговорщиками внутри большевистской системы с целью неуклонного уничтожения бывшего императора Николая II.

В своем очерке Яковлев пишет: «Анархистские действия Заславского сильно тревожили меня, и я никак не мог уяснить себе, как он может действовать вопреки инструкции Екатеринбург, которая, как заверил меня Дидковский, ни в коем случае не расходится с инструкциями центра»[58]. Интуитивно он догадывался (и был прав – это позднее станет известно), что возглавляет заговор Уралсовет. Такая интригующая ситуация заставила Яковлева – опытного боевика – почувствовать профессиональное волнение и азарт в предложенном состязании, предчувствуя выход из него победителем. Им были предприняты чрезвычайные меры, исключающие возможность действий уральских отрядов против участников перевозки. Были усилены действия по организации непосредственно самой перевозки (по всей дороге в 280 верст подготовлены сменные экипажи в восьми пунктах), под-

готовлено охранение экипажей и всей дороги в целом, для чего вызваны верные Яковлеву подкрепления из Уфы и Тюмени. На всем протяжении пути была обеспечена связь с Тюменью, Тобольском, Екатеринбургом. В Тюмени заблаговременно подготовлен специальный поезд для вывоза семьи. О том, как выглядел военизированный конный эшелон Яковлева, можно иметь представление из описания, данного Боткиной, наблюдавшей со стороны отъезд царской семьи: «В первых двух санях сидели четыре солдата с винтовками, затем Государь и Яковлев. Его Величество сидел справа, в защитной фуражке и солдатской шинели. Он повернулся, разговаривая с Яковлевым, и я, как сейчас, помню его доброе лицо с бодрой улыбкой. Дальше были опять сани с солдатами, державшими между колен винтовки, потом возок, в глубине которого виднелась фигура Государыни и красивое, тоже улыбающееся такой же ободряющей улыбкой, как у Государя, личико Великой княжны Марии Николаевны, потом опять солдаты, потом сани с моим отцом и князем Долгоруковым. Мой отец заметил меня и, обернувшись, несколько раз благословил. Потом опять были солдаты, Демидова с Матвеевым, Чемодуров с солдатами, пять солдат и верховые вокруг. Все это со страшной быстротой промелькнуло передо мной и завершило за угол»[59].

Были предприняты самые строгие меры для пресечения возможных действий руководителей екатеринбургских отрядов Заславского и других, осуществлялся постоянный контроль за их передвижением.

Таким образом, создав надежный охранный механизм, Яковлев исключил возможность нападения и расправы с царской семьей во время переезда из Тобольска в Тюмень и далее.

Неожиданная ситуация возникает по прибытии поезда с царской семьей после метаний по железным дорогам Сибири на вокзал г. Екатеринбурга — Екатеринбург I. Яковлев пишет: «Несмотря на раннее наше прибытие, екатеринбургские платформы были запружены народом. Как это вышло, что население узнало о нашем предстоящем приезде, мы не знали. Особенно большие толпы были сосредоточены на товарных платформах, куда подвинули и наш состав. Поезд стоял на пятой линии от платформы. Когда нас увидели, стали требовать вывести Николая и показать им. В воздухе стоял шум, то и дело раздавались угрожающие крики "Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках!" Стоявшая на платформе охрана весьма слабо сдерживала натиск народа, и беспорядочные толпы быстро стали надвигаться на мой состав... К великому моему удивлению, я увидел, что во главе каким-то образом очутился сам вокзальный комиссар. Он еще издали громко закричал мне: "Яковлев! Выводи Романовых из вагона, дай, я ему в рожу плюну!" Положение становилось чрезвычайно опас-

ным»[60]. Каким образом екатеринбуржцы собрались на вокзале для встречи поезда особо секретной миссии?

Нам, в последнее время многократно наблюдавшим подстрекательские процессы создания смут с кровавыми исходами, возникавшие во время митингов и массово-политических мероприятий, можно ретроспективно проследить, что их зачатки были прицельно продуманы еще в годы революции, среди которых «боевой восемнадцатый год» — наиболее яркий.

Возможно, что встреча литерного поезда на перроне станции Екатеринбург I и была подготовленной акцией для организованной расправы с царской семьей, если бы...

Если бы Яковлев не предугадал это и не предусмотрел соответствующих мер, позволивших ликвидировать намечаемый кровавый инцидент.

Вернемся к записям Яковлева: «Необходимо было принять решительные меры. Я отправил к начальнику станции Касьяна с требованием немедленно поставить между платформой и составом какой-нибудь товарняк, а наш поезд отправить на станцию Екатеринбург II. Крики становились все более грозными. Чтобы на время, пока придет Касьян, образумить толпу, я как можно громче кричу своему отряду:
— Приготовить пулеметы!

Это подействовало. Толпа отхлынула, но по моему адресу тоже полетели угрожающие крики. Тот же вокзальный комиссар исступленным голосом вопил:

— Не боимся мы твоих пулеметов! У нас против тебя пушки приготовлены! Вот видишь, стоят на платформе!

Я посмотрел в указанную им сторону. Действительно, там шевелились жерла трехдюймовок, и кто-то около них копошился... Вскоре ... мы увидели: в нашу сторону движется поезд. Через несколько минут мы уже были отделены от бушующей толпы стеной вагонов. Послышались крики и ругань по адресу машиниста товарного поезда, и пока толпа перебиралась в нашу сторону через буфера товарняка, мы, имея уже прицепленный паровоз, снялись с места и исчезли в бесчисленных путях Екатеринбургской станции, а через 15 минут были в полной безопасности на ст. Екатеринбург II»[61].

Передачей Романовых Уралсовету, о которой читатель уже знает, надо полагать, и закончился доклад Яковлева вождям революции Ленину и Свердлову. Все нюансы, тонкости и дипломатия поведения исполнителей в проведении операции с «грузом», позволившие доставить его к указанному месту назначения живым, изложенные Яковлевым, не могли не привести руководителей в состояние удовлетворения о порученном и изящно выполненном задании и, разумеется,

благодарность вождей Яковлеву была объективной. Они прекрасно понимали, что Яковлев не только выполнил задание, но и выиграл дуэль у мощнейшего революционного органа – Уралоблсовета. Подтверждение того, что это была дуэль, пришло значительно позже доклада Яковлева, после того, как стали известны записки А.Г.Белобородова – председателя Уралсовета, бывшие долгие годы засекреченными. Вот как он пишет о позиции Уралсовета в отношении Николая II: «Необходимо остановиться на одном чрезвычайно важном обстоятельстве в линии поведения Облсовета. Мы считали, что, пожалуй, *нет даже необходимости доставлять Николая II в Екатеринбург*, что если представятся благоприятные условия во время его перевоза, *он должен быть расстрелян в дороге* (курсив мой. – А.А.). Такой наказ имел Заславский, и все время старался предпринимать шаги к его осуществлению, хотя и безрезультатно. ...Заславский, очевидно, вел себя так, что его намерения были разгаданы Яковлевым»[62]. Да, они именно были разгаданы, и дуэль Уралсоветом была проиграна. Но финал истории с Николаем II был давно predetermined позицией А.Г.Белобородова, отраженной в его записках, а не в гарантиях, данных Я.М.Свердлову. Семью царя оставили в Екатеринбурге потому, что спор на высшем уровне между облсоветом, правительством и ВЦИКом, непонятно по каким стратегическим соображениям, был решен в пользу Уралсовета. Возможно, у них была произведена ранее сепаратная договоренность об этом, а, возможно, Свердлов решил возложить все на Яковлева: вывезет – молодец, ну, а не вывезет – значит, царская семья останется у Уралсовета. Ну, и осталась. А Уралсовет – это Александр Белобородов, который, в отличие от Льва Троцкого, не тешил себя надеждой на повышение своего престижа организацией суда над Николаем II. Проще всего было повысить престиж, исполнив революционный долг, – расстрелять царя. Он так и пишет: «Мы, уральцы, представляли дело таким образом: Николай и его семья должны быть перевезены на Урал. Этим совершенно устраняется ... возможность к побегу. Кроме того, если друзья Николая с германской стороны захотели [бы] его у нас вырвать, у нас остается тысяча возможностей его ликвидировать в процессе отправки»[63]. Так оно и произошло в ночь на 17 июля 1918 года.

ПО ВОЕННОЙ ДОРОГЕ

Читателю были предоставлены аргументы оценки и одобрения правительством действий Яковлева при перевозке Романовых. Вернемся к умышленно оборванной в начале предыдущей главы строчке из заметок Яковлева об отчете правительству: «Тов. Ленин, т.Свердлов мои мероприятия, которые были приняты мною при перевозке, одобрили и меня назначили на Самарский фронт вместе с т.Антоновым-Овсеенко и Гузаковым»[11].

Назначили не кем-нибудь, а командующим фронтом – Самаро-Оренбургским («Перечень эпизодов», 108 [13]). Лихо! Это настолько неожиданный поворот в судьбе и жизни Яковлева, что его увязывают, как правило, с поощрением за выполненное задание.

Можем ли мы сейчас, с современных позиций объяснить логичность такого высокого назначения Яковлева, зная, что он не был профессиональным военным? Он отмечает: «Мои мероприятия ... при перевозке одобрили и меня назначили...» (курсив мой – А.А.). Стало быть, те, которые одобрили (а это были Ленин, Свердлов), они же и назначили Яковлева на эту должность, хотя «удостоверение» о назначении В.Яковлева командующим фронтом было подписано народным комиссаром по военным делам Л.Троцким [64].

Значит, назначение Яковлева не прошло мимо военного наркома, возможно, он сам присутствовал при отчете Яковлева, но более вероятно – просто получил на это рекомендацию «сверху»...Ведь без санкции Ленина назначение командующим фронтом не могло быть произведено, то есть Троцкий при любых возможных симпатиях к Яковлеву единолично этого решить не мог.

Очень возможно, что в тяжелейших условиях того времени, оценив оперативное мышление Яковлева, учитывая достаточные знания им уральской местности и обстановки (а фронт предназначался для борьбы с Дутовым на Урале) и отсутствие квалифицированных военных кадров, назначение Яковлева командующим фронтом было целесообразным.

Стоит припомнить, ведь в создании Красной Армии на первых порах приняли участие Н.Крыленко, Л.Троцкий, К.Мехоношин, Н.Подвойский, В.А.Антонов-Овсеенко – отнюдь не гиганты военной мысли, да и сам Яковлев каким-то образом примыкал к этому делу («Перечень эпизодов», 92) [13]. Указанные предпосылки, острейший дефицит армейских руководителей, быстро меняющееся положение, когда каждый день отсутствия военкомов грозил потерей территорий на востоке,

заставляли немедленно испытать Яковлева в новой революционной ипостаси. При назначении оставались нерешенными два вопроса. Яковлеву как непрофессионалу необходима была серьезная помощь военспецов. Это было и обещано, а пока ... достаточно и В.А. Антонова-Овсеенко – он успел уже показать себя преданным делу революции военным специалистом. Второй вопрос не менее серьезный: это взаимоотношения Яковлева с Уралсоветом, с уральцами, которые еще совсем недавно обвиняли его в измене революции. Ведь ясно, если военные действия проходят на уральской территории, то трения с уральцами будут продолжаться. Разве это не должно было насторожить правительство? Спрогнозировать последствия военных действий, невозможных без связи с Уралсоветом? И вот это-то никак не было учтено при назначении Яковлева на Восточный фронт. Поэтому он и таскал повсюду за собой П.Гузакова – как необходимую опору в случае трений: он имел солидный авторитет среди уральцев и был участником всех яковлевских перипетий на Урале. И все равно как мог Яковлев согласиться с таким серьезным, явно ему не по плечу, военным назначением? Видимо, сработал принцип: если партия направляет свои кадры на решение ответственных дел, то исполнение партийных указаний – священный долг партийца. От этого не отказываются. В рассматриваемой ситуации действия каждой стороны авантюристичны – и со стороны Яковлева, и со стороны тех, кто его назначал на место командующего.

Трудно обвинять руководство, но еще труднее не видеть в этом действии преднамеренного назначения Яковлева на должность, где он непременно свернет себе шею. Ясно, что это могло быть из-за строптивости Яковлева по отношению к екатеринбургским партийным руководителям, его нереволюционному отношению к перевозимым узникам, о чем предостаточно выдано сведений правительству и ЦИК, в какой-то мере даже зависти к успешной работе Яковлева.

В чрезвычайных обстоятельствах гражданской войны смены командующих были нередким явлением, и, как правило, они кончались не только сменой, но просто исчезновением смещаемых лиц. Не было ли это «подставкой» для Яковлева? Ведь это наиболее простой путь расправы с исполнителем секретной операции, дерзновенно проявившим нереволюционное отношение к бывшему императору. Такие поступки, как свидетельствует практика, большевиками не прощаются никому и никогда.

Однако назначение получено. Оно подписано 14 мая 1918 г. Военная обстановка на востоке требовала немедленного выезда нового командующего на место действий. Для начала в Самару. Пока командующий и его спешно собранный штаб двигались к Самаре, произошли важные события, резко изменившие оперативную ситуацию: 17 мая в

Самаре произошло восстание анархистов-максималистов, а 27 мая практически по всей линии Транссибирской магистрали вспыхнуло антисоветское восстание чехословацкого корпуса. Оно привело к тому, что советская власть на большей части территории Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока была свергнута и заменена местными властями, чаще всего эсеров-меньшевистского толка. Вся железная дорога Челябинск – Самара – Оренбург оказалась под властью Комитета членов Учредительного собрания (Комуч).

В новых сложных и даже тревожных для Яковлева обстоятельствах началась его недолгая военная карьера. Недолгая, но крайне важная в его судьбе! В «Перечне эпизодов»[13] Яковлев отмечает хронологию (к сожалению, без дат) своей военной эпопеи такими событиями:

«108. Назначение командующим Самаро-Оренбургским фронтом.

109. Разоружение самостоятельных отрядов. Поездка в Оренбург. Смерть мною Блюхера. Взрывы ж.д. пути казаками. Сожженные станции.

110. Подавление восстания анархистов в Самаре. Разоружение и арест матросов. Отправка их в Москву.

112. Мои распоряжения взорвать самарский ж.д.мост и ж.д.линию. Отмена моих распоряжений Подвойским.

114. Отсутствие армии. Напор чехословаков. Отступление в Уфу. Трения с Подвойским, Кобозевым, уральцами.

115. Назначение вместо меня командующим Муравьева. Приезд тройки: Кобозев, Благоданов, Муравьев.

116. Отказ от командования Уфимским фронтом, отступление из Уфы в Сарапул».

Военную практику Яковлеву пришлось начать в Самаре, здесь новый командующий получил боевое крещение, один, без Антонова-Овсенко, которого где-то потерял. Яковлев пишет: «На фронт выехал без т. Антонова, которому, как опытному командиру, давалось первенство, но последний по неизвестным для меня причинам в Самаре не поехал. Не будучи даже рядовым солдатом, мне чрезвычайно трудно было вести возложенную на меня ответственную работу, трения с различными командирами отрядов и невыяснения разграничения функций окончательно выбивало из-под ног почву»[11]. Куда исчез Антонов-Овсенко, Яковлев так и не узнал. И тяготы военной жизни ему пришлось осваивать без необходимого военного наставника.

Кое в чем у Яковлева хватка была. Это было связано с организацией разгонов, производством арестов и т.п. Это у него получилось и в Самаре, что отражено в приведенной хронологии. Но командующий должен видеть перспективу, а здесь у Яковлева – ни практических знаний, ни опыта. Его попытки ограничить наступательные действия про-

тивника разбором железнодорожных магистралей вызвали справедливый протест Н. Подвойского — одного из военных лидеров того времени, оказавшегося как раз в этих местах.

Николай Ильич Подвойский — член Высшего Военного Совета (ВВС), председатель Высшей Военной Инспекции (ВВИ), о котором свидетельствуют, что он «с первых дней советской власти по поручению В.И.Ленина и ЦК, вместе с руководителями партии занимался подбором и расстановкой политических комиссаров. При этом он неизменно руководствовался указаниями В.И.Ленина, который требовал не считаться ни с какими запретами для пропаганды и агитации. Неоценимой заслугой ВВИ и ее председателя являлось то, что во время борьбы с белочехами на Северо-Урало-Сибирском фронте был создан первый в Советских Вооруженных Силах политотдел»[65]. В книге о Подвойском указывается: «В конце мая, когда ВВИ работала в районе Саратова—Сызрани, вспыхнул мятеж белочехов, к которому примкнула внутренняя контрреволюция, Н.И.Подвойский со всем составом ВВИ сразу же выехал в район мятежа. С разрешения Советского правительства Николай Ильич взял на себя функции командующего фронтом, штабом которого стал аппарат ВВИ. Около месяца, до конца июня (точно до 13 июня — А.А.), спешно формируемые красноармейские части под руководством Подвойского сдерживали врага в районе Челябинска—Златоуста—Уфы»[66].

Что же получается: Н.Подвойский взял на себя функции командующего фронтом, которые должен исполнять Яковлев, назначенный командующим этого фронта. Как в этом разобраться? Очень просто!

Так делается освобождение нашей истории, истории гражданской войны от героев типа Яковлева, которые позднее были объявлены «врагами народа» — советские специалисты по истории везде заменили их другими лицами. В частности, функции Яковлева полностью переданы Подвойскому, хотя последний действительно находился в этом районе, но выполнял функции ВВС и ВВИ. Таких перевернутых фактов достаточно много в истории гражданской войны; в будущем при ее восстановлении таких фактов откроется еще больше. Яковлев был командующим фронта незначительное время, хотя для войны это факт значительный. Но ведь история гражданской войны долгое время обходилась без В.Блюхера и без такой значительной фигуры, как Л.Троцкий — и ... ничего.

Подвойский был наделен чрезвычайными полномочиями представителя ЦК, ВЦИК, Наркомвоена с правом издавать приказы по Красной Армии, назначать и смещать в ней должностных лиц. Такой человек и должен был оказать необходимую военную помощь Яковлеву.

Но вопреки этому получилось все наоборот, и Яковлев оставляет о нем запись совсем другого свойства: «Подвойский путаник, гастролировавший по Уралу с целым арсеналом генералов. Как то я сказал ему: "Вы видите, т.Подвойский, я совершенно один. У меня нет никого из людей, хорошо знающих военное дело. Прикомандируйте мне хоть одного из ваших генералов." Подвойский наотрез отказал, заявив, что они ему нужны для каких-то весьма важных правительственных заданий. Поднялся и уехал»[67].

Чем объяснить указанные отношения военачальников в боевой обстановке? Не есть ли это свидетельство особых условий, созданных вокруг Яковлева? При таком отношении к делу поводов для трений с руководством у Яковлева предостаточно.

Яковлев отмечает «отсутствие армии». Армии действительно еще не было, это зависело от многих причин. Прежде всего, общего хаоса: даже не существовало линии фронта. Позиции воюющих частей очень сложно переплетались между чехословацкими частями, войсками Народной армии Комуча и организующимися отрядами Красной Армии. Руководители и войска были неопытны, не хватало вооружения, обмундирования, была слабая дисциплина, но зато повсюду вводилась интенсивная политизация войск.

Положение Восточного фронта на 3 июня, по сообщению в Москву члена Высшей Военной инспекции Р.И.Берзина, было катастрофическим: «Самара. Положение самое отчаянное. Много отрядов совершенно разбиты наголову... Яковлев со своим штабом выехал в Кинель, что с моей точки зрения очень губительно, и вряд ли выдержит оборону Самара»[68].

9 июня. «Штаб Яковлева отправляется сегодня, 9 июня, на Уральский фронт, откуда будет руководить вверенными ему войсками. Тов. Гузаков отправляется на соединение со штабом Яковлева.»[69].

Как и предполагал Берзин, Самара «обороны не выдержала», она была сдана 8 июня, а 9 июня Яковлев уже передвинулся на Уральский фронт в район Уфы.

Приведем фрагменты одного приказа Н.Подвойского, относящегося к этим дням.

«Командующему Урало-Оренбургского фронта тов. Яковлеву. 9 июня 1918 г. 22ч.45м.

Согласно приказов моих Вы со штабом и остатком своих сил должны были отойти на Кинель-Бузулук-Оренбургскую магистраль. (Оказывается, направление на Кинель, которое Берзин считает очень губительным, рекомендовано Яковлеву Подвойским – чем объяснить подобную несогласованность специалистов ВВИ? – А.А.) Вы со штабом, как равно и помощник Ваш Гузаков отошли на Уфу, вследствие этого отхода

Вы потеряли время и ныне отправиться на Бузулук не представляется возможным, ... пригласить к себе в качестве военного руководителя тов. Ржевского и его штаб или, при содействии Саратовского комиссариата по военным делам, найти иное соответствующее лицо, как равно и подыскать специалистов для разных отделений оперативного Вашего штаба из служивших раньше на этих местах бывших офицеров. Об отношении донести, а также о времени Вашего отъезда из Уфы.

Общее руководство на Урало-Оренбургских магистралях остается на Вашей и Вашем штабе ответственности.

Народн. комис. по воен. дел., член Высшего Военного Совета *Н.Подвойский*.

За Управляющего делами Высшей Военной Инспекции *Модестов* [70].

Усилье штаба Яковлева военными специалистами пущено в общеизвестном направлении: «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Отношения между командующими, которые оба некомпетентны в военных вопросах: один больше, другой – меньше, всегда сложные, конфликтные. У Яковлева возникают трения с Подвойским.

Н.Подвойский все-таки пытается помочь Яковлеву в кадровых вопросах. В этом отношении представляет интерес следующая телеграмма, высланная Яковлеву одновременно с приведенным выше приказом.

«*Телеграмма № 576, тов. Яковлеву. 9.июня 1918 г., 22час.45мин.*

Ваше предложение назначить т.Зиновьева командующим на Кинель-Оренбургском направлении я одобряю... Заместителем предлагаю назначить т.Блюхера.

Наркомвоен, член Высш. Воен. Совета *Н.Подвойский* [71].

В этой телеграмме идет речь о двух видных военнослужащих Красной Армии – Зиновьеве Георгии Васильевиче и Блюхере Василии Константиновиче, которые, оказавшись рядом с Яковлевым в первые дни самарской заварухи, смогли бы выполнить военные операции на хорошем уровне. Но речь о них зашла только 9 июня, а 13 июня В.И.Ленин подписал приказ о ликвидации Самаро-Оренбургского фронта, образовании Восточного фронта, его РВС и о назначении командующим Восточным фронтом подполковника старой армии, эсера М.А.Муравьева, взявшего на себя командование вместо В.Яковлева. Н.Подвойский вместе со своим окружением был отозван в Москву.

Прибывшие вместе с М.Муравьевым члены РВС Восточного фронта П.А.Кобозев, Г.И.Благонравов и Н.И.Подвойский ликвидировали у Яковлева удостоверение, выданное Троцким, и сняли его с поста командующего фронтом. Это произошло 16 июня: таким образом, Яковлев пробыл командующим фронта всего лишь 32 дня! Заметим, что

Муравьев пробудет командующим еще меньше – 27 дней. Но это потом. А пока Яковлев отмечает, что между участниками этой встречи также возникли трения.

Одним из событий этого периода междувластия является потеря на этом фронте В.К.Блюхера как военного специалиста. Речь о нем в телеграмме Яковлеву шла. В «Директивах командования» отмечается приказ наркома по военным делам и председателя Высшей Военной Инспекции Подвойского о назначении Блюхера командующим войсками, действующими в районе Уфа – Самара [72].

Есть в записках Яковлева упоминание о снятии Блюхера без указания причин. Почему Яковлев пропустил его мимо своего внимания?

Сразу после этих событий Блюхер начнет организацию своего знаменитого рейда по тылам врага и впоследствии станет известным красным маршалом.

А что с Яковлевым? Его фамилия появляется в «Директиве о создании II армии», подписанной главкомом Муравьевым (20 июня? 1918 г.): «Уфимская и Оренбургская группы войск сводятся во 2-ю Советскую армию, командующим которой назначен Яковлев»[73].

Быстроменяющиеся районы действия военных частей фронта представлены в справке штаба фронта Генерального штаба Н.Соллогуба: «Расположение частей Восточного фронта, по данным полученным к утру 28 июня: ... 2-я армия, командарм Яковлев, военрук Махин. Штаб армии Уфа. Армия в трех группах: в районе Уфы, в районе Златоуста и в районе Оренбурга.

В Уфимской группе передовые части находятся на линии ж[елезной] дороги на запад у ст. Шафраново и на восток у ст. Мурсалимкино (приблизительно).

О Златоустовской группе точных сведений нет, можно полагать, что она занимает район ст. Салаган – ст. Уржумка.

О положении Оренбургской группы сведений никаких не имеется»[74].

Положение армии настолько тяжелое, что сведения о ее дислокации не попадают в Генеральный штаб. Военные неудачи ведут к смене руководства, а данные об этом своевременно не попадают в Генеральный штаб. Ведь еще 26 июня Яковлев был переведен в штаб фронта, и командующим армии был назначен Ф.Е.Махин, а 28 июня Н.Соллогуб об этом даже и не знал. (Читателю следует заметить еще одну деталь: командующим II армии Яковлев пробыл всего шесть дней и был переведен в штаб фронта.) Сложная военная ситуация под Уфой вынуждает Муравьева составить указание командованию II армии: «2 июля 1918 г. Без боя Уфы не сдавайте. Помните, когда нужно маневрировать к левому флангу Тухачевского. Главнокомандующий Муравьев»[75].

На следующий день – новые изменения в руководстве армии, т.к. командующий Махин перешел к белым: вместо него назначен А.И.Харченко, а политкомом В.В.Яковлев. Харченко пробыл командующим армией всего два дня (3–4 июля) и в самый критический момент так же, как Махин, перебежал к белым. Это помогло белым захватить 5 июля Уфу.

На этом военная эпопея Яковлева закончилась. Последнее свидетельство об этом в «Перечне эпизодов» уже было: «Отказ от командования Уфимским фронтом». Как произошел отказ, нам неизвестно, так как документов об этом не обнаружено. Но в письме И.Сталину (1928 г.) Яковлев пишет, что еще до сдачи белым Уфы «в Уфимском Совете постановили меня назначить военным комиссаром. Будучи в чрезвычайно угнетенном состоянии, подвергаясь постоянным насмешкам и травле, я не мог больше выносить создавшейся обстановки и просил Совет *освободить меня от всякой работы.* (курсив мой – А.А.) После долгих моих просьб мне удалось, наконец, добиться согласия Уфимского Совета освободить меня от обязанностей военного комиссара, как только закончится эвакуация из Уфы в Бирск».

Яковлев уйдет из Уфы в Бирск, там сдаст все военные материалы и перейдет на нелегальное положение. Из Бирска уйдет в Сарапул и обратно в Уфу.

Отметим, что по военной дороге Яковлев прошагал всего лишь шестьдесят дней. Юридически – командующим фронта с удостоверением Троцкого – тридцать два дня, командующим армией – шесть дней и последние двадцать два дня – на разных должностях от политкомиссара до военкома в г. Уфе.

Короткой и неудачной оказалась военная дорога Василия Яковлева – о ней можно было бы ограничиться несколькими строчками.

Можно бы! Но нельзя скрывать, какой сложной и нелепой была обстановка на Восточном фронте – Яковлев сам, может быть, даже не понял, в какую ситуацию он попал. Этот период стал исключительно важным в судьбе Яковлева и его семьи. Именно он позднее инкриминировался Яковлеву как момент измены – переход с поста командующего в лагерь белогвардейцев. Документы показывают, что этого не было! А была короткая и неэффективная военная дорога, начавшаяся взлетом по желанию высших руководителей и окончившаяся снижением на низкие должности тоже по желанию, но, главным образом, уже самого комиссара, который уяснил для себя, что роль командующего ему не по плечу.

МОМЕНТ СОМНЕНИЙ

Еще до конца года действия, неожиданно предпринятые Яковлевым, резко осложняют его и так далеко не простую жизнь. Освободившись от военного подчинения, он в Сарапуле перейдет на привычное для него нелегальное положение.

«В Сарапуле под влиянием моего болезненного состояния и неумения по-большевистски оценить создавшееся положение, я ... пришел к убеждению о необходимости перехода на подпольный метод работы и заявил своим товарищам о своем отъезде в Уфу. Я со своим мнением остался в одиночестве»[11].

Нелегально Яковлев прибыл в Уфу под фамилией Крылов. В течение трех месяцев он не может приступить к работе во вражеском тылу из-за отсутствия связей с подпольщиками и захватом оружия, заранее подготовленного для борьбы в Симском округе. Яковлев пишет: «Мое нелегальное пребывание в Уфе только усилило мое упадническое настроение...»[11].

Неоднократно в записках Яковлев отмечает свое особое состояние – он пережил сильные душевные потрясения. Он указывает на свое «упадническое настроение», несколько ранее «болезненное состояние», что определенно связано с его самочувствием в момент тяжелых раздумий о результатах неудачной военной деятельности, внутренних духовных колебаний в быстроменяющейся революционной обстановке, антигуманный характер которой с поверхности не для всех виден. Яковлев же все это не только видел, но и испытывал на себе постоянно, что и привело его к кризисному состоянию осенью 1918 года.

Глубокая депрессия и тяжелые раздумья привели к поразившему всех решению о добровольном переходе на сторону Уфимской директории – Временного Всероссийского правительства (в просторечии – Учредилки).

Переход сопровождался опубликованием обращения Яковлева к солдатам Красной Армии. Фрагменты из этого обращения:

«Солдатам Красной Армии.

К вам обращаюсь я с этим письмом, к вам, рядовые солдаты, а не к вашим безответственным руководителям, которые по своему произволу вершат судьбы нашей бедной истерзанной страны...

Еще когда я был на Советской территории, мне безусловно хотелось кликнуть клич среди вас, красноармейцы: "Довольно крови, напрасной крови, бессмысленной нам, борьба напрасна, бесполезна". Но что я мог сделать. Ведь стоило заикнуться о том специфическом насаждении со-

циализма посредством искоренения тех несчастных крестьян и рабочих, для которых, собственно, и сулят этот социализм – как перед вами встали бы тени членов Чрезвычайной комиссии для отправки в тюрьму, а затем как высшая награда социализма – расстрел. И все те, с которыми я делился своими мыслями и от них не скрывал своей глубокой грусти по поводу того, что творится в Советской власти, поймут, что если я решился окончательно уйти из лагеря большевиков несколько месяцев тому назад, то на это были глубокие причины...

Идет ужасная гражданская бойня – жизнь человеческая ценится ни во что, и не осталось на Руси ни одного свободного гражданина, который был бы уверен в завтрашнем дне...

Бывший главнокомандующий большевистским Урало-Оренбургским фронтом *В.Яковлев* [76].

Необыкновенным политическим документом было это воззвание, которым Яковлев закрепил выбор своего нового пути. Когда в конце 1980-х годов этот документ стал известен, исследователи оказались в растерянности и недоумении [77]. «Яковлев совершил поступок, который как бы перечеркнул его прежние заслуги перед революцией» (*Н.Лешкин*, 1989). «Предательский поступок Яковлева ... бросил тень на все его прошлое» (*Г.Иоффе*, 1987). «Одним махом он перечеркнул все свое боевое, революционное прошлое?» – (*Г.Иоффе*, 1988). «Переход Яковлева к сторонникам борьбы за восстановление власти Учредительного собрания ... до сих пор остается некой загадкой. Яковлев ... давал понять, что, уходя к учредилцам, намеревался организовать борьбу у них в тылу, намекая на то, что имел специальное задание и т.п... Но данных в их пользу нет; исходить надо из яковлевского обращения» (*Г.Иоффе*, 1992). «Вчера еще оценка его поступка была однозначной – измена умышленная, осознанная. И сомнению не подлежит... Кто может объяснить его поступок кроме его самого?» (*Моисеев*, 1990).

Вдумываясь и оценивая приведенные заключения исследователей по поводу обращения Яковлева, необходимо учесть, что они сделаны более чем через семьдесят лет после самого события людьми, воспитанными марксистско-ленинской идеологией. И своими заявлениями они отражают ту же самую идеологическую позицию, от которой им не просто избавиться. В период большевистского правления подобные документы оставались строго секретными; даже информация об их существовании должна была храниться в секрете. Так произошло и на этот раз. Опыт семьи Яковлева, владевшей этими документами, подтверждает это. Поэтому Лешкин и отмечает, что «этот поступок перечеркнул прежние заслуги». Только в прежних условиях заслуги можно было перечеркнуть, зачеркнуть, выбросить из жизни, еще лучше – вместе с

человеком, которому они принадлежали. С Яковлевым именно так и было.

Но важно ответить на вопрос определенно: приведенный документ – обращение Яковлева является искренним, объективным или сфальсифицированным документом, написанным под давлением? С позиций современной исторической науки – да, документ отражает объективную реальность периода гражданской войны. Такие ситуации возникали, и переходы из одного стана в другой, с заявлениями и без них бывали и во время войны и позднее, но редко и не имели столь важного значения, как в случае с В.Яковлевым.

Обращение Яковлева составлено проникновенно и глубоко, оно содержит анализ и прогноз бесперспективной судьбы тоталитарного режима советской власти в будущем; за его распространение, тем более среди бойцов Красной Армии, репрессии должны применяться несомненно, не говоря уж о применении их к автору воззвания. Подписать подобное обращение можно только в одном единственном случае, если автор решился навсегда и бесповоротно уйти от новой советской власти. Не каждый, изменяя свои политические взгляды, мог написать в тех условиях такое обращение. А вдруг придется вернуться? Или вернут! Яковлев смог. И написал! Он всегда был рискованным – таким и остался.

На переход к учредилкам Яковлев решился не сразу. Это стало возможным после изменения позиции Яковлева и после тщательной оценки обстоятельств, сформировавших в свое время мировоззрение комиссара.

Первые учителя социал-демократы, да и непосредственно Я.Свердлов поразили сознание юноши гениальным, с их точки зрения, предвидением К.Маркса, что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Изменить с помощью диктатуры пролетариата, которая сметет ненавистный монархический режим и гнет капиталистов. Это заполняет сознание юноши гордостью: ведь его работа позволит освободить народ и сделать его счастливым. Хочется как можно быстрее приблизить это время, активнее действовать на пользу большевистской партии, принося ей средства для жизни, не ставя ни во что при этом собственную жизнь.

Учеба в Болонской школе неожиданно открыла, что, кроме диктатуры пролетариата, есть иные пути установления в стране основ и порядка, дающих народам гражданскую свободу, радости жизни и труда. А жизнь в Бельгии! Она подтвердила, что такие условия, или близкие к ним, уже существуют. Так живут не только в Бельгии, но и в Италии, Франции, Германии, где Яковлев тоже бывал.

Конечно, здесь другой народ, тысячелетняя культура, но все же... Ведь это могло быть и в России. Но ведь и Ленин, и Троцкий, и многие другие лидеры большевиков также жили за границей. Разрабатывая теорию мировой революции, разве они не знали этих особенностей зарубежной жизни? В своей повседневной жизни они в полной мере использовали блага зарубежного общества. Почему же большевики так упирают на диктатуру пролетариата? Считают, что только с ее помощью может быть создано общество благоденствия? А может быть, это только для того, чтобы сохранить власть однопартийной системы?

Октябрьский переворот. Быстро промелькнувшее время этого переворота оставило глубокие сомнения Яковлева в искренности программы большевистской партии и методов ее работы. Прежде всего В. Ленин и другие лидеры партии, доставленные в Октябрь из-за рубежа в plombированном вагоне, вступили на благоприятную почву, подготовленную в значительной мере деятельностью других партий – кадетов, эсеров, меньшевиков, которые сумели оградить Временное правительство второй властью – властью Советов депутатов, где оказалось место и для большевиков. Большевики же немедленно изменили лозунг о власти, если уж власть, так «Вся власть – Советам!» Своими ближайшими планами и заверениями они все-таки гарантировали реальность созыва Учредительного собрания, которое должно было определить будущее России. Когда же оно собралось – большевики его сами же и разогнали. И Яковлев непосредственно принимал участие в аресте членов Учредительного собрания (Эпизод № 89) и, конечно же, столкнулся тогда с Виктором Михайловичем Черновым, председателем Учредительного собрания, одним из организаторов и теоретиков партии эсеров. Их пути в дальнейшем еще пересекутся. После разгона Учредительного собрания Чернов написал письмо Ленину, текст его сохранился и находится в наших архивах.

Воспоминания Яковлева о разгоне Учредительного собрания, раздумья об истинных причинах этого события и последствиях, вероятно, совпадают с размышлениями второго действующего лица в этом событии В. Чернова:

«Скажите, Владимир Ильич, у Вас не выступает краска стыда на лице, когда Вы теперь вспоминаете, до чего изолгаться приходилось всем Вашим органам, говоря об Учредительном собрании? И Вы сами, лично Вы, Владимир Ильич, торжественно и всенародно обещали не только созвать Учредительное собрание, но и признать его той властью, от которой в последней инстанции зависит решение всех остальных вопросов. Вы в своем докладе по "Декрету о мире" заявили дословно следующее: "Мы рассмотрим всякие условия мира, всякие предложе-

ния. Рассмотрим – это не значит еще, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного собрания, которое уже будет властью решать, что можно и что нельзя уступать”.

...Вы и Ваши товарищи давали перед лицом всей страны торжественные обещания уважать волю Учредительного собрания, как последней и властной инстанции – мы Вам не верим. Мы были убеждены, что противоречие между Вашими всенародными обещаниями и Вашей собственной предыдущей деятельностью есть лишь доказательство Вашего двуязычия.

После его разгона Вы стали в положение избалованного лжеца, обманчивыми обещаниями укравшего народное доверие и затем кощунственно растоптавшего свое слово, свои обещания. Вы сами лишили себя политической чести»[78].

Конечно, Чернов мечет громы и молнии в Ленина, по чьему указанию было ликвидировано Учредительное собрание, верхушка которого была арестована В.Яковлевым, исполнителем тех же указаний, находящегося сейчас в своих раздумьях; он, наверное, мог бы подписать такое письмо, но подписал свое воззвание, которое по сути своей сходно с письмом Чернова.

Так же просто, как власть, большевики решили наиглавнейший вопрос о земле, веками не решавшийся в России: «Земля – крестьянам!».

Это немедленно привлекло к большевикам огромную массу наивных крестьян, поверивших лозунгу, произнесенному на Всероссийском съезде Советов. В момент всенародного ликования никто и не мог подумать, что это тоже великий обман. Пройдет много лет, крестьяне так и не получат долгожданной земли в личное пользование, как это думалось и мечталось в Октябре. И традиционный класс крестьян, который являлся большей частью русского населения, со временем самоликвидируется.

Большевики предприняли массированное наступление и достигли стопроцентного успеха в разложении русской армии. Отмена званий, снятие погон, выборность на командирские посты, солдатские комитеты и советы, отмена смертной казни, братание с неприятелем полностью деморализовали армию и сделали ее неспособной к ведению войны. Активная пропаганда большевиков: «Мир народам!» – не могла стабилизировать армию.

По отзывам генерала Л.Г.Корнилова, армия обратилась в стадо обезумевших людей, царил ужас, позор, срам, каких русская армия не знала за все время своего существования. «Расшатывая необходимую в армии дисциплину, стихийно вызывают беспорядочную жестокость несдержанных масс, и стихия эта проявляется в буйствах, насилиях, грабежах, убийствах. Не следует заблуждаться: смерть не только от

вражеской пули, но и от руки своих же братьев непрестанно витает над армией»[79].

Эта большевистская хитрость обошлась большой кровью и крупными поражениями на фронтах мировой войны.

Но вот при организации большевиками Красной Армии, а Яковлев принимал в этом участие (Эпизод № 92), требования, предъявляемые к частям, были резко отличными от тех, которые внедрялись коммунистами в старую русскую армию. Никакой выборности, никаких комитетов. Наоборот, введен новый элемент – партийный руководитель – политрук – комиссар – идеологический работник, который не только проводил линию партии в частях, но и наблюдал за политическими брожениями в армии, главным образом – у командиров.

Наконец, организация ВЧК, в которой также принимал участие и Яковлев. Яковлев был помощником председателя ВЧК Ф.Дзержинского [80]. Без ЧК большевики не продержались бы долго. Это были органы репрессий, сетью обвивавшие страну, в которой юридически смертная казнь была отменена; в ЧК же каждый день могли убивать людей столько, сколько им было надо. В.Ленин писал: «Для нас важно, что ЧК осуществляет непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления насилия эксплуататоров, нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом».

В ЧК была применена чудовищная методика – система заложников. Намечались заложники из офицеров, из представителей бывшего царского правительства, буржуазии и т.д. По мере надобности они отстреливались. Так, за выстрел в Ленина официально объявлено, что расстреляно несколько царских министров [81].

Яковлев, конечно же, все это знал, знал, что повязанные повальными убийствами большевики не боялись ничего и в открытую заявляли об этом. Да и что бояться, если все в руках ЧК. Это позднее они будут все скрывать, а сегодня надо было держать всех в страхе – виновный в убийствах в противоположный лагерь не побежит.

Яковлев чувствовал и предвидел это еще во время Октябрьского переворота, когда оказался на самом пике событий и когда при создании этих органов предусматривался беспощадный и демонстративный красный террор – террор победителей. Тогда впервые возникли сомнения, впервые Яковлев подумал: «За что боролись?!» Подумал – и просто написал заявление с просьбой отпустить его на Урал из-за усталости. Но это была кажущаяся усталость. Прибыв на Урал, Яковлев забыл о ней, включился в работу и по требованию партии снова столкнулся с беспрецедентной несправедливостью большевистских установок.

Установка была простой – требовался хлеб для Петрограда.

Башкирия, окрестности Уфы были благодатными краями для возделывания зерновых культур. Но несколько военных лет усугубили разруху в частном хозяйстве крестьян. И они не желали делиться так называемыми «излишками», которые молодое, но бойкое Советское правительство требовало ему сдать. Экстренно введенными продотрядами у крестьян забиралось все без разбора, в том числе и семенной фонд. Изъятие у трудовых крестьян припрятанных «излишков» хлеба, на которые с необычайной активностью указывали комитеты бедноты, сопровождалось неприкрытым разбоем и грабежом.

Когда вырванный таким образом хлеб был доставлен в Петроград, после чего произошла встреча со Свердловым, одной из первых фраз, с которой он обратился к Яковлеву, была: «Ну что, Антон (подпольная кличка Яковлева – А.А.), много народу перестрелял?»[82] Для любого человека в нормальном обществе такое обращение было бы позором, но в Кремле, видимо, это было выражением особого признания заслуг преданных партии людей. А как же Яковлев? Для него это был очередной камень, брошенный в него, который приблизил составление «Обращения».

И даже значительное событие во всей этой мрачной цепи воспоминаний, одно из важных в его жизни – перевоз царской семьи из Тобольска в Екатеринбург – сейчас кажется тоже сплошным замаскированным обманом. Ведь знал и предупреждал Свердлова, что уничтожат уральцы семью царя, предлагал варианты сохранения – не согласились! Не поверили или обманули, что не верят, зная наперед действия Уралсовета. Убили всех. Не пожалели даже детей. И прислугу.

Осталась в памяти последняя телеграмма в Тобольск:

«Едем благополучно. Христос с нами. Как здоровье маленького. Яковлев».

И не только в памяти, в архивах ВЧК тоже.

Но думается об этом, и все чаще представляется, что главным организатором в убийстве был высший руководитель, правитель, ну, конечно же – Владимир Ильич. Яковлев знает уже много примеров пролитой по его указанию крови. Не знает только, что в том же письме, фрагменты которого приводились выше, В.М.Чернов отразил и этот момент: «Говорят, в своей личной частной жизни Вы любите детей, котят, кроликов, все живое. Но вы одним росчерком пера, одним мановением руки прольете сколько угодно крови с черствостью и деревянностью, которой бы позавидовал любой выродок из уголовного мира»[83]. И под этими строками письма Яковлев подписался бы, ведь его содержание совпадает с его раздумьями: «Без визы Ленина с узниками дома Ипатьева ничего сделать было нельзя».

И постоянно Яковлев возвращался к фронтовым действиям. Вернее, он из них не уходил — вот откуда у него болезненное состояние. Отношение к гражданской войне у него было особое. Яковлев считал, что с подачи Ленина, с его лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую была организована всеобщая бойня. Если на германском фронте призывали к братанию с чужеземцами, то на внутреннем фронте, где русские убивали русских, требовали отбросить жалость и убивать как можно больше.

Подозрительная чехарда с командующими фронтом и армией наводила Яковлева на размышления: не является ли «подставкой» его назначение? Сомнения вызваны тем, что на его «глас вопиющего» о помощи специалистами на фронт было направлено последовательно три военспеца: Муравьев, Харченко и Махин. Все они перешли к белым. За время гражданской войны на сторону Красной Армии перешло 82 военных специалиста на должность командующими армий. Из всего этого количества военных специалистов только пять оказались изменниками, причем трое (!!) из них были направлены на участок, где был Яковлев [84]. Вот это удивительно! Ведь даже о командующем фронтом Муравьеве Ленин отзывался: «Талантливый бесспорно, но ненадежный»[85]. А если известно, что ненадежный (так оно и оказалось), зачем же тогда нужно было укреплять таким специалистом ответственный фронт? Вопрос, который постоянно мучил Яковлева. А военных вопросов у него было много, и решение всех их приносило полнейшее разочарование. И самый главный вопрос: с кем воюем? А воевали с новой российской демократической властью. Власть, которая была создана осколками Учредительного собрания — Комуч — Комитет членов Учредительного собрания, по последующему определению наших историков — «контрреволюционный белогвардейско-эсеровский орган власти»[86]. Образован он был в Самаре, но передал свои правительственные права Уфимской директории, просуществовавшей до конца ноября 1918 года.

Мощный революционный поток, захлестнувший Россию, состоял из отдельных потоков, представленных различными группами, стремившимися делать одно общее дело преобразования России, но расходившихся в тактике исполнения и конечных целях. Главных целей определилось две: диктатура пролетариата и демократия. Одно направление — мировая революция и социалистическая система; другое — демократическая Россия. Первое направление — это большевики с небольшим количеством левых эсеров и анархистов; второе направление — правые эсеры, меньшевики, национальные социалистические партии и другие.

При Временном правительстве и в первые месяцы власти Советов все эти группы находили свое место в выборных органах и по мере способностей проводили свои политические рекомендации в жизнь.

Яковлев в Болонской школе хорошо усвоил теоретические положения политических устремлений эсеров и меньшевиков, и они не противоречили его взглядам, наоборот, даже в большинстве разделялись. Эсеры и меньшевики входили в Советы и ВЦИК и представляли оппозицию большевикам, что заставляло последних использовать изощренные приемы противодействия выдвигаемым против них логическим положениям по организации порядка в стране.

Ленин – тот просто ненавидел меньшевиков, т.к. они призывали прекратить гражданскую войну, прекратить разжигать вражду и бойню между бедными и зажиточными крестьянами. Меньшевики всеми силами поддерживали эсеры. Из телеграммы Ленина в Царицын Сталину:

«Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще». «Повсюду надо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов» (7 июля 1918 г.)[87].

Сейчас известно, что Сталин в то время уже умел проявлять беспощадность к тем, кого считал врагами, изменниками, контрреволюционерами, ну, а Ленину доставляло удовольствие слышать об этих действиях почаще.

9 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов принял постановление о выводе левых эсеров из состава Советов на территории России. Группа Ленина торжествовала – это было началом однопартийной диктатуры в Советах, другие партии были удалены из Советов еще раньше. Это было началом превращения партии в государственную структуру. Лишившись законных выборных мест в Советах, в которых целеустремленно проводились силовые рокировки большевиками-ленинцами, активные члены оппозиционных партий (эсеры, меньшевики и др.) продолжили борьбу за демократическую Россию путем создания местных правительств, таких, каким, в частности, был Комуч. Поэтому ярлык «контрреволюционного» органа для него следует отнести к провокационному пропагандистскому измышлению большевиков, которые благодаря хорошо поставленному агитационному делу оказывали тотальное воздействие на массы простых людей. А между тем оппозиционные силы имели внутри себя значительное количество влиятельных интеллектуалов, оказавшихся беспомощными противостоять большевикам в хаосе гражданской войны.

В.Яковлев знал точку зрения Ленина и его соратников и поражался двойственностью представления их позиции: для внутреннего, служебного пользования – как есть на самом деле, и для внешнего применения, замаскированного общечеловеческими идеями.

И, взвешивая свою оценку власти, к которой он принадлежал, с программами и действиями Комуча, Яковлев болезненно сознавал, что чаша весов его власти находится вверх.

На территориях, управляемых Комучем, были провозглашены демократические свободы, восстановлены городские Думы и земства, созданы Советы рабочих депутатов, разрешена свобода торговли, установлен восьмичасовой рабочий день, объявлено о социализации земли и сделаны другие демократические нововведения. Государственный флаг, как и у большевиков, принят красным. Сформирована была Народная армия, воевавшая под красными знаменами. Совет уполномоченных (правительство) Комуча предпринимал меры по установлению основ демократической республики, и В.Яковлев, находясь на территории этого правительства, склонялся к необходимости поддержки этих начинаний, происходящих в его Уфимской губернии.

Запутанные мысли, размышления мучали попавшего в сложное положение комиссара Яковлева. Этим и объясняется его «болезненное состояние» и «упадническое настроение». Если раньше он еще сомневался, то сейчас окончательно подошел к тому, что вся предыдущая деятельность его и тех, кого он представляет, является ошибкой. Что использование большевиками зажигательных лозунгов, направляемых внутрь серой массы безграмотного населения, разжигает только страсть к митингованию, принявшую массовый характер и создающую неосознанные ложные впечатления, будто бы принимаемые решения и есть управление государством («кто был никем – тот станет всем»). Масса не понимает, что всем руководят большевики, не считаясь с мнением народа.

В эти дни перед комиссаром промелькнула его не принадлежащая ему жизнь, отданная борьбе за советскую власть, власть, которая уже стремительно набирала силу, подавляя любое сопротивление, уничтожая традиционную культуру, классы, разрушая все на своем пути.

Комиссар знал об этом такое количество фактов, обстоятельств, (сейчас обрушившихся на него разом), какое любой другой не мог даже представить. Яковлев раньше не заглядывал до самой глубины и сути этих обстоятельств. Были, конечно, моменты. А вот сейчас заглянул, и это стало крушением его чаяний и надежд. Не мог он принадлежать двум моралям одновременно. И устал: сколько можно говорить одно, а делать другое. Все это и заставило круто изменить жизнь, деятельность – уйти от того, что постоянно мучало и не вязалось с совестью.

УФИМСКАЯ «ОПЕРАЦИЯ»

Города, как и люди, имеют свои биографии. Уфа возникла как поселение за много веков до присоединения Башкирии к России. А статус города она получила в XVI веке, когда стала русской крепостью. В 1918 году население этого провинциального города составляло пятьдесят с небольшим тысяч человек. Но события, происходившие здесь летом и осенью 1918 года, превратили Уфу в столичный город со своим правительством. Этот год войдет яркой страницей в историю города. В нем разместились Временное Всероссийское правительство, командование Народной армией Комуча, представители чехословацкого корпуса, активно поддерживающие Учредительное собрание, в городе замелькали дипломатические представители стран Антанты: Франции, Англии, а также представители новоиспеченных внутрироссийских правительств Урала, Сибири, Юга России и т.д.

Спокойная провинциальная жизнь города сменилась бурной, раскаленной политическими и боевыми страстями жизнью фронтовой зоны.

В этом городе и было принято решение Яковлевым об изменении своего «политического» статуса.

Принимать меняющие в корне жизнь решения любому волевому и сильному человеку не просто, тем более в одиночестве. Поделиться же своими мыслями нельзя — не те вопросы. Хотя к одиночеству Яковлев привык: он всегда один, всегда в нелегальных условиях, но и надеялся всегда, что когда-то будет жить открыто, не таясь. Когда демократическое правительство Комуча пришло к власти, Яковлев решил, что время для легализации наступило.

В это время в Уфе оказался его старый друг, бывший боевик Владимир Алексеев — сын известного в городе медопромышленника, купца II гильдии Ильи Платоновича Алексеева. Владимир в городе был известен не менее, чем отец. Еще бы! Пожалуй, единственный из местных, учившийся во французском университете. Образец для местной элиты! Но кто бы из уфимцев мог подумать, что В.Алексеев был еще и членом РСДРП, и членом БОНВ, который, приехав на каникулы в 1909 году, вместе с Яковлевым принял активнейшее участие в миасской экспроприации? Обратно во Францию уехать не удалось.

Во время Челябинского процесса пережил самое страшное — выслушал приговор о собственной смертной казни, позднее замененной на пожизненное каторжное заключение. Из литературы Яковлев знал, что подобное перенесли только Чернышевский и Достоевский, и был горд за своего товарища. Заключение Владимир отбывал на берегу Ангары

севернее Иркутска, в знаменитом кагоржном Александровском центре. Пожизненное тюремное заключение благодаря Февральской революции закончилось через восемь лет, и весной 1917 года Алексеев прибыл на родину в Уфу.

Сильно изменился он за это время. Много передумал – было время. Много переоценил. В РСДРП Алексеев не восстановился – к этому решению он пришел еще в центре после обдумывания своей революционной деятельности боевика. К этому он склонял и своих поделников.

Было большое желание как-то помочь истерзанной Родине, принять участие в защите Отечества на фронтах империалистической войны. После короткого отдыха в Уфе он добровольно и прибыл на фронт – в составе артиллерийского подразделения (по протекции А.Ф.Керенского, помнящего его по Челябинскому процессу). Но на фронте удовлетворения не нашел. Сработала агитация: «Долой войну! По домам!». «По домам, так по домам,» – записал Алексеев в своем дневнике – и вернулся обратно.

Здесь, в Уфе в семнадцатом году встретились В.Алексеев и В.Яковлев. Алексеев познакомил своего друга с четырьмя толстенными тетрадями своих тюремных записок. Убористым почерком в этих томах были изложены дневниковые записи, воспоминания, письма, размышления, истории тюремной жизни. На Яковлева тетради произвели сильное впечатление и, похоже, послужили образцом для его лагерных записок 1929–1933 годов.

Алексеев был полон энтузиазма, налаживая новую жизнь – жизнь, в которой бы наблюдалась гармония человека, семьи и экономики. «Нужно было хоть дома-то подойти к строительству новой жизни. Нужно было работать, как и все – качалась, рушилась наша экономика»[88]. Так писал тогда Алексеев. Образованность его и деловая наследственность обусловили необычайную активность (он всегда ей отличался) в создании на новой экономической основе у себя в Башкирии. К сожалению, очень интересные, оригинальные и нужные задумки в большинстве своем остались невыполненными. Развернуться Алексееву не дали.

Яковлев радовался, что Владимиру посчастливилось вырваться из неволи, что он нашел свое место в жизни, и, может быть, даже завидовал ему.

После первой встречи уехал Яковлев в Петроград, потом метался по стране: то в Москву, то опять в Петроград, то Бог знает куда еще. Но всегда старался завернуть в Уфу, что-то тянуло его сюда, здесь всегда были встречи с Алексеевым, непременно с воспоминаниями, с бурными разговорами, обсуждениями политических событий и судьбы страны.

Вот и сейчас проходят встреча за встречей, хотя один на нелегальном положении, другой – активный участник беспокойной уфимской жизни. Долгие разговоры и споры товарищей о сложившейся обстановке рассеяли сомнения и убедили Яковлева в необходимости перехода на сторону правительства Учредительного собрания. Учредиловцы – это не белогвардейцы, учредиловцы – это демократическая власть, с которой нужно идти вперед.

Яковлев никогда не расставался с важными документами, которые, как он предвидел, еще очень будут необходимы в будущем при установлении исторической правды секретных и важных дел, которыми он занимался в 1918 году. Он был в этом абсолютно уверен и поэтому не расставался с телеграфными лентами переговоров со Свердловым и другими ответственными лицами при перевозке Романовых, военными приказами, записками и т.п. Все эти документы Яковлев и Алексеев надежно (как им тогда казалось) спрятали в тайнике на усадьбе Алексева. Яковлеву сразу стало легче без этой тяжелой, секретной и опасной ноши.

Уфимский съезд членов Учредительного собрания возглавлял тогда В.М.Чернов, активный эсер, знакомство Яковлева с которым, как читатель уже знает, произошло еще в Петрограде при разгоне съезда Учредительного собрания. Яковлев беспокоился, не повредит ли это прошлое легализации, вот почему переговоры с руководством Учредительного собрания он поручил Алексееву. Недаром его подпольная кличка была «Дипломат». Да и среди учредиловцев у него были солидные связи.

Органы разведки Учредительного собрания в Уфе установили, что в городе скрывается комиссар Яковлев, были предприняты меры к его поискам и последующему аресту. Но каково же было их удивление, когда представитель власти П.Климушкин заявил, что к нему через В.Алексеева обратился с просьбой о легализации сам В.Яковлев.

Это была несомненная удача для местной власти. Добровольный переход чрезвычайного комиссара – явление не менее чрезвычайное.

Яковлеву была разрешена легализация, т.е. открытый переход на сторону местной власти Учредительного собрания. Но заявление его о переходе было тоже необходимо. Он его написал, а также составил воззвание к красноармейцам, потому что оно отражало его мировоззрение, без которого переход его был бы непонятным.

Никто не толкал Яковлева на этот переход, он сделал выбор сам. Советы Алексеева, естественно, были дружеской поддержкой с целью рассеять некоторые сомнения и колебания Яковлева.

Мало кто знал, но на решение комиссара оказало влияние еще одно событие осени того года – женитьба Яковлева на младшей сестре Вла-

димира Алексеева, Ольге Ильиничне. Ольга и была тем магнитом, который заставлял Яковлева систематически заворачивать в Уфу, в дом Алексеевых.

В Уфе Яковлев скрывался у Василия Горелова – тоже бывшего боевика, женатого на сестре Алексеева – Раисе.

Осенью восемнадцатого года старые друзья укрепили свои отношения родственными связями.

Яковлеву было уже за тридцать, его рискованная подпольная жизнь не позволяла раньше думать о создании семьи. Теперь, после перехода к учредильцам (что означало и автоматический выход из партии большевиков), у Яковлева появилась возможность создать семейный очаг с Ольгой Алексеевой. Это было большой радостью для него.

Яковлев хотел такой жизни, о которой в то время писал Алексеев: «Устали нервы от постоянного смертельного напряжения. Хотелось просто жить, жить, как хочется»[88]. Может, эта фраза была подсказана ему Яковлевым во время общения в те дни, когда они делились тем, что накопело у них в душе.

Ольгу Алексееву Яковлев узнал год назад, когда вернулся в Уфу сразу после эмиграции. Позднее Ольга Ильинична напишет: «Познакомилась с Мячиным К.А. весной 1917 года в доме моего отца И.П.Алексеева, когда после возвращения брата В.И.Алексеева с каторги к нам в дом приходили товарищи по боевой дружине... По внешности он был высоким. Волосы русые с сединой, хотя ему и было в то время 32 года. Одет был в военную форму, за воротом виднелась матросская майка... Всегда он был опрятно одет. Аккуратен. Был очень веселым, живым. Очень интересно, с юмором рассказывал о себе. Его всегда с удовольствием слушали... Вообще он был, как говорят, душой общества... Умел держать себя среди людей и подчинять их себе... Смеялся всегда громко и заразительно. Когда что-нибудь рассказывал, имел привычку размахивать руками»[89].

Венчание состоялось 28 октября 1918 года. Но счастье было непродолжительным. Совместная жизнь обсуждалась, планировалась и уже входила в едва заметную колею, как вдруг ... произошло непредвиденное.

Непредвиденным оказался переворот 19 ноября, которым была низложена власть Учредительного собрания. Перевороты всегда непредвиденны. Хотя Г.Июффе утверждает, что непростительно было В.Яковлеву с его интуицией не предвидеть падения власти Учредительного собрания в Уфе – ведь это было так очевидно. А вот в ту пору Яковлеву, да и многим другим, виделось все это несколько иначе.

Среди всеобщей разрухи и великого беспорядка, вызванных гражданской войной, создавалось впечатление, что власть Учредительного собрания укреплялась. Это виделось из программ и документов, которые

периодически издавались правительством, звучало в многочисленных выступлениях председателя съезда членов Учредительного собрания В.Чернова и управляющего внутренними делами П.Климушкина. Через правительственных чиновников они (Алексеев, Яковлев) знали о деталях военно-политических контактов уфимского правительства с командованием чехословацкого корпуса, с филиалом чехословацкого Национального совета (который находился в Челябинске), и о крепнувшем единении и сплочении региональных правительств Поволжья, Урала и Сибири. Но эти сведения и выводы на их основе соответствовали местному уровню, а переворот готовился высшим эшелонам при молчаливом согласии Антанты, при согласовании с руководством чехословацкого корпуса и белогвардейских войск.

В Омске заговор свершился 18 ноября – провозглашением военного и морского министра Временного Всероссийского правительства адмирала А.В.Колчака Верховным Правителем России. И адмирал согласился с этим.

Свой первый удар Верховный Правитель обрушил на местные эсеровские власти, созданные Комитетом членов Учредительного собрания.

Это оказалось относительно простым делом, хотя последние оказали посильное сопротивление, обращаясь даже к правительствам США, Англии, Японии, прося защитить демократические свободы от Колчака. Такие же обращения с просьбой о вооруженной помощи были посланы во все чехословацкие инстанции. Оказавшись в деликатном положении, чехословацкие руководители, ранее заверявшие учредителей в преданности, теперь отписывались, что они не могут «ни содействовать, ни сочувствовать насильственным переворотам». Но, несмотря на отсутствие сочувствия, кончилось это объединением чехословацкого корпуса с правительством Колчака. Первый удар по российской демократии нанес В.Ленин, разогнав Учредительное собрание; окончательно ее добил А.Колчак – ликвидировав местные правительства Учредительного собрания. Некоторые активные учредители, в том числе и В.М.Чернов, пытались организовать борьбу с Колчаком, но воевать и с красными, и с белыми одновременно оказалось невозможно.

2 декабря правительство в Уфе было арестовано колчаковцами и направлено под чехословацкой охраной в Омск. А бывший чрезвычайный комиссар, так рассчитывавший на «крышу» этого правительства, остался без всякой защиты наедине с белогвардейской контрразведкой, в задачи которой входили и поиски Яковлева. Он был арестован настолько неожиданно, что впервые не успел скрыться. Может быть, сказались необычные еще для него условия семейного человека. Ведь комиссар не собирался уходить в подполье. Наоборот, хотел открыто жить и работать. Но был арестован. Впервые арестован не русскими жандарма-

ми, не зарубежными полицейскими, а спецми белогвардейской контрразведки. Отчаянное заявление Яковлева о переходе к учредильцам и его обращении к бойцам Красной Армии впечатления на них не произвело – они восприняли это как обманный маневр для дилетантов-учредильцев, место которым было тоже уготовлено у них в застенках.

Будучи арестованным и изолированным от внешнего мира, Яковлев обладал достаточным временем для размышлений. Если бы такое с ним случилось два, три или сколько угодно лет назад – его это никак бы не пугало. Сейчас же он был не один. Он под арестом, а жена, с которой не прожито и месяца, оставлена на произвол судьбы. За что ей такая доля, и вынесет ли она ее?

Не тут-то было! Молодая и энергичная Ольга Алексеева подняла знакомых ей влиятельных людей города и, воздействуя через них на военную комендатуру, заставила изменить отношение военных к своему мужу, в результате чего, после предварительного допроса под усиленной охраной, Яковлев был отправлен в Челябинск. Вслед за ним туда же уехали и Ольга Ильинична с теткой мужа.

В Челябинске Яковлев несколько дней содержался в арестантском вагоне, пока не было решено отправить его в Омск. И здесь опять происходит удивительное – транспортировать Яковлева с женой и его теткой из Челябинска до Омска будет чешская охрана. Как могло такое произойти? Может быть, в силу того, что чешский корпус контролировал всю Транссибирскую магистраль, ему было поручено осуществлять транспортировку для нужд чешских и колчаковских войск, тем более, что они находились в тесном военном содружестве.

Руководитель Екатеринбургской группы войск, будущий командующий Сибирской армией чехословацкий генерал Радола Гайда (1892–1948), сделавший в кратчайший срок головокружительную карьеру от унтер-офицера в годы первой мировой войны до генерал-майора в сентябре 1918 г., один из инициаторов восстания чехословацкого корпуса, был одним из приближенных к А.В.Колчаку и на первых порах пользовался у него авторитетом. [В июле 1919 г. А.В.Колчак удалил Р.Гайду из русской армии. Впоследствии Р.Гайда выехал на родину; в 1920-х гг. был некоторое время военным министром Чехословацкой Республики; после второй мировой войны арестован за сотрудничество с гитлеровцами и казнен по приговору суда]. Р.Гайда был самоуверенный, тщеславный, лишенный каких-либо духовных и патриотических убеждений человек.

Когда чешские и белогвардейские войска 25 июля ворвались в Екатеринбург с заветной надеждой освободить императора Николая II из большевистского плена, они сразу же убедились, что опоздали, так как дом Ипатьева, где содержалась царская семья, был пуст. Нахлынувшие

в дом офицеры, разглядывая тяжелую картину, оставшуюся после свершившегося здесь убийства, брали различные сувениры себе на память об этом событии. Прибывший в Екатеринбург Гайда прекратил эти безобразия, реквизировав главный сувенир – сам дом Ипатьева, поселился в нем и разместил здесь свой штаб. Вокруг дома Гайда установил строжайшую охрану.

Член окружного суда И.Сергеев вынужден был 8 октября 1918 года составить об этом протокол: «Я, в присутствии прокурора суда В.Ф.Иорданского и председателя суда В.Н.Казем-Бек, прибыл в 11 1/2 часов утра в дом Ипатьева, причем обнаружил, что в верхнем этаже того дома парадная наружная дверь открыта, и в комнатах производится очистка и мытье полов чешскими солдатами под присмотром чешских офицеров. На выраженный мною по этому поводу протест было сказано, что офицеры действуют на основании приказа Гайды... Прибывший ... владелец дома отставной инженер-капитан Н.Н.Ипатьев ... объяснил, что им было своевременно указано представителям чешского военного командования, что все помещения находятся в распоряжении следственной власти и без разрешения таковой он никого не может допустить в дом... На заявление это последовало указание, что здесь распоряжается военная власть, и тотчас же было приступлено к уборке помещения... Прибывший в дом комендант города Блага подтвердил требование об очистке помещения, ссылаясь на приказ генерала Гайды... На это требование коменданта я, производящий следствие, заявил, что выражаю самый решительный протест по поводу занятия дома Ипатьева, являющегося носителем следов преступления и поэтому необходимого для дела при дальнейшем исследовании его, и, выполняя требование по очистке помещений, я только подчиняюсь насилию со стороны военной власти»[90].

И прокурор, и комендант города оказались бессильны запретить Гайде выполнить его желание. Следственным органам по делу убийства царской семьи пришлось достаточно повозиться: лишь только к марту 1919 года выселили они Гайдю из этого дома, имевшего первостепенное значение для следствия.

О Гайде, о его ненависти к большевикам, о союзе с Колчаком и дальнейшем его предательстве, о незавидной кончине самого Гайды можно много писать, но это отдельная тема.

Удивительным для нас должно быть то, что в окружении Гайды находилась группа эсеров во главе с капитаном Калашниковым (Кашкадамов, Молотковский, Козлов и др.), которая оказывала свое влияние на его дела в русской политике. В частности, по приказу Гайды – вопреки его сути – были арестованы члены Учредительного собрания с единственной целью – сохранить им жизнь. Был обеспечен побег лидеров

Учредительного собрания, которые нелегальными путями стали пробираться на запад. А на восток, под прикрытием чешской охраны, был отправлен В.Яковлев.

О том, что это прикрытия, Яковлев не знал, и меры по спасению от ареста были изысканы им самим. За время длинной дороги до Омска им были предприняты попытки установления хороших отношений с чехами, закончившиеся успехом. Яковлев и его жена делают все, чтобы склонить чешскую охрану на свою сторону. Началось это с разъяснения и внушения, что свой переход Яковлев осуществил только после того, как командующий чешской армией выпустил свою декларацию о прощении и приеме всех желающих красноармейцев в армию учредителей. Раз обещали простить, то обещания нужно выполнять. Говорили и о человеческом бесправии в условиях несправедливой войны. Активнее всех позицию Яковлева разделял чех – майор Кошек (по словам Л.А.Кроля, представитель Р.Гайды в Омске [90а]). Он способствовал тому, что по приезду в Омск, до передачи в колчаковскую контразведку, Яковлев с семьей временно был размещен в частной квартире, дав подписку о невыезде и, конечно, определенную залоговую сумму.

Яковлева без надзора оставлять, даже ненадолго, все равно, что «шуку бросить в реку».

В ночь под новый, 1919 год, когда жители этого сибирского столичного города, собранные здесь, кажется, со всех частей света, с лихим весельем справляли традиционный праздник, Яковлев со своей семьей исчез.

Куда же мог направиться Яковлев из Омска, находящегося в центре огромной российской территории, кишевшей войсками самого различного толка: красноармейскими, белогвардейскими, войсками эсеровских правительств, партизанскими, самостийными независимыми отрядами атаманов Семенова, Калмыкова и др. Сложнейший военный винегрет. Пробираться на запад к красным – получишь «высшую награду социализма», на восток или в тайгу – тоже очевидная гибель. Может быть, на это и рассчитывали чехи, беря у Яковлева подписку о невыезде?

К тому же, Яковлева уже искали. Были разосланы рескрипционные списки по делу Романовых, в которые его фамилия была внесена.

Сейчас-то мы знаем, что, несмотря на эту сложную ситуацию, Яковлев в январе 1919 года появился в Китае на территории КВЖД в городе Харбине. Трудно представить, как преодолел Яковлев со своими спутниками этот длиннейший путь, проходивший к тому же через очаги военных действий. Этот путь увел Яковлева от очередного, четвертого или пятого по счету, смертельного приговора.

«НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ»

Опыт жизни за границей у бывшего комиссара Яковлева был. Конечно, полулегальной, потому что жил он всегда по чужим документам. Почти одиннадцать лет прожил он в эмиграции, чуть больше года назад вернулся на Родину – и вот уже снова в нелегальных условиях и снова на нерусской земле. Хотя ... почему на нерусской?

Харбин – земля есть русская, только на китайской территории.

Китай, когда-то процветающая восточная империя, к концу XIX века значительно отстал в своем развитии от стран капиталистических, они терзали и рвали его на части. Человек, случайно попавший сюда, мог бы и не догадаться, в какой стране он находится: здесь были чисто английские районы, французские, были и русские. В начале XX века интенсивно проявляется японская экспансия. Зоны японского влияния начинают занимать значительные площади на востоке Китая.

Российское правительство, предвидя борьбу со Страной восходящего солнца, давно и пристально следящей за нашими восточными окраинами, предприняло здесь меры по обеспечению своей безопасности, создавая базы на океанском берегу Китая: Порт-Артур, порт Дальний. И по договору с Китаем построило в 1898–1903 годах через Маньчжурскую землю железную дорогу по кратчайшему пути во Владивосток, получившую название Китайской восточной железной дороги – КВЖД. После русско-японской войны в 1905 г. южная ветка этой дороги – Южно-Маньчжурская железная дорога – была передана Японии. До 1935 г. КВЖД находилась в совместном с Китаем управлении (сперва российской, затем советской администрацией), в 1935 г. была передана властям Маньчжоу Го; после второй мировой войны управлялась советско-китайской администрацией до 1952 года, когда окончательно была передана китайским властям.

При пересечении дорогой притока Амура – Сунгари, на правом его берегу из захудалой китайской деревушки вырос сначала поселок, а затем ставший широко известным город Харбин.

К началу века Харбин был оживленным русским городом с крупными региональными железнодорожными депо и мастерскими, с современными мукомольными и маслоделательными промышленными предприятиями.

Вся территория, по которой проходила КВЖД – так называемая «полоса отчуждения», в том числе и г. Харбин, была передана России в концессионное пользование.

В 1919 г., когда В.Яковлев прибыл в Харбин, город насчитывал около 100 тыс. жителей и состоял из нескольких районов. Старая часть города под названием «Пристань» была деловым и торговым центром. Здесь жили основатели города, их потомки, промышленная буржуазия, служащие. Много лавок, магазинов, контор, чайных, ресторанов. Центральный район города – Новый город – включал банки, конторы, крупные магазины, гостиницы, рестораны и самое главное – сердце города – Управление КВЖД. В парке – большой православный Покровский собор, в котором каждодневно проходили русские службы. В Новом городе жила привилегированная часть русского населения: церковнослужители, учителя, купцы, военнослужащие, а также служащие, мастеровые, специалисты и квалифицированные рабочие КВЖД. Харбин был застроен по образцу городов средней России – вдоль четких, прямолинейных улиц двухэтажные дома, к окраинам переходящие в одноэтажные с палисадниками, усадебными хозяйствами, сараями, конюшнями и огородами. И когда вечером по его пыльным улицам с полей возвращались мычавшие и блеявшие стада, а воздух наполнялся специфическим теплым запахом стада, бречением медных ботал, да если к тому же еще с какой-нибудь скамейки у палисадника раздавалась душевная мелодия знаменитого шатровского вальса «На сопках Маньчжурии», трудно было подумать, что это Китай. Это, конечно же, была Россия!

Но Китай тоже был. Самые окраины города – вот где ютилась китайская беднота (хотя среди китайцев встречались торговцы и ремесленники), особенно много было чернорабочих, кули, людей, занятых тяжелым физическим трудом.

Таким Харбин был до русских революций 1917 года.

Как во всей России, революции, а позже гражданская война, внесли и здесь в жизнь свои поучительные коррективы. В Харбине была группа РСДРП, в марте 1917 г. возник Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов. В декабре 1917 г. они были разогнаны белогвардейцами с помощью войск китайских «милитаристов»[91].

Войск в Харбине хватало: еще с войны 1904–1905 гг. остались военные организации, а в связи с революционными событиями количество их резко увеличилось. Помимо представительств различных российских войск, здесь оказались военные организации почти всех стран мира. Их создали для оказания содействия правительствам, ведущим гражданскую войну в России, особенно правительству А.В.Колчака. Возникали они на КВЖД, как грибы после дождя, чему благоприятствовали такие особенности, как надежная транспортная связь с Россией, собственно русская территория внутри бесправной страны – трамплин для забрасывания в Россию грузов и людей с определенными целями. Да и сам Харбин, как муравейник, кишел представителями разных стран и народов – потому что здесь дела-

лась интерполитика для России. Отсюда начал свое шествие А.В.Колчак, сюда прибывали части Семенова, Калмыкова и других «полководцев» для переформирования и отдыха. Сюда доставлялись военные транзитные грузы – помощь Антанты сибирским добровольческим войскам.

В город постоянно прибывали беженцы из России: привилегированные слои общества из городов, захваченных большевиками, чиновники, дельцы, представители разогнанных правительств и т.д. Улицы, магазины, гостиницы заполнены иностранными представителями, газетчиками, белыми и красными шпионами, разведчиками из многих стран мира.

Во всеобщем хаосе казалось, что в городе отсутствует какая-либо сила, организующая и направляющая порядок в нем, но это было только кажущееся впечатление, т.к. всей территорией КВЖД единолично распоряжался русский диктатор генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват – управляющий КВЖД. Назначен он на эту должность был еще в 1903 году одним из самых авторитетных в стране железнодорожников С.Ю.Витте (в 1905–1906 гг. – председателем совета министров Российской империи).

В декабре 1917 года Харбинский Совет, получив телеграмму Ленина о передаче ему всей полноты власти в зоне КВЖД, на радостях принял решение о смещении Д.Л.Хорвата и взятии управления в свои руки. В свою очередь, Хорват отреагировал на это принятием крутых мер по немедленному устранению этого Совета. В связи с этим же Д.Хорват оперативно создал в своем городе «Дальневосточный комитет активной защиты Родины и Учредительного собрания», который опекал генерала в последующем от подобных нелепостей. Сам Хорват был ярким монархистом (тяжело переживал гибель царской семьи), имел прочные надежные связи в деловых, военных и дипломатических кругах и некоторое время возглавлял «Сибирское» правительство, противопоставив его правительству в Омске и пытаясь объединить вокруг себя все белые силы Сибири и Дальнего Востока. После всеобщего признания Верховного Правителя А.В.Колчака, выдвинувшегося при его активном участии, Д.Л.Хорват принял его прокровительство со одновременным назначением «верховным уполномоченным Колчака в Маньчжурии». Вот тогда Д.Хорватом были заказаны и изготовлены в США бумажные денежные знаки для КВЖД достоинством от 50 копеек до 100 рублей. В народе территорию КВЖД в 1918–1919 годах называли «Хорватией».

Ежедневно через Харбин проезжали тысячи человек. В этом потоке вряд ли кто-то обратил особое внимание на появление в городе бывшего комиссара В.Яковлева со спутниками; они ничем не отличались от беженцев, повсюду ищущих убежища от революции.

После потрясений, перенесенных Яковлевым и его спутниками, колорит города и его шумная жизнь не доходили до них. Они спаслись, и

сейчас главное – это необходимое вхождение в поток городской жизни. На окраине была найдена подходящая комната, в которой поселились Яковлев с Ольгой Ильиничной. Сопровождающая тетушка – Екатерина Ильинична – теперь могла их покинуть. Ее миссия была выполнена, ведь она сопровождала молодоженов в их первом и далеко не свадебном путешествии, чтобы помочь Ольге в случае тяжелой ситуации, которая могла возникнуть, если Константину не удалось бы освободиться из-под ареста или, что еще страшнее, если бы... Да, да! Такой вариант не исключался и даже был предусмотрен.

Но все обошлось! Судьба благоволила – молодые устроились, похоже, надежно, это Екатерина Ильинична видела своими глазами. Теперь можно со спокойной душой пробираться обратно в далекую Уфу, где и передать близким и друзьям (кому можно) об удачном исходе путешествия, сопряженного с необычайным риском. Конечно же, в первую очередь Владимиру Алексею.

А молодым осталось самое главное и трудное – найти свое место в жизни, в Харбине или дальше – за его пределами.

Из-за стыка интересов международных и российских на этой территории Харбин стал почти международным городом. Определенная часть его населения перекинулась на обслуживание военных и заморских гостей и неплохо зарабатывала на этом. Хватало здесь и аферистов, и темных дельцов. Вечерами окна ресторанов зазывно полыхали ярким электрическим светом; в них под модные душещипательные романсы, исполняемыми местными и залетными дивами, составлялись прожекты освобождения от коммунистов, монархистов, анархистов и вообще от кого угодно великой, единой и неделимой России.

Яковлеву было тридцать два года – возраст для той эпохи солидный – тогда люди мужали и взрослели быстро, в противном случае они просто выпадали из активной жизни. Яковлев в свои годы уже успел побывать и на высоких должностях революционного правительства, заместителем председателя ВЧК, командующим Самаро-Оренбургским фронтом. И оказался Яковлев в Харбине, потому что «сверху» лучше видел итоги своих деяний: все стремились делать жизнь для народа, а в результате расстрелы без следствия и суда, братоубийственная война, разруха, голод. Человек действия, Яковлев не мог принимать участия в том, с чем был не согласен, но и оставаться в стороне тоже не мог. Отношение к Родине, к гражданскому долгу вынуждает каждого человека в период революции определить свой лагерь, свою сторону, которой следует держаться. Яковлев ее определил. Сейчас он уже не комиссар и не член большевистской партии.

Яковлев знал, что за свой выбор, хотя в революционное время необходимо прямо и открыто заявлять о своей приверженности идеалам и пере-

ходить в стан своих единомышленников – это определялось партийными рекомендательными установками («Для того, чтобы объединиться – нужно окончательно размежеваться...» – Ленин.) – он все равно будет преследоваться большевиками. Знал Яковлев также, что он уже разыскивается белогвардейцами, у которых, кстати, остались его документы. Так что оказался он между двух огней: и те, и другие, хоть и воюют между собой, но каждый имеет свой интерес ликвидировать Яковлева. Как старый, опытный конспиратор, он знал, насколько важно иметь для прикрытия хорошие документы. Какгодились ему подлинные документы Мячина, которые у него сохранились! Поэтому в декабре 1919 года из Омска навсегда ушел в прошлое Василий Васильевич Яковлев (в будущем он будет присутствовать только в следственных протоколах да литературных произведениях), а в Харбине появился пропавший десять лет назад и не найденный до сих пор Константин Алексеевич Мячин. Он знал, что с этими документами долго не продержаться, все равно попадетс кому-нибудь на глаза знакомая фамилия: или царским жандармам, или ЧК. Поэтому, чтобы жить, надо искать другие документы. Все повторяется: снова за границей (только не на Западе, а на Востоке), снова нелегальная жизнь и снова смена фамилии.

И вспомнил Василий Яковлев, как во время переезда из Тобольска в Екатеринбург Николай II просил его объяснить, почему большевистские правители, начиная с Ленина, значатся под псевдонимами, а не под своими фамилиями, и назвал их с десятком. [В доме Ипатьева была найдена четвертушка плотной бумаги, на которой рукою Николая II приведен перечень: Нахамкес – Стеклов, Апфельбаум – Зиновьев, Розенфельд – Каменев, Цедербаум – Мартов, Цедерблум – Ленин, Фельдман – Чернов и т.д. – всего 14 фамилий и псевдонимов. – А.А.]. Ведь если они все делают на пользу России, то какой же смысл лишать свою фамилию заслуженного в таком случае уважения? Комиссар ответил, что это связано с подпольной деятельностью большевиков и что благодаря конспирации царские розыскные органы не обезвредили революционное ядро.

Вспомнил он, как сам менял фамилию Мячина на Яковлева, но промолчал. Сейчас-то он знает, как трудно с этим бороться: основная масса фальшивых документов шла из-за границы, видимо, там имелся непосредственный интерес к российской революции.

Судьба Мячина-Яковлева в зависимости от различных обстоятельств складывалась так, что вначале все способствовало его успешному продвижению в жизни, карьере, а вот в конце 1918 года, независимо от его энергичных действий, как назло, все вело к краху его революционной карьеры. И опять все надо начинать сначала.

И Мячин ищет это начало с учетом случившегося: о возвращении в Россию нельзя даже думать. Имея квалификацию электротехника, проще

всего обеспечить семье нормальную жизнь на Западе. Для этого необходимо выбираться из Китая. Вариант был отвергнут. Для его осуществления нужны новые документы. Отвергнут и вариант перехода в категорию политического эмигранта. Остался наиболее простой путь. Пока нет надежных документов, найти работу в тихом месте и вживаться в новую среду, а потом будет видно. Мячину, знающему французский и английский языки, было довольно просто находиться на территории многонационального города, где цивилизованная часть населения говорила на этих языках.

На окраине Харбина Мячин нашел мельницу и устроился работать электриком. Это было, соответствующее тому времени мукомольное предприятие, обслуживаемое в основном русскими. Мячин считал работу удобной хотя бы потому, что она была связана с хлебным делом, а это значит, здесь всегда можно будет найти главный продукт питания. На этой мельнице Константин Алексеевич проработал почти год. Время это было нужно, чтобы освоиться в незнакомом городе. Он знал, что в механических мастерских на КВЖД имеются подпольные организации социал-демократов, однако попасть на работу туда было далеко не просто. КВЖД была одной из образцовых железных дорог России: несмотря на сложную ситуацию в стране, дорога работала четко. На дороге была введена железная дисциплина и строгая, тщательная проверка сотрудников на политическую лояльность. По указанию Д.Хорвата, всех, подозреваемых в сочувствии эсерам и особенно большевикам, с работы изгоняли немедленно. Остатки организации социал-демократов после разгона их в декабре 1917 года были тщательно законспирированы в железнодорожных мастерских.

Как человек, преданный социалистическим идеям, Мячин находит людей, несогласных с социальным положением на мельнице, и объединяет их вокруг себя. Проводя с ними беседы на экономические темы, он постепенно готовит людей для выступления с требованиями об улучшении условий их жизни. Одновременно самостоятельно и через рабочих мельницы Мячин ищет подходы к партийной организации КВЖД.

Он обследует город, изучает городское общество. 17 июля, в годовщину гибели царской семьи, в городском соборе состоялась панихида по убиенным. Духовенство, верующие, чиновники, военные, представители английской и французской миссий, официальные лица заполнили собор. Ровно за минуту до начала службы в центре собора появился сам Д.Л.Хорват со свитой. К.Мячин был на панихиде. Его волновали события, связанные с царской семьей: непредвиденная встреча с ней оставила значительный след в его жизни и даже повлияла на его мировоззрение. Слушая прекрасное хоровое пение и проповедь, Мячин впервые услышал брошен-

ные с амвона проклятия в адрес злодеев, которые обманным путем выманили царскую семью из-под охраны Кобылинского и, доставив ее в Екатеринбург, выместили на беззащитных и безвинных людях свою звериную злобу. Эти проклятия, имеющие отношение и к нему, вызвали на мгновение оцепенение и шок, после которых наступила мертвая тишина.

Здесь, в соборе, Мячин понял, что, если расследование царского дела даже и не будет завершено, то оно уже навсегда вошло в историю как величайшее злодеяние, а его участники и пособники, даже косвенные, будут привлечены к суду и возмездию, если не официальному, то к суду истории обязательно.

А через несколько дней Управлением КВЖД был получен циркуляр Департамента милиции Отдела государственной охраны г. Омска от 29 июля 1919 г. № 1907, с которым первым ознакомился Хорват:

«Секретно. Циркулярно. Всем управляющим губерниями и областями.

Арестованный одно время в Уфе активный большевистский деятель некто Яковлев впоследствии был освобожден и, будучи обязан подпиской о невыезде из г. Омска, скрылся. Особый отдел, по приказанию Директора Департамента Милиции, просит сделать распоряжение о принятии самых энергичных мер к розыску названного Яковлева, приметы коего: выше среднего роста, плотный, цвет волос темно-русый, борода бритая, держится с большим достоинством, интеллигентное продолговатое лицо, лет 36–38, прекрасно одет, и, в случае обнаружения его, обыскать, арестовать и препроводить в распоряжение начальника Контр-Разведывательного отдела и военного Контроля Управления Генерал-квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего.

Подлинное за надлежащими подписями. *Секретарь (подпись)*» [93].

Прочитав циркуляр, Хорват немедленно навел справки в своих «глазах и ушах» — органах тайной полиции — о результатах поисков Яковлева по рескрипционным спискам Н.Соколова и получил ответ, что на вверенной ему территории КВЖД большевика Яковлева не значится.

А в это время Мячин проводил очередную встречу с рабочими на мельнице, обсуждая тактику намеченной ими забастовки. В случае неудовлетворения заранее подготовленных требований стачечного комитета будет проведена забастовка в конце декабря. Поданные управляющему мельницы требования привели к непредвиденному результату: зачинщики забастовки, в том числе и Мячин, были немедленно уволены; остальные участники из-за опасности потери работы от забастовки отказались. Итак, первая инициатива Мячина в Китае закончилась полным поражением. Провал свидетельствовал, что за деятельностью Мячина внимательно следили и что среди рабочих подпольной группы были осведомители администрации.

Неудачи и поражения, составляющие непрерывную цепь в многотрудной деятельности неутомимого Мячина, могли бы уже полностью погасить энтузиазм у кого угодно, но только не у него. Мячин духом не падал и уверенности в будущем успехе никогда не терял.

Не терял он и времени в Харбине: успел завести полезные знакомства, установить контакты. Сейчас, используя их и свой европейский аттестат – свидетельство о квалификации Всемирной Компании Электричества, Мячин устроился в главные механические мастерские КВЖД электромонтером. Произошло это после года пребывания его в Харбине. Год 1919 был крайне тяжелым для Мячина, он не принес успехов.

Конечно, в работе Мячина, в его конспиративной жизни успехи не могли быть сразу же ощутимыми. Хотя появились долгожданные изменения в его жизни. Если раньше К.Мячин был человеком, все имущество которого содержалось при нем, и он в любой момент мог уйти, уехать в любую сторону, то сейчас уже все было не так. Сейчас Мячин имел свой угол, куда каждый день спешил с работы: здесь его ждали не только жена Ольга, но и появившаяся дочка Людочка.

Механические мастерские КВЖД нравились Мячину высоким техническим уровнем оснащения и механизацией производства работ. Работали в основном русские, частично китайцы, совсем немного европейцев и японцев. Последних Мячин, как и все харбинцы, относил к разряду вредителей и шпионов.

О работе в этих мастерских Мячин напишет позднее: «В Харбине под своей фамилией Мячина я поступил на работу в главные мастерские. Я не мог оставаться бездеятельным и начал заниматься со своими товарищами рабочими. Читая с ними политическую экономию, разъясняя некоторые политические вопросы, вел собеседования и т.д. В Харбине надвигались события, готовилась забастовка против белых, за изгнание Хорвата. Главная рабочая сила была в мастерских, где я пользовался большой популярностью, и поэтому, как только вспыхнула забастовка, я открыто выдвинулся во главе рабочих. Первоначально я был только представителем в стачечном комитете от мастерских (забастовка была объявлена по всей дороге и во всем городе всеобщая), затем председателем, когда обстановка потребовала революционных мер, был организован военно-революционный подпольный комитет, председателем которого выбрали меня.

Большевистская организация [внутри русской диаспоры на КВЖД – А.А.] несколько раз ставила вопрос о моем вступлении в организацию, но я, не имея возможности объяснить причины, все время отказывался, заявляя, что я больше анархист, чем коммунист, ибо сказать истину я не мог»[11].

Как же так случилось? От чего Яковлев бежал, то в Харбине Мячин и нашел. И опять окунулся в подпольную революционную работу, да так

активно, что стал неформальным лидером большевистской организации. И все это произошло внутри организаций Хорвата, известных беспощадной борьбой с революционными проявлениями. Видимо, Мячин пришелся здесь к месту; и борьба не утихает, она лихорадит дорогу систематически. Мячин активен, и ему усиленно предлагают вступить в партию.

Вступить в партию! Второй раз! Здесь никто не знает, что Мячин в этой партии был более пятнадцати лет, а порвал с ней только год назад. Что случилось с Мячиным, если он снова возвратился в партийную среду и занялся революционной деятельностью? Ответ один.

Когда Яковлев уходил в Уфе к учредилловцам, он защищал и спасал свою идеологию, он выражал протест против большевистского двурушничества, о котором достаточно говорилось раньше. Когда Мячин начал свою конспиративную деятельность в харбинском подполье, он хотел доказать правильность и жизненность своей революционной позиции, доказать ее принципиальность собственным жизненным опытом.

В Харбине Мячин встретил и близко сошелся с интереснейшим человеком, сыгравшим особую роль в китайском периоде его жизни. Это был Э.М.Абрамсон (в записях Мячина – "Абрам"), на двенадцать лет моложе Мячина, выросший в Харбине и состоявший в русской партийной городской организации. Его родители были коренными харбинцами – одними из основателей этого города. Абрамсон знал прекрасно китайский язык, харбинское общество, политическую обстановку в городе и стране. Он ввел Мячина в партийную среду, представил ему город Харбин, как он есть, со всеми присущими ему особенностями и вообще познакомил с Маньчжурией. Абрамсон был источником информации для Мячина и во многом способствовал его действиям.

Позднее Абрамсон установил связь с Сиббюро ЦК РКП(б) в Иркутске и стал там заведующим китайского отдела секции восточных народов. Эта секция позднее переформируется в отдел Коминтерна. Есть сведения, что Абрамсон был студентом, но учебу бросил, полностью отдавшись коминтерновской деятельности.

В «Перечне эпизодов» [13] Мячин отмечает события, относящиеся к началу 1920 года: «№ 130. Подпольная работа. Занятия с рабочими кружками. Профработа». Направления работ хорошо знакомы Мячину, и опыта в этом отношении ему занимать не надо.

В России в это время происходят значительные события, которые оказывают влияние на политическую жизнь в Харбине. В первую очередь это поражение армии адмирала А.В.Колчака, ее отступление, а после расстрела в Иркутске 7 февраля 1920 года самого Верховного Правителя – паническое бегство в Харбин многочисленных военных и беженцев. Вторым важным событием явилась организация Дальневосточной республики (ДВР) – по форме демократической, а на самом деле – просто филиала

Советской России, которая немедленно начала переговоры с китайским правительством о ее признании и правах на территорию и хозяйство КВЖД.

Внутри ДВР не все было гладко. Особенно в первый год, когда невозможно было найти управу на самостоятельные казачьи войска атаманов Семенова в Чите и Калмыкова на КВЖД, которые устанавливали собственные порядки.

КВЖД, кроме того, постоянно сотрясали массированные забастовки, которые организовывались партийной организацией КВЖД, в том числе харбинской, к которой принадлежал Мячин. Он отмечает в своих записках:

«131. Всеобщая забастовка КВЖД. Председатель стачечного комитета и военно-революционного комитета.

132. Организация боевой дружины, ее деятельность: добыча оружия, денег».

Мячин остается верен себе и своему прошлому. В экстремальной ситуации он идет на организацию боевого отряда, благо оружие достать никакого труда не составляло. Боевая подпольная организация, часто не добившись положительных успехов, прерывала забастовки и свои действия, чтобы не вызвать военного взрыва: давала возможность передвижениям военных грузов.

Так было и в марте, когда с платформы харбинского вокзала ушел военный состав под французским флагом в сторону южных морских портов. За этим составом Мячин не мог не наблюдать. В нем, вместе с генералом Жаненом, навсегда покинул Россию человек, старательно разыскивавший, но так и не нашедший Яковлева – Н.А.Соколов, который увозил из страны большое следственное дело, документы и вещественные доказательства убийства царской семьи, расстрелянной в Екатеринбурге.

Несмотря на строгую секретность миссии Н.Соколова, просочились сведения, что он увозит останки царской семьи. Мячин в это поверил. Он знал, что некоторое время назад из Алапаевска в Пекин были вывезены останки убитых там членов Дома Романовых, в том числе сестры императрицы Александры Федоровны – Великой княгини Елизаветы. Вспоминая провокационные действия Уралсовета при перевозке Романовых из Тобольска в Екатеринбург, Мячин не сомневался, что злодейская акция уральских большевиков будет разоблачена. Но, увидев переносимые упаковки, Мячин определил, что в них останков быть не может – стало быть, Н.А.Соколов останков убитых не нашел. Это страшное предположение ошеломило Мячина: он понимал, что отсутствие останков в руках покидающего Россию Соколова оставляет его дело незаконченным навсегда. Отсутствие останков не позволяет утверждать факт убийства царской семьи как свершившийся. Он легко представил ужас и мучительное со-

стояние Соколова, хорошо знающего, что останки скрыты большевиками. И они никогда, никому не позволят их отыскать, ибо это связано с государственной тайной. А Соколов был так близок к ее открытию!

Среди людей, переносивших материалы Соколова, был человек, знавший Яковлева по Тобольску. Это был воспитатель наследника Алексея — Пьер Жильяр. Он и оставит об этом событии письменное свидетельство:

«В марте 1920 года я снова встретился с генералом Дитерихсом и Н. Соколовым в Харбине, куда они, как и я, попали после крушения правительства адмирала Колчака. Они сильно волновались, так как положение в Маньчжурии становилось все более и более шатким, и можно было с минуты на минуту ожидать, что Восточно-Китайская железная дорога попадет в руки красных... Генерал Дитерихс, два его офицера ординарца, Н.А.Соколов и я нагрузили себе на плечи заранее приготовленные тяжелые чемоданы и направились к поезду генерала Жанена, стоявшему неподалеку от вокзала. Мы приближались, в нескольких шагах друг от друга, к платформе, когда последние из нас заметили появившихся неожиданно из темноты нескольких человек, которые подошли к нам с криками: "Куда вы идете? Что вы несете в чемоданах?" Ввиду того, что мы, не отвечая, ускоряли шаг, они собирались нас задержать и приказали нам открыть чемоданы. К счастью, расстояние, которое нам оставалось пройти, было уже не очень велико: мы пустились бегом и, минуто спустя, были у вагона генерала, часовые которого двинулись к нам навстречу. Наконец все следственное производство было в верном месте. И пора было, ибо, как мы в этом только что убедились, за нами было установлено наблюдение. Час спустя мы один за другим осторожно вышли из поезда и незаметно проскользнули между вагонами соседних эшелонов... Это происходило 19 марта 1920 года»[93].

С большой достоверностью можно предположить, что люди на станции, наблюдавшие за отправлением Соколова, были сообщники Мячина.

Все материалы Соколова, попавшие в поезд французского генерала Жанена, были опечатаны дипломатической печатью и в порту Тяньцзиня перегружены на французское судно, которое доставит их в Марсель. Морем во Францию отправится из Китая и сам А.Соколов.

Необычна судьба следственных материалов Соколова, переправленных в Европу, — через четверть века они вернутся обратно в Россию для того, чтобы еще позднее стать основой следственного дела об убийстве Романовых, возбужденного через семьдесят с лишним лет после преступления.

«РЫЧИ, КИТАЙ!»

Особенностью неистовой деятельности большевиков было то, что революционные успехи в своей стране они уверенно считали только началом всемирной революции, а гражданскую войну, сопровождающую ее, — частью всеобщей мировой войны, и с часу на час ждали ее — мировую, приветствуя любое военное проявление в любой стране, особенно в Европе — как предтечу исторически неизбежной революционной ситуации, ведущей к победе в мировом масштабе.

Состояние же внутри страны перенапряженнейшее и тяжелейшее, гибель тысяч ее граждан от войны и жутких проявлений диктатуры пролетариата во всем ее многообразии не вызывали у большевиков не только тревоги за творимые деяния, но даже наоборот — делали их необычайно активными, усиливая революционный порыв и распространяя его куда только можно, так как вождями указано, что это является проявлением мировой закономерности. «Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении». Какие же еще могут быть сомнения, если у самого В.И.Ленина никаких сомнений нет?

И как подтверждение этого в самое тяжелое время (март 1919 года) VIII съездом РКП(б) принимается ее новая программа, которая на весь мир объявляет, что «рост революционного движения пролетариата во всех передовых странах, распространение советской формы этого движения ..., все это показало, что началась *эра всемирной коммунистической революции*» [курсив мой — А.А.] [94]. А дальше дается схема превращения империалистической войны в гражданскую — революционную с утверждением: «Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом... Каковы бы ни были трудности революции ... — окончательная победа пролетариата неизбежна». И тут же в Москве был учрежден III Коммунистический Интернационал, заявивший себя руководителем борьбы за освобождение пролетариата и Международной коммунистической партией, одним из отрядов которой является РКП(б). Конечная цель Коминтерна — революционное свержение мировой буржуазии, замена капитализма мировой системой коммунизма. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — идеал Коминтерна, призывающий к созданию Всемирной Советской Республики. «Большевизм создал идейные и тактические основы III Интернационала»[95]. Коминтерн представлял организацию коммунистических партий всех стран с до-

минирующим влиянием РКП(б). Руководство компартиями других стран осуществлялось по дипломатическим каналам, для чего в каждое советское посольство, консульство были введены сотрудники Коминтерна. Их работа шла параллельно и одновременно по линии ОГПУ, агенты которого также присутствовали в дипломатических представительствах за рубежом. Известный чекист того времени Г. Агабеков пишет об этой работе: «Нужно [было] спешить. Идти на всех парах к одной цели: подготовке к войне и через войну к мировой социальной революции... Высшие инстанции правительства и Коминтерна считали будущую войну с капиталистическими странами неизбежной, мы должны соответственно реорганизовать наш аппарат и сделать его годным для войны»[96]. За рубежом об этом, конечно, знали, и Коминтерн справедливо считали советской агентурой.

Четырехсотмиллионный Китай притягивал к себе внимание большевистских лидеров не меньше, чем капиталистически развитая Европа. Заманить такую державу в союзники – значит одержать великую победу в мировой революции. Китай представлял огромный материк, ослабленный раздробленностью на десятки независимых уделов, в которых хозяйничали местные соперничающие военные. Между ними проводились даже войны, устанавливались соглашения, подписывались договоры. Одновременно с этим существовало два официальных правительства Китайской Республики: одно в Пекине, признанное всеми зарубежными странами, другое – правительство Сунь Ятсена и его партии Гоминьдан в Гуаньчжоу (Кантоне – на южном диалекте китайского языка), власть которого распространялась на районы Южного Китая.

На территории Северного и Центрального Китая генералы дрались за право представлять себя в правительстве Пекина и держать его под своим контролем. Так, генерал-инспектор Чжан Цзолинь, «некоронованный король Маньчжурии», держал под своим полным контролем территорию Северо-Восточного Китая (Маньчжурии и Внутренней Монголии), отличался беспощадной жестокостью карательных экспедиций среди местного населения, терроризировал КВЖД и негласно поддерживал отряды хунхузов (фактически бандитов), которые совершали нападения даже на территорию Советской России.

Совершенную противоположность в административном отношении представлял Южный Китай. Сунь Ятсен (1866–1925), национальный герой Китая, основатель Национальной партии Китая (Гоминьдан), вождь Синхайской революции 1911–1912 гг., первый президент Китайской Республики (1912 г.), он отказался от вооруженной борьбы за сохранение своей власти и посвятил себя развитию национально-освободительного движения в стране. Сунь Ятсен был сторонником установления дружеских контактов с правительством Советской России.

Трудно представить страну с более благоприятной политической обстановкой для коминтерновских экспериментов. Л.Троцкий отмечал: «Мы имеем возможность вести в Китае политику большого масштаба»[97]. И Коминтерну не терпелось начать там революционную работу, но в 1919 году в Китае еще не было коммунистической партии.

Российская коммунистическая партийная организация была в Харбине, она сообщала, что китайские рабоче-крестьянские массы, живущие крайне бедно, при общем административном беспорядке уже созрели для революционного движения. Через начинающиеся дипломатические отношения Советской Республики с Китаем в него проникают первые эмиссары большевиков.

Одним из таких пионеров в Харбине был Я.Г.Минцкер, появившийся здесь в апреле 1920 года и сразу же установивший связи с К.Мячиным и Э.М.Абрамсоном. Их содружество, длившееся почти год, оказалось плодотворным и результативным. Близости всех троих способствовали нелегальная работа и совпадение во многом их жизненных, революционных судеб.

Вся революционная деятельность Я.Минцкера была связана с Дальним Востоком. Он вступил в партию эсеров в 1911 году двадцатилетним молодым человеком. За активную деятельность в ней через год был выслан на вечное поселение в Сибирь. Освобожденный революцией, он в декабре 1917 года участвует, и очень энергично, в подавлении восстания юнкеров во Владивостоке. За это он был изгнан из партии эсеров, но принят в партию большевиков. Минцкер оказался способным журналистом и работал редактором владивостокской газеты "Красное знамя", откуда был направлен на нелегальную работу в Харбин на КВЖД.

К этому времени в Харбин выплеснулась еще одна волна беженцев из России. Она выбросила офицеров разгромленных колчаковских частей В.Каппеля, атамана А.Дутова и других активных борцов с советской властью. Беженцы первых волн сумели раньше заполнить производственные службы КВЖД и города. Вновь прибывшие, ожесточенные и не приспособленные к городскому труду люди, вынуждены были уходить на военную службу к китайским генералам, к хунхузам, в полицейские службы КВЖД и города. Это белогвардейская прослойка сильно изменила обстановку во всех службах города и КВЖД, всех участках, куда они смогли проникнуть. Это были наиболее пропитанные антисоветским духом люди, чаще всего уже не имевшие серьезных целей в жизни, так как они утратили их в заснеженных просторах Сибири. Обстановку в городе усложнили семеновские войска – агонией перед крахом семеновского режима в Забайкалье. Бронепоезда атамана Г.Семенова шныряли по путям КВЖД, его подручные хозяйничали в

Харбине, как у себя дома. Стрельба и грабежи по ночам стали обычным явлением.

Партийная организация, с которой работал Мячин, была хорошо законспирирована. Вместе с Минцкером они стали готовить ее к всеобщей забастовке. Основное требование забастовщиков отражало желание русских рабочих не допустить захвата КВЖД японцами, которые частично уже ввели свои войска на территорию дороги. Для этого по их программе требовалось сместить Хорвата, установить коллективное управление дорогой, закрепить профсоюзы, установить восьмичасовой рабочий день и ослабить жестокость белогвардейского надзора.

Минцкер, уполномоченный Приморского комитета РКП(б), был выбран секретарем харбинской партийной организации, а Мячин – председателем стачечного комитета и Военно-революционного совета.

После ряда необходимых проверок партийная организация и рабочие КВЖД начали решительное наступление на администрацию дороги, объявив в июле 1920 года всеобщую забастовку на КВЖД. Она оказалась неожиданной, привела к срыву военных перевозок и немедленно вызвала реакцию – применение карательных мер к забастовщикам. Но последние оказали вооруженный отпор, большая часть их требований была удовлетворена.

Управление КВЖД стал осуществлять Международный комитет по железнодорожным перевозкам совместно с правлением Русско-Азиатского банка. Волнения на КВЖД были прекращены в 1924 году, когда было создано совместное советско-китайское управление дорогой.

Мячину предлагают вступить в партийную организацию КВЖД, учитывая его вклад в дело организации, но он отказывается, скрывая свое прошлое. С участием Я.Минцкера К.Мячин «пробует перья» – пишет первые заметки о жизни в Китае и высылает их во владивостокскую газету «Красное знамя». Открывается его новая ипостась – ремесло журналиста, газетчика.

Успехи забастовки через некоторое время обернулись репрессиями против ее участников. Многие были уволены с работы и даже посажены в тюрьмы. Китайские власти начали преследовать Мячина, и ему пришлось скрыться. Организация выдала ему паспорт на имя Стояновича и отправила в Тяньцзинь для установления связей с другими организациями. Фамилия Стоянович останется у Константина Алексеевича до конца жизни, эту же фамилию принимает жена и впоследствии – их дети.

Из Тяньцзиня Стоянович переезжает в Шанхай, где встречается с руководителем Дальневосточного телеграфного агентства («Далта») Ходоровым, который оформляет его на работу корреспондентом, а

позднее и заведующим агентства РОСТА (Российское телеграфное агентство).

Исключительно важной для К.Стояновича была встреча с Григорием Наумовичем Войтинским, членом Секретариата и уполномоченным Исполнительного Комитета Коминтерна (ИККИ) по Дальнему Востоку.

Г.Н.Войтинский родился в 1893 году в семье мелкого служащего. После четырех классов школы работал наборщиком в типографии. В 1913 году уехал в США в поисках красивой, богатой жизни и там в 1915 году вступил в социалистическую партию. Но в 1918 году, почувствовав, что важные исторические события переместились в Россию, возвращается во Владивосток и здесь вступает в коммунистическую партию. Во время гражданской войны проникает в колчаковскую армию и выполняет специальные задания, за что и попадает на сахалинскую каторгу. После разгрома белых в 1920 году Войтинский снова во Владивостоке. Опыт нелегальной работы в колчаковском подполье, навыки жизни за рубежом и прекрасное знание английского языка привели Войтинского в Китай, чтобы проводить в жизнь задания Коминтерна по созданию Китайской коммунистической партии.

Предпосылки к проведению такой работы были, ведь еще раньше отмечалась информация харбинской коммунистической группы об этом. На весь мир разнеслись события 4 мая 1919 г., когда в Пекине студенчеством были проведены массовые выступления против про-японской политики пекинского руководства. Все узнали, что источники политических волнений находятся внутри Пекинского университета.

Но мало кто знал, что еще раньше здесь побывал Стоянович для установления связей с группами будущих социал-демократов.

В «Перечне эпизодов» об этом имеются следующие записи:

«135. Командирование парторганизацией под фамилией Стоянович в центр Китая: Пекин, Тяньдзин, Шанхай для организации коммунистической партии и создания профорганизаций.

136. Прибытие в Тяньдзин. Встреча с проф. Полевым, Войтинским, Ходоровым, Огаревым. Распределение работ с тов.Войтинским.

Собрание с китайскими анархистами-студентами: Хуан, Си-Сиу, Гэн, Ли и т.д.

137. Встреча и работа с профессором Пекинского университета Ли, впоследствии (1926–7) казненным вместе с сыном по приказу Чжан Цзолина.»

Реализация пункта 135 состояла из ряда этапов, разработанных Коминтерном, которые были переданы в харбинскую организацию, обсуждены Войтинским со Стояновичем. Они включали поиски лиц, проявляющих интерес к марксизму, социализму, организацию таких

лиц в группы, которые могли бы составить в последующем основу политической партии, создание под ее руководством профсоюзных органов, выработку тактики революционной деятельности групп, оказание теоретической, политической и организационной помощи новым структурам.

Хотя и Войтинский, и Стоянович имели некоторый опыт подобных работ, необычные условия постановки и выполнения задачи требовали новых подходов. Но главное было не ошибиться в первоначальном выборе кандидатов.

Поиски их привели в Пекинский университет, где работал известный китаевед, русский профессор Александр Алексеевич Ивин. Его труды о Китае даже сегодня представляют немалый интерес. Свою карьеру А.А.Ивин продолжит в Москве в научно-исследовательском институте по Китаю при университете имени Сунь Ятсена. А.Ивин познакомил Войтинского и Стояновича с Ли Дачжао (в «Перечне эпизодов» просто Ли) и с Чэнь Дусю – профессорами Пекинского университета. Оба они были учеными-социологами, знали марксизм, известны первыми изданиями марксистской литературы в Китае. Просветительская деятельность Ли Дачжао в университете содержала элементы марксистской теории и обеспечивала создание почвы для организации коммунистической партии. Именно к нему и пришел Стоянович. После взаимных переговоров в Пекинском университете был организован первый коммунистический кружок из девяти человек под руководством Ли Дачжао. Такой же кружок из пяти человек организовал Чэнь Дусю. Это были первые зачатки Коммунистической партии Китая. События эти происходили летом 1920 года, а уже через год в июле 1921 года в Шанхае состоялся I съезд Коммунистической партии Китая, на котором присутствовало 13 делегатов, представлявших 60 членов от семи марксистских кружков. В работе съезда принимали участие два представителя Коминтерна и Профинтерна. Два основоположника коммунистического движения в Китае – Ли Дачжао и Чэнь Дусю – на съезде не присутствовали.

К сожалению, вопрос о роли Стояновича в организации Коммунистической партии Китая почти никем (даже Институтом марксизма-ленинизма) не ставился для экспертных исследований, не говоря уже о том, чтобы он упоминался просто как важный исторический факт. Только в изданной в 1983 г. монографии Е.Ю.Стабуровой «Анархизм в Китае. 1900–1921» Стоянович упоминается как коммунист и один из основателей – совместно с Л.М.Перлиным и китайскими студентами – Социалистического союза Китая (сентябрь 1920 г.), который вскоре примкнул к анархистскому движению [97а].

История развития коммунистического движения в Китае, как и в других странах, позднее была искажена в зависимости от политиче-

ской конъюнктуры, и даже роль организаторов первых марксистских кружков Ли Дачжао и Чэнь Дусю, являвшихся основоположниками КПК, была умалена. В советской энциклопедии по этому поводу отмечается: «1920. Зарождение первых марксистских кружков в Китае под руководством Мао Цзэдуна (в Чанша), Ли Дачжао (в Пекине), Дун Биу (в Ханькоу) и др.»[98]. Как можно верить этой версии, созданной историками-коммунистами, если Мао Цзэдун вступил в партию только в 1921 году!

В своих воспоминаниях известный коминтерновский работник С.А.Далин отмечает: «На долю Г.Н.Войтинского выпала честь быть первым советским коммунистом, который в 1920 г. установил непосредственную связь с китайскими коммунистами в Пекине и Шанхае»[99]. Да, Далин знает историю Китая того времени, он был в Китае в те годы, он хорошо знал Стояновича и его роль в этом деле. Чем руководствовался Далин, выделяя роль Г.Войтинского и замалчивая роль Стояновича? Узнаем ли мы это? Почему Стояновичу не оказывается внимания, как Войтинскому? Будем надеяться, что в будущем историки ответят на эти вопросы, хотя и сейчас уже известно, что при подготовке к публикации мемуары С.Далина были существенным образом «доработаны».

«МОСКВА – КАНТОН»

В мирской суете, в опасных днях нелегальной работы К.Стоянович, конечно же, не смог найти ни времени, ни возможности детально проанализировать и объективно оценить свою деятельность за последний, 1920 год. Это видно хотя бы по «Перечню эпизодов».

Даже профессионалы из Коминтерна не предполагали, да и не могли представить, что результаты работы Войтинского и Стояновича будут так успешны, будут быстро воплощаться в жизнь. Выявленные и объединенные их усилиями шестьдесят приверженцев марксизма через год удвоят свое число, а к 1923 году их уже станет 420 человек. Это уже партия. Никто не предполагал, что в многомиллионном Китае это движение будет необычно быстро разрастаться, ломая старые социальные традиции, создавая сложнейшие, напряженные ситуации по всей Восточной Азии. Это было обусловлено деятельностью организаторов первых кружков, во главе которых были ученые Пекинского университета, считавшегося в Китае мозгом страны. Г.Н.Войтинский, вернувшись в Коминтерн и пройдя там соответствующую стажировку, прибыл обратно в Китай в 1927 году уже в роли уполномоченного Коминтерна при ЦК КПК.

А Стоянович, как и прежде, занимается работой по организации марксистских ячеек в разных местах Китая – в городах Шанхае и Кантоне. В «Перечне эпизодов» об этом записано так:

«139. Командировка в Южный Китай. Поездка под видом продавца соли. Связь с кантонскими рабочими организациями, студентами. 1922 г.

140. Организация первой коммунистической ячейки. Печатанье и распространение прокламаций. Издание газеты. Руководство ячейкой, забастовками, партизанскими выступлениями в тылу реакционных армий, взрывы мостов, агитация и т.д.»

В особых комментариях приведенные сведения не нуждаются.

Стоянович перебрался в Южный Китай. Это зона правительства Сунь Ятсена. В те годы в Китае, особенно в Южном Китае, преобладал хаос в административном управлении провинций. Они часто были милитаризованы, и вооруженные конфликты среди населения, даже сельского, возникали достаточно часто. Стоянович обратился к рабочей среде, в основном железнодорожников, к которой уже привык на КВЖД. Как и прежде, он создает вооруженную боевую партийную ячейку. Пресса отмечает, что в это время на Кантонском железнодорожном узле часто происходят вооруженные

столкновения с революционно настроенными рабочими-железнодорожниками.

Стоянович не расстается с журналистской работой. Он уделяет ей сейчас все свободное время, записки о китайской жизни посылает во владивостокские газеты. Это, пожалуй, основной источник средств существования его семьи.

В Пекине Стоянович устанавливает контакты с представителями Советского правительства и с руководителем первой советской миссии в Китае — А.К.Пайксом, который старается наладить официальные отношения с китайским правительством. Он передал ему обращение правительства Советской России «К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая». Большевики включили в него такие положения, какие китайские правительства еще никогда ни от кого не получали: «Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которыми душат поработанные народы Востока, и в числе их в первую очередь китайский народ... Советское правительство готово договориться с китайским народом в лице его уполномоченных по всем другим вопросам и раз навсегда ликвидировать все акты насилия и несправедливости, совершенные в отношении Китая предыдущими российскими правительствами». На китайских правителей, издревле известных вычурно-льстивыми манерами в отношениях (для сокрытия истинных намерений), обращение северного соседа произвело нужное впечатление. Хотя переговоры велись натаянута, они свое дело сделали: подготовили благоприятную обстановку к предстоящему приезду полномочного представителя Л.М.Карахана и освободили для его миссии здание бывшего российского посольства в Пекине, построенное царским правительством. В роскошных апартаментах этого здания трудились сотрудники советской миссии, которые все состояли в РКП(б) и в первую очередь учитывали ее наставления и указания. Стоянович завел деловые отношения с советником миссии В.Д.Виленским-Сибиряковым, который был представителем Коминтерна, уполномоченным агентом со спецзаданием от РКП(б), находящимся, как пишет Г.Агабеков, подобно всем агентам, под негласным контролем ГПУ. До работы в Китае В.Виленский-Сибиряков был редактором и основателем журнала «Каторга и ссылка» и активным корреспондентом центральных газет. Сам Стоянович упоминает о знакомстве с Виленским-Сибиряковым скромно, наряду с другими встречами: «138. Встреча в Пекине с т.Виленским-Сибиряковым, с сестрами Мосиными, Ивиным». О профессоре Ивине информация уже была дана, что касается сестер Мосиных, то для автора они остаются белым пятном, может быть, перед нами какая-то закодированная Стояновичем информация.

Виленский-Сибиряков был опытным профессиональным журналистом, корреспондентом «Известий» (его информацией пользовался В.И. Ленин), но Стояновича привлекал к нему не журналистский опыт. Вероятнее всего, сам В. Виленский-Сибиряков нашел в нем помощника для своего дела и инструктировал его по вопросам китайской политики, рекомендуемой Коминтерном и РКП(б), политике, которую требовалось воплощать в жизнь всем, кто поддерживал Коминтерн, политике, которой должен был руководствоваться и Стоянович, если он был намерен продолжать в Китае революционную деятельность. Основная идея этой политики заключалась в том, что Коммунистическая партия Китая представляла слабую организацию и ей надо еще долго совершенствоваться, чтобы стать ведущей и взять власть в свои руки, как это должно быть осуществлено во всех странах. Но есть путь ускоренного приближения к конечной цели. Обретение власти требует объединения с влиятельной партией. Такой партией в Китае была Национальная партия Китая – Гоминьдан, руководителем которой являлся Сунь Ятсен. Суть политической установки Коминтерна – в принятии необходимых мер по введению коммунистов внутрь мощного национально-революционного гоминьдановского движения, чтобы совместно вести борьбу за новый Китай, а когда будет достигнута победа, то тогда можно и разобраться, кто сыграл более значимую роль. Тот, за кем народ, трудящиеся, пролетарии.

Политическая идея проста и скользка, сильно отдает авантюризмом, но ведь она исходит от самого ... и направлена на достижение чаяний китайского народа и пролетариев всего мира, а потому должна быть осуществлена. Идеология подкреплена, естественно, мощной материальной поддержкой, и здесь «мы за ценой не постоим». Все должно быть воплощено в жизнь и выполнено.

Стоянович представлял, что эта идея пойдет тяжело, так как создатели партийных ячеек в Китае еще на своих учредительных совещаниях приняли решение о необходимости сохранения чистоты своих рядов и решили ни к каким партиям, тем более буржуазным, ни под каким видом не примыкать. Поэтому предлагаемая стратегия, несомненно, приведет к расколу в партийных рядах.

Не знал Стоянович (Виленский-Сибиряков ему об этом не говорил), что серьезные разногласия по этому вопросу бурлят и в Коминтерне, и в РКП(б). Сам председатель Коминтерна Г. Зиновьев против того, чтобы китайская марксистская партия шла на контакт с Гоминьданом. Внутри РКП(б) его поддерживали троцкисты, но «мусор из избы не выносили», в свет выходила программа, принятая большинством.

Стоянович чувствовал, что предлагаемая политика ИККИ по отношению к китайской коммунистической партии – это нонсенс, и что во-

площадь ее будет чрезвычайно непросто, но Виленский-Сибиряков как официальный представитель, используя свое влияние, сумел изменить его позицию. Деловое содружество Виленского-Сибирякова и Стояновича в 1922 году привело к новой ориентировке в политике Коммунистической партии Китая. Конечно, работа проводилась не только ими, но и всеми руководящими органами, да так, что III съезд КПК, состоявшийся в июне 1923 года, принял предложенную Чэнь Дусю резолюцию, которая в соответствии с рекомендацией Коминтерна обязывала коммунистов вступать в Гоминьдан, оставаясь одновременно членами КПК. «Хотя мы вступаем в Гоминьдан, но мы должны остаться самостоятельной организацией, и мы должны приложить все усилия для вовлечения в нашу партию революционных и классово сознательных элементов ... для сильной и большой коммунистической массовой партии».

Еще до съезда, на котором было принято это решение, состоялась встреча Стояновича с Сунь Ятсеном – пожалуй, самым выдающимся китайским деятелем того времени. Обосновав свое правительство в Кантоне, он продолжал борьбу за демократические преобразования в стране, объединив вокруг себя лидеров национального движения, осознав в последний момент, что без привлечения крестьянского населения и рабочих создание демократической республики проблематично. А опыта по привлечению пролетариата к движению и работы с ним Сунь Ятсен не имел. Трудно совместимы категории рабочих и крестьян для единого союза с буржуазией, о чем Сунь Ятсен все чаще задумывался. Всегда ему были готовы помочь сотрудники Коминтерна, советской миссии в Пекине и первые китайские коммунисты.

Одним из первых с Сунь Ятсеном встретился нам уже знакомый посланник Коминтерна Г.Н.Войтинский (Шанхай, 1920 г.). Вероятно, не без его участия произошла встреча Стояновича с Сунь Ятсеном.

Узнать содержание их беседы невозможно, тем более, что запись ее не производилась. Но, зная положение и роль каждого из них на то время, можно представить, что Стоянович с рекомендациями от харбинской партийной организации и китайских групп коммунистов проводил зондирование по установлению возможностей включения коммунистов в совместную с Гоминьданом борьбу. А Сунь Ятсен развивал свои идеи о назревшей необходимости союза с коммунистами и установления живой связи с Россией, куда он еще летом 1918 года на имя Ленина послал телеграмму с заверением, что «революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы». Стоянович в этом моменте старался логически доказать, что революционной партией может быть только партия рабочих и крестьян, изменение их положения в Китае возможно революционным путем, и сделать это должны они сами. Никто за них это не сделает, а через союз с Гоминьданом они

могут и свое положение улучшить, и усилить позиции Гоминьдана. В таком плане, возможно, и протекал их разговор. Вскоре после этого Сунь Ятсена посетил представитель Коммунистического Интернационала Молодежи и Дальневосточного бюро Коминтерна С.А.Далин, который имел с ним крайне важные и успешные в этом направлении переговоры. Кстати, С.Далин – единственный из многих, посещавших в то время Китай, кто оставил в своих воспоминаниях сообщение о Стояновиче (1922 г.) :

«Отправились сперва в Дуншань [район Кантона, где жили европейцы "второго сорта". – А.А.] Здесь жил корреспондент «Далта» К.А.Стоянович... Стоянович, как представитель непризнанной державы, жил со своей семьей, конечно, в Дуншане. Высокого роста, бородатый, приветливый, всегда готовый прийти к вам на помощь, он оставлял очень хорошее впечатление... Его единственным сотрудником по Дальта был рыжий вьетнамец... Он говорил по-французски, знал китайский язык и политическую жизнь Южного Китая. От Стояновича я получил первую информацию о положении на юге, которой я был огорошен. В довольно мрачных красках были изображены как сам Сунь Ятсен, так и его правительство. По словам Стояновича, оно проводило политику, враждебную рабочему классу. Сподвижников Сунь Ятсена он характеризовал как милитаристов американской ориентации. Симпатии Стояновича целиком склонялись на сторону Чэнь Цзюньмина [генерал, правитель части провинции Гуандун, ориентировавшийся на Англию; в 1925 г. его войска были разбиты войсками Гоминьдана. – А.А.], который якобы поддерживал рабочее движение и близко стоял к кантонской организации коммунистической партии... Потом Стоянович изменил свою точку зрения и работал в контакте со мной... Его позиция являлась отражением чьих-то взглядов. Чьих именно, я еще не знал»[100].

Это единственное ценное свидетельство партийного деятеля о жизни, характере и деятельности нашего героя в Китае, для нас очень важное, так как оно констатирует, что Стоянович там занимался революционной деятельностью и, как указывает С.Далин, «потом ... работал в контакте» с ним. Работать в контакте с Далиным означает работать по программе Коминтерна. Нисколько не сомневаясь в том, что когда-то в будущем в достаточном объеме вскроются документы о жизни и работе Стояновича в Китае, отметим, что сообщение С.Далина является единственным в открытой печати на эту тему.

Пути Далина и Стояновича разойдутся, они никогда больше не встретятся. Поэтому характеристика, данная Стояновичу, несомненно, является искренней и объективной, у автора не было причин искажать ее. И нам через много десятилетий важно знать, что, несмотря на тяжесть жизненных условий, практически бродячую жизнь, Стоянович

был «приветливый, всегда готовый придти вам на помощь» и «оставлял очень хорошее впечатление». Надо иметь силу воли и преданность своим идеям, чтобы все это переносить с завидным состоянием духа.

Что же касается мнения Стояновича в отношении Сунь Ятсена и его политики по отношению к рабочему классу Китая, то Далин ее, конечно, несколько искажил, чтобы потом с удовлетворением отметить, как он изменил позицию Стояновича и привлек его на свою сторону. Дело в том, что он так и не был на стороне Далина.

Отношение к Сунь Ятсену было сформировано еще раньше в итоге совместных размышлений и обсуждения установок Коминтерна с Минцкером, Войтинским, Виленским-Сибиряковым, китайскими марксистами-коммунистами и др. И оно от указаний Коминтерна уклонений не имело. Другое дело оценка самой политики Сунь Ятсена. Хотя в ее основе заложено три так называемых народных принципа: национализм, народовластие и народное благоденствие, до благоденствия было далеко и рабочим, и крестьянам. Положение рабочих в республике Сунь Ятсена ничем не отличалось от положения в остальном Китае. А лозунг Сунь Ятсена для крестьян «Каждому пахарю – свое поле!» так же не нашел осуществления в Китае, как и в нашей стране призыв 1917 года «Землю – крестьянам!». И, говоря об антирабочей политике Сунь Ятсена, Стоянович был прав. Как многие причастные к революционной борьбе в Китае китайские коммунисты, он был против союза коммунистов с Гоминьданом.

Внутренне такой же позиции придерживался и Виленский-Сибиряков, хотя внешне выражал, как и все, сломленные указанием сверху, официальную позицию, предусматривающую активный союз КПК и Гоминьдана. Проводил ее в жизнь, но все равно пострадал – был замучен в застенках ГПУ.

В середине 1922 года Стоянович из Кантона уехал в Шанхай и здесь несколько умерил свою деятельность – он устроился в советское консульство секретарем, почти на год. Для консульства человек типа Стояновича – находка. Как отмечает С.Далин, Стоянович уже освоил китайский язык. Добавить сюда еще знание французского, русского языков, прекрасное владение обстановкой в марксистских партиях – и станет ясно, что для консульства Стоянович незаменимый человек. Между делами Стоянович из консульства отправляет несколько писем на Родину, в Уфу, Алексееву. На эти письма Стоянович возлагает большие надежды, мы к ним еще вернемся. За время работы Стояновича секретарем уполномоченного шанхайского консульства Элледера в сфере дипломатических советско-китайских отношений происходят интереснейшие события, в неожиданный оборот которых втягивается и Стоянович.

Сунь Ятсен начинает реорганизацию своей армии и привлекает к участию в ней коммунистов, а в феврале 1923 года обращается с просьбой к Советскому правительству направить ему советников – военных специалистов и политработников. Советское правительство, давно готовое к такому исходу дела, немедленно приняло решение о предоставлении правительству Сунь Ятсена двух миллионов мексиканских долларов [основная серебряная монета Китая этого периода – юань – по весу была равна мексиканскому песо (доллару) XVIII – начала XIX вв., которые в большом количестве завозили в Китай; чеканка серебряных юаней началась в Китае в конце XIX в., за границей их по традиции продолжали называть мексиканскими долларами. – А.А.] и направлении в Китай группы советников.

Для согласования в Москву в сентябре прибыла делегация от Сунь Ятсена во главе с Чан Кайши. Ей был оказан подчеркнуто теплый и деловой прием. Делегация была принята на самом высоком уровне – председателем ЦИК СССР М.И.Калининым, наркомом по иностранным делам Г.В.Чичериным, секретарем ЦК РКП(б) Я.Э.Рудзутаком, заместителем председателя Реввоенсовета СССР Э.М.Склянским. Ее ознакомили с постановкой дел в Красной Армии и на промышленных предприятиях Москвы. При этом все встречи и посещения сопровождались по-восточному елейными и хитрыми речами с обеих сторон.

В частности, при беседе с Чан Кайши Я.Э.Рудзук отмечает, что партия Гоминьдан по своему духу очень близка компартии России. Как в Китае, так и в России оба народа занимаются, главным образом, земледелием, территория СССР тесно соприкасается на многие тысячи верст с территорией Китая. Поэтому связь русского народа с трудовыми массами Китая происходит совершенно естественно. Чан Кайши присоединяется к мнению т.Рудзутака, добавляя, что Гоминьдан всегда считал компартию своей родной сестрой [101]. Так хотелось материальной поддержки от России одной стороне, и так хотелось «влезть» в Китай другой стороне, что елей лился рекой с обеих сторон. 11 ноября в беседе с Э.М.Склянским и С.С.Каменевым Чан Кайши указывает, что в России «компартия имела только одного врага – царское правительство... Китайским революционерам противодействуют империалисты всех стран земного шара... Вот поэтому необходимо применять военные операции» [102]. В результате таких обоюдовыгодных переговоров правительству Сунь Ятсена была оказана солидная военная помощь и направлена группа специалистов во главе с главным политическим советником М.М.Бородиным.

М.М.Бородину в то время было 39 лет. Будучи членом партии с 1903 года, он принимал непосредственное участие в революции 1905 года, после поражения которой эмигрировал за границу в Англию и США. Из

США вернулся в 1918 году и принял участие в организации Коминтерна. Лично знал Ленина. После назначения советником к Сунь Ятсену много беседовал с Войтинским и Далиным о Китае, так как никогда там не бывал и китайской проблемой не занимался. Может быть, они сообщили ему о Стояновиче, потому что в октябре 1923 г. группа Бородин по дороге в Кантон сделала остановку в Шанхае, встретившись в консульстве со Стояновичем. Узнав, что он долгое время жил в Кантоне, оценив его знание китайской обстановки (Стоянович находился в Китае уже 4 года!), Бородин принимает решение о включении Стояновича в свою группу. Стоянович соглашается, его участие в этой миссии можно проследить по «Перечню эпизодов»:

«149. Приезд в Шанхай миссии Бородина, Германа и Поляка.

150. Мое прикомандирование в качестве нач. информбюро миссии т. Бородина. Возвращение в Кантон.

151. Ведение дипломатических переговоров с Сунь Ятсеном о приеме т. Бородина.

152. Восстановление старых связей. Знакомство т. Бородина с лидерами рабочих организаций.

153. Банкет у Сунь Ятсена в честь миссии Бородина. Присутствовали все члены правительства и Гоминьдана. Около 40 человек. Со стороны Бородина были: Герман, Поляк, Стоянович.

154. Участие на открытии знаменитой военной школы в Вампу. Маневры. Занятия. Банкет. Сунь Ятсен, Чан Кайши, Ван Тинвей, пер[еводчики], Бородин, Войтинский, Герман, Черепанов, Поляк, Терештов, Стоянович.

157. Отказ от работы с т.Бородиным. Возвращение в Шанхай».

В истории советско-китайских отношений миссия М.М.Бородина в Южный Китай – явление уникальное. Это было первое крупномасштабное проявление целенаправленного коммунистического вмешательства в жизнь другой страны. Несмотря на то, что приглашение миссии было сделано правительством Сунь Ятсена, русская сторона рассчитывала на благоприятный исход своей деятельности в пользу установок Коминтерна. Позднее подобные проявления станут нередкими в практике коммунистических межгосударственных отношений, они будут названы выполнением интернационального долга. Какой-то идеолог сформулировал такую категорию долга и определил участников, которые должны этот долг выполнять как необходимую надобность. Чаше всего только наша страна, возглавляемая партийным руководством, выкидывала много-миллионные средства и бесшабашно жертвовала жизнями своих людей – солдат, беспрекословно выполнявших этот долг, приводящий мир порою на грань военных катастроф. Так было в Испании в 1936–1939 годах, в Венгрии в 1956 году, в Египте (Суэцкий кризис) в 1956 году, на

Кубе (Карибский кризис) в 1962 году, в Чехословакии в 1968 году, в Афганистане в 1979 году и во многих других критических военных ситуациях, не оказавших чести нашей стране.

В 1923 году миссия М.М.Бородина впервые прокладывала свой путь в Южный Китай, нечетко представляя, каким образом она будет оттуда выходить. Миссия прибыла в город Кантон, где находилось правительство Сунь Ятсена. Все члены миссии разместились в Дуншане – районе города, хорошо знакомом Стояновичу. В этом же районе находилась и резиденция Сунь Ятсена. Позднее военные советники Я.Г.Герман, А.И.Черепанов, В.Е.Поляк, Н.И.Терешатов в связи с завершением своей работы в Китае уедут отсюда, но М.Бородин будет жить в этом районе, в доме, который получит название «дом Бородина», до конца существования миссии.

В первые дни пребывания миссии особенно активен Стоянович: он ведь сторожил. Стоянович восстанавливает связи с коммунистическими ячейками, к которым имеет непосредственное отношение как один из их организаторов. Представляет руководителей этих ячеек Бородину и ведет переговоры о торжественной дипломатической встрече Бородина в резиденции Сунь Ятсена.

И вот в один из последних октябрьских дней 1923 года в Кантонской резиденции Сунь Ятсена происходит встреча – прием членов миссии М.Бородина с правительством Китайской Республики.

В отечественной мемуарной литературе и документах в архивах практически не приводится сведений об этой встрече. Поэтому скудные сведения, приведенные К.Стояновичем, доносят до нас колорит жесткого революционного времени в стране, которая, как и наша, много перетерпела в поисках своего пути развития. Это была первая встреча официальных представителей двух крупнейших государств Азии, имевших большое желание вырваться из тисков своей отсталости. Такая встреча должна была быть не только торжественной, но и деловой. Так и произошло. Здесь собралось руководство республики: Сунь Ятсен – президент республики; Ван Цзинвэй – глава правительства, председатель военного совета; члены военного совета: Тан Инкай, Чуй Пэйтак, Гэн Гим, Си Сиу и другие. Отсутствовал главный военный руководитель Чан Кайши – он был в это время в Москве. Миссия была представлена М.М.Бородиным – руководителем миссии, военными и военнополитическими советниками: Я.Г.Германом, А.Я.Климовым, В.Е.Поляком, Н.И.Терешатовым, А.И.Черепановым, заведующим информационным отделом К.А.Стояновичем и другими.

М.Бородин и Сунь Ятсен встретились здесь не впервые. Они знали друг друга еще в эмиграции в Соединенных Штатах. Как отмечают очевидцы, встреча была теплой и деловой. Этому способствовали цели мис-

сии, общее рабочее настроение, серьезность обстановки, сам вид всех присутствующих. Некоторые отмечали определенное сходство внешнего облика Сунь Ятсена и Бородина как благоприятный признак для сотрудничества.

Сохранилось описание внешности М.Бородина: «У Бородина была благородная внешность старого большевика-подпольщика, все невольно проникались к нему уважением. На собеседника он смотрел спокойно, в упор, с интересом, чуть улыбаясь из-под нависших усов, какие носили русские рабочие в дореволюционное время. Лицо его подкупало прямо-той и искренностью выражения. Держался он уверенно, с большим достоинством. В те годы Бородину было уже за сорок, но выглядел он моложе. Он был высокого роста, носил китель и брюки навыпуск, говорил гулким, густым басом, который очень шел к его большому, уже слегка отяжелевшей фигуре. Двигался Михаил Маркович легко и бодро, несколько откинувшись назад. У него были черные, уже начавшие седеть волосы, которые он зачесывал на косой пробор»[103].

Сунь Ятсену и его правительству было о чем говорить и что обсуждать с Бородиным и его советниками. Были сформированы и приняты к реализации предложения о новом политическом курсе правительства Южного Китая; внедрение их в жизнь началось сразу же. Встреча проходила при полном взаимопонимании, доверии, закончилась дружеским банкетом.

Сунь Ятсен и Бородин стали друзьями. Они вместе разрабатывали и осуществляли планы преобразования Гоминьдана. Первые дни напряженной работы они всегда были вместе. Работы хватало всем.

По-видимому, задачей Стояновича являлось привлечение коммунистов, организации которых в Кантоне он хорошо знал, к общему делу Гоминьдана. Авторитет Бородина в Гоминьдане рос, он был назначен главным политическим советником ЦИК Гоминьдана и южно-китайского правительства.

В январе 1924 года состоялся I съезд Гоминьдана. В работе съезда К.Стоянович участвовал как представитель советских газет агентства РОСТА. Как все газетчики зарубежных стран, так и он дал сенсационную для того времени информацию о том, что съезд закрепил объединение сил Гоминьдана и Коммунистической партии Китая. Мало кто знал, что это был результат совместной работы Сунь Ятсена и Бородина.

Пятую часть избранного съездом ЦИК Гоминьдана по предложению Сунь Ятсена составили коммунисты. Съездом был принят манифест реорганизованного Гоминьдана. К трем народным принципам партии Гоминьдан добавились утвержденные съездом три политические установки: союз с Советской Россией, союз с коммунистами, поддержка крестьян и пролетариев – установки, разработанные под влиянием Бородина.

Сунь Ятсен и его команда были удовлетворены работой съезда, закрепившей структуру и идеологию Гоминьдана, но нескрываемую радость и чувство победы съезд, конечно же, доставил коммунистам, не китайским, а из Коминтерна и РКП(б), которые добились принятия своих рекомендаций, адаптированных к условиям Гоминьдана усилиями сотрудников Бородина, в том числе и Стояновичем.

Что же, достигнутые успехи надо закреплять и закреплять, понятно, как указывал Чан Кайши, с помощью военной силы. Это его указание получило подкрепление следующей директивой: «Китайские революционеры, в том числе и коммунисты, должны взяться вплотную за изучение военного дела, ... ибо военное дело в Китае является теперь важнейшим фактором китайской революции. Китайские коммунисты ... должны изучить военное дело для того, чтобы постоянно продвигаться вперед и занять в революционной армии те или иные руководящие посты. В этом гарантия того, что революционная армия в Китае пойдет по правильной дороге, прямо к цели»[104]. Эта директива Коминтерна явилась одной из важнейших в «руководящей линии китайских коммунистов». Для ее претворения в жизнь была организована ставшая знаменитой военная школа на острове Вампу, недалеко от Кантона на реке Жемчужной. Участие в создании этой школы принимал Стоянович. Подготовка офицеров в ней велась советскими военными специалистами, по советским учебным пособиям для военных академий. Впервые в китайской армии готовились военные специалисты и политики.

Неофициально занятия начались 1 мая 1924 года. Первоначально академия Вампу была рассчитана на шестьсот слушателей, но в конце 1924 года в ней училась тысяча человек. Согласно приведенной выше рекомендации, 20% слушателей составляли коммунисты и комсомольцы по направлениям КПК. Да и в самой академии коммунисты заняли «те или иные руководящие посты»: начальником политотдела был секретарь комитета КПК Чжоу Эньлай, там же работал Юнь Дайин, ставший начальником военно-политической академии в Ухане. Активные члены КПК были и среди преподавателей. Академия просуществовала три с половиной года. Были выпущены тысячи военных специалистов. Академия была не только кузницей военных кадров, но и надежной опорой революции.

Торжественное открытие академии Вампу состоялось 16 июля 1924 года. Как отмечает К.Стоянович, на открытии присутствовали Сунь Ятсен, члены правительства, ЦИК Гоминьдана, главнокомандующий и начальник академии Вампу Чан Кайши, с русской стороны М.М.Бородин, военные советники, Стоянович и другие работники миссии. Сунь Ятсен произнес речь о задачах академии по

созданию кадров революционной армии, затем были проведены внушительные маневры, и наконец, обильный праздничный банкет с речами – тостами Сунь Ятсена, Бородина и хрупкого большеголового генерала Чан Кайши, сыгравшего особую роль в развитии Гоминьдана и республиканского Китая. По мнению Сунь Ятсена, это был умнейший генерал. Его высоко ценили и в Москве. Но, по мнению советских военных советников, Чан Кайши не был силен в военном отношении, терялся в трудной обстановке, был властолюбивым, завистливым, упрямым человеком, с многими другими недостатками. Но плох солдат, который не мечтает быть генералом. Чан Кайши генералом уже был, он метил в Наполеоны. Книги о Наполеоне были его любимым чтением, он заявлял, что китайской революции нужен свой Наполеон, возможно, имея в виду самого себя. Находясь в 1923 году в Кремле, он первым делом спросил, где место на кремлевской стене, откуда Наполеон смотрел на московский пожар. В своем выступлении будущий «китайский Бонапарт» провозгласил тост за дружбу с русскими, с которыми он в последнее время очень много общался и в Москве, и в Вампу, с военными специалистами, знания и военное мастерство которых он очень высоко ценит.

При дружеских встречах, таких как на открытии школы в Вампу, люди ближе узнаются, теснее становится общение, и в целом движется вперед несомненно интересная и напряженная русско-китайская работа. И, казалось бы, нет никаких причин к прекращению этой работы, тем более в чужой стране, где соотечественникам лучше жить вместе. Но так случилось, что в августе 1924 г. Стоянович, удачно вписавшийся в работу миссии Бородина, вдруг заявил о необходимости ее прекращения и переезде в Шанхай по состоянию здоровья.

Здоровье Стояновича из-за его образа жизни давно уже было неважным. Он страдал болями желудка, но вряд ли шанхайские условия и климат могли более благотворно влиять на состояние его здоровья. Кажется, что Стоянович решил оставить Кантон не по состоянию здоровья, а потому, что ему стало известно о приезде на место главного военного советника миссии В.Блюхера. Вспомним, что в сутолоке гражданской войны на Урале, будучи командующим II армией на Восточном фронте, Яковлев, по неизвестным для нас причинам, сместил В.Блюхера. Тогда В.Блюхер вместе с Кашириным, объединив многочисленные партизанские вооруженные отряды, вынужден был совершить свой легендарный рейд по тылам белых армий и сейчас, в ореоле военной славы, прибывал оказать военную помощь Китаю. Ничего хорошего встреча с Блюхером для Стояновича не обещала, тем более, что никто из окружающих не знал прошлого Стояновича, а Блюхер знал и мог нарушить его конспирацию.

Поэтому в августе, за несколько дней до прибытия в Кантон В.Блюхера, Стоянович перебрался в Шанхай. Здесь мы пока его и оставим, отметив финал так успешно начатого русско-китайского содружества.

С прибытием В.Блюхера усилилась военная работа в академии Вампу и в революционной армии. Вместе с Чан Кайши и военными советниками Блюхер руководил военными действиями повстанческих войск в 1924–1925 годах и не знал поражений. Были разгромлены «бумажные тигры» – войска генералов Чэн Цзюньмина, Чэн Юнчи, Тан Пэнъина и других. Увенчался победой первый Восточный поход (февраль 1925 г.) и совершенно феноменальный Северный поход, окончившийся выходом к Тихому океану и занятием города Шанхай. Уже не только Китай, но и остальной мир заговорил не столько об успехах купающегося в боевой военной славе “желтого Бонапарта” – генерала Чан Кайши, которому приписывались успехи этих походов, сколько об остающемся в тени генерале Га Лине, под именем которого скрывался Блюхер.

Вождь китайской революции Сунь Ятсен в марте 1925 года умер. Накануне смерти он подписал два исторических документа: политическое завещание – поручение товарищам по партии довести начатое им дело до конца, и письмо в ЦИК СССР с надеждой, что созданные взаимоотношения в совместной борьбе против мирового империализма в будущем не ослабнут, а окрепнут и усилятся. Что касается товарищей по партии, то уже в июне 1926 года председателем ЦИК Гоминьдана становится Чан Кайши, который, чувствуя мировую реакцию на широко развернувшуюся внутри Гоминьдана коммунистическую деятельность, предупредил: «Китайская национальная революция нуждается в едином руководстве Гоминьдана, а мировая революция – в едином руководстве III Интернационала. Коммунистам, состоящим в Гоминьдане, лучше выйти из компартии»[105].

Политический мир следил за революционными событиями в Китае, и правительство Сунь Ятсена определял как «рассадник большевизма». Последние военные походы с подчинением огромных территорий революционному правительству заставили содрогнуться великие державы и заговорить о срочных мерах для изоляции «зловредного влияния руки Москвы» и прекращения большевизации Китая.

Этими обстоятельствами вызван антикоммунистический переворот, совершенный Чан Кайши в апреле 1927 года. Переворот был осуществлен в Шанхае, куда в марте прибыл Чан Кайши. Как главнокомандующему ему была устроена торжественная встреча с грандиозными демонстрациями рабочих. Все было хорошо. Но вот перед рассветом 12 апреля войска атаковали рабочие дружины по всему Шанхаю, были разгромлены штабы, арестованы командиры, брошены в тюрьмы члены профсоюзов, коммунисты. Весь следующий день шли вооруженные столкновения:

много убитых и раненых, «пропавших без вести». Возникшая демонстрация с участием женщин и детей была расстреляна. Характерно, что в Китае в любые моменты проявления вооруженных действий активно выступали белогвардейцы, которые и на этот раз совместно с войсками Чан Кайши осадили советское консульство в Шанхае. Отметим, что в это время в консульстве находился и Стоянович. Он был одним из активных его защитников.

Газета «Правда» 15 апреля вышла с заголовком «Правые гоминьдановцы предали революцию». Началась новая полоса в революционном движении в Китае: коммунистические и профсоюзные организации ушли в подполье. Начались нападки на членов миссии Бородина, деятельность которой потеряла актуальность, многие члены ее тайно выбирались обратно в СССР. Было признано всеми, кроме непосредственного руководства СССР в лице товарища Сталина, что политика Коминтерна в Китае потерпела полное поражение. Ущерб стране был нанесен серьезный.

Анализируя китайские события, советская партийная оппозиция (троцкисты) так оценивала внутрипартийную ситуацию: «Сталин построил всю политику Коминтерна на в корне неверной оценке мирового положения»[106]. Китайское правительство вело, наоборот, четкую политику: «Прикрываясь ложной политикой Москвы, она [китайская буржуазия. — А.А.] использовала рабочих и крестьян до тех пор, пока ей это было выгодно»[107]. Наши люди об этом знали только по пропагандистским лозунгам и верили в проводимую национальную политику как гуманную большевистскую политику страны. И лишь в самое последнее время наши историки стали раскрывать истинные моменты деятельности руководства. «Несомненно, что события в Германии [аналогичные китайским — А.А.] доказали Сталину, что его политика в Коминтерне оказалась недальновидной, и он был вынужден внести в нее существенные коррективы»[108]. Коминтерн был ликвидирован по указанию Сталина в 1943 году, да и то, видимо, потому, что в результате непомерного военного усиления страны Сталин почувствовал, что при такой силе любые вопросы могут быть решены и без Коминтерна.

Это решение откликнулось в далеком Китае высказыванием великого кормчего Мао Цзедунa, что Коминтерн — «иностранный орган, который навязывает свою волю, враждебен китайским особенностям революции и не раз вредил ей»[109]. Самоуправство Коминтерна оставило настолько глубокую память в Китае, что даже через много лет в беседах с Н.С.Хрущевым Мао Цзедун не упустил случая «лягнуть» эту политику: «Особенно вредную роль для Китая играл Коминтерн, действующий по указке Сталина, потому что Коминтерн находился в Москве и делал все, что рекомендовал Сталин»[110].

СУД:
ТОВАРИЩЕСКИЙ – В УФЕ,
ВЕРХОВНЫЙ – В ЦЗЯНСУ

В хлопотливой, осложненной разными заботами жизни Стояновича время бежало стремительно быстро. В удивительной, напряженной, целенаправленной и, как сейчас всем стало известно, успешной работе удовлетворения Стоянович часто не испытывал. И связано это было с его двойственной позицией в жизни. Заключалась она в следующем. Стоянович вынужден был от всех скрывать (и это действительно было необходимо) свое прежнее пребывание в должности комиссара-коммуниста и переход в лагерь Учредительного собрания. Поэтому, когда он в своей деятельности – в харбинской партийной организации или в коминтерновской работе по организации китайских партийных ячеек или их последующего развития – достигал определенной высоты, когда создавалась необходимость его официального назначения на руководящую роль, Стоянович вынужден был от этого отказываться и уходить в тень, тем самым передавая плоды своей деятельности кому-то другому. А вступить в организацию он не мог, так как в таком случае нужно было раскрыть свою тайну.

Стоянович уже свылся с мыслью, что его переход к учредилцам был заблуждением. Его политическое кредо, как ему казалось, опровергалось политической деятельностью коммунистов, развернутой во всем мире, которые не только его «потрясли», но и активно перекладывали, обещая построить новый мир, в котором «кто был никем – тот станет всем».

И опять в итоге глубоких раздумий у Стояновича появилось убеждение, что дальнейшая судьба его зависит от политической реабилитации на Родине, и это позволит покончить с его двойственностью. Стоянович никогда не считал себя изменником или двурушником, но вину за переход к учредилцам все-таки чувствовал и, как он понимал, эту вину давно искупил своей деятельностью в Китае. Однако, зная хорошо суровый характер коммунистических органов на Родине, решил проверить возможность реабилитации через своих товарищей, бывших боевиков – людей, которые знали Стояновича, как себя, были справедливыми и кривить душой не могли. Используя свое положение в шанхайском консульстве, Стоянович посылает Владимиру Алексееву в Уфу одно за другим несколько посланий с просьбой рассмотреть его испо-

ведь перед старыми друзьями и решить, могут ли они простить его за проступок в 1918 году.

Что же произошло в Уфе за эти пробежавшие четыре года?

Очень многое. Практически закончилась гражданская война, советская власть утвердилась в Башкирской республике; вместе с партийными органами и ОГПУ укрепились система диктатуры. Партийное единомыслие уже в те годы полностью исключало любые мысли, не совпадающие по духу с этой системой. И вот в такой обстановке необходимо было рассмотреть просьбу Стояновича его бывшим подельникам единомышленникам, друзьям и даже родственникам. Не может быть, чтобы Ольга Стоянович не вложила в конверт с письмом своему брату Владимиру Алексееву дополнительного письмеца от себя и, может быть, с такой же просьбой.

Алексеев в Уфе подготовил обсуждение. Он об этом говорил со всеми, кто был причастен к делу, и 6 марта 1923 года собрались пятеро старых друзей... Но лучше об этом расскажет сам В.Алексеев, зафиксировавший тогда это событие в дневнике, называя обсуждение судом.

«Созвал суд Черный [Алексеев – А.А.]. Конечно, главным лицом был Борис [Немвицкий – А.А.] – секретарь обкома. Прежде всего, потом, может, друг и товарищ когда-то Николаю [Мячину – А.А.]. Вместе скитались и учились за границей. Его слово значило больше всего. И власть, и друг, и товарищ. Что скажет? Были приглашены Василий [Алексакин – А.А.] и Андрей [Ермолаев – А.А.], коммунисты. Но Василий выехал в Москву, Андрей не мог придти – важное заседание. Оба в прошлом тоже товарищи Николая... Было пять человек: Борис, Виктор [? – А.А.], Аркадий [? – А.А.], Касьян [Чудинов – А.А.] и Черный. Все старые товарищи, а некоторые, быть может, и друзья Николая. За исключением Черного – коммунисты...

Поняли, что вышел суд. Экспромтом... Судили человеческую душу такие же души. Без слов. Молча. Ждали, что скажет Борис. [Он] молчал, закрыв лицо. Другие боялись сказать. Что скажет – тому быть. Ждали Бориса. ...

– Я думаю, – приезжать так неудобно. Это может сопряжено для него со значительными неприятностями, лично для него.

Черный: "Как же прикажете написать ему? Это не первое письмо. Дальше молчать нельзя. Пусть едет? На суд?" Черный еще раз прочел слова, в которых Мячин ссылается, что "мещанский угар толкнул на эту дорогу, где он сейчас и что этот же угар окружающего мещанства отрезвил его, и сейчас он снова делает дело, что и 15 лет назад". Черный говорил, что эта ссылка на мещанство разочаровала его в Николае. Большой человек, каким он считал Николая, и оправдывал

мещанством свой путь. Разве большой не может ошибаться и по большому. Не через мещанство. Но замолчал, не углубив мысль.

Скомкав. Другие слушали не слушая, беспокойно решая у себя вопрос. Не умея решить. Не желая решить. ...

Борис: "Зачем на суд? Я хочу сказать, что этот вопрос нельзя просто решать. Взял и приехал. Он не простой рядовой член партии. Правда, он уже не занимал высокого поста. Но, уезжая сюда, в тыл противника, он получил определенное задание – поднять при случае восстание. Вместо этого он пошел совершенно по другой дороге."

Забубнил Касьян: "Да, да еще вот его письмо... Обращение к красногвардейцам!" Больше ничего не сказал. Положил гири ... против приезда Николая... Поблескивает черными глазками... Сидит монументом.

Заинтересовавшись юридической стороной, поднял вопрос Владимир [Алексеев – А.А.]. Как по новым законам рассматривается переход к неприятелю? Конечно, предательства со стороны Николая не было. И он бы подлежал обычной амнистии. Но опять-таки он был не простой член партии, пусть к моменту перехода и ставший рядовым. Тут, так сказать, со стороны Николая большая моральная ответственность. Борис предлагает Николаю подать через Иоффе [в 1922–1924 годах А.А.Иоффе – советский полпред в Китае. – А.А.] в центр прошение, объявив свое настоящее политическое кредо и свое желание вернуться в Россию и, лишь получив, ну что ли, амнистию, уже ехать сюда...

Холодные слова. Дипломатические. Отписка... Забронировались души. Да, да, конечно в Центр... Мы этого не можем...

Торопится Черный. Хочет ребром поставленным вопросом пробить забронировавшиеся души, растаять лед [так в тексте. – А.А.]. "Вы-то, вы-то хотите, чтобы он приехал? Ему ведь важно знать, хотите ли вы, вы – старые товарищи, а кто, быть может, и друг, чтобы он приехал?" Опять не досказал. Скомкал. Ибо не хватило сил. Сдавило горло. Понял, что уже кончился суд. Николаю вынесен приговор не в его пользу»[111].

В этом суде – самое главное – изменения, которые произошли за время после революции. А произошли они в душах русских людей, ставших людьми советскими. Несмотря на сетования Алексеева в его дневниковых записях: «Как же прикажете написать ему?... Дальше молчать нельзя...» – Стоянович ответа не получит. Алексеев испугался посылать ему письмо. Позднее, уже в СССР, Стоянович снова напишет письмо «Товарищам-боевикам», но это позднее.

А сейчас Стоянович в Китае после возвращения из Кантона перебивается в Шанхае журналистской работой. Вместе с журналистом С.Голыновским организовал в Шанхае информационное бюро советско-китайских журналистов – «Китсовжур».

Собственной, а также переводной информацией о китайской жизни они снабжали около двадцати советских газет. В своих сообщениях они представляли данные с антиимпериалистической позиции и этим самым восстановили против себя иностранцев в Китае, в основном англичан. Последние всякими путями пытались спровоцировать Стояновича и Голяновского на подсудные действия, но это оказалось делом невозможным.

Все оказалось проще во время антикоммунистического переворота Чан Кайши в Шанхае. Вот тогда английские власти и осуществили арест Стояновича и Голяновского под предлогом «выступления против нанкинского правительства и за возбуждение против существующего порядка».

В смутное время после переворота такое обвинение было очень опасным. Подготовка компрометирующих материалов для привлечения Стояновича к судебной ответственности была выполнена известным в Шанхае сыщиком Кедроливанским из английской службы. Стоянович так характеризовал его: «Кедроливанский – "гроза" шанхайского преступного мира и неудачник в потугах создания провокационных выступлений в Шанхае против Совучреждений и отдельных советских работников»[112]. Неудачник, а вот арест Стояновича сумел организовать. Конечно, за деятельностью Стояновича следили не только английские агенты, но и сыщики самого Чан Кайши. Чан Кайши достаточно хорошо его знал, и судьба Стояновича была предопределена – он являлся нежелательной персоной в Китае.

С момента ареста в июле 1927 года протянется три месяца тюремных мытарств советских журналистов, передаваемых из суда в суд от Миксорта (смешанный англо-китайский суд) до военно-полевого, который должен был решить их судьбу. В своей неопубликованной повести «По английским и китайским тюрьмам» Стоянович пишет, что «когда после решения Миксорта о передаче дела в Лунхуа (главный штаб национально-революционной армии), и это предполагало единственный возможный вариант – смертельный, к подсудимым подошел их адвокат и начал оправдываться: "Ничего нельзя было сделать. У вас в документах оказались расписки на получение денег от Бородина. Они убеждены, что вы являетесь (он указал на меня пальцем) агентом Бородина." Я рассеянно слушал объяснения адвоката. Конвойные сковали нас [с Голяновским – А.А.] и повели в тюремную карету... Подошел Вильгельм [адвокат – А.А.]. "Ну, а в китайский суд вы поедете защищать нас?" – обратился я к нему. Он сделал большие испуганные глаза и откровенно-цинично воскликнул: "Да вы что? Вы заплатите мне десять тысяч долларов, и тогда не поеду туда. Ведь это Лунхуа. У меня у самого семья, дети. Вы хотите, чтобы меня вместе с вами рас-

стреляли?»[112]. Казалось бы, возникла безнадёжная ситуация, и, как вспоминает Стоянович, в тюремной камере они простились с Голяновским, ожидая роковой финал. Но Ольга Стоянович, жена Стояновича, вместе с женой Голяновского добились встречи с советским консулом в Шанхае Козловским, и он принял необходимые меры по защите журналистов. Благодаря вмешательству Козловского было проведено тщательное юридическое расследование, и состоялось заседание Верховного суда провинции Цзянсу, принявшее следующий оправдательный вердикт по их делу:

« 19 сентября 16-го года Республики.

Вердикт Верховного суда провинции Цзянсу.

Ответчики: *Стоянович*, 41 год, русский, живет в Шанхае.

Голяновский, 36 лет.

Выбранный ими защитник *Чжу Шучжэн*.

Вследствие того, что вышеупомянутые ответчики подозревались в устройстве внутренних смут, Верховный следственный суд провинции Цзянсу просил об открытии по их делу предварительного процесса.

Ныне наш суд этот предварительный процесс закончил и вынес следующее решение: *Указанное дело слушанием прекратить*»[113].

Продолжавшиеся более трех месяцев тюремные тревожения Стояновича и Голяновского закончились, а с ними и вообще китайские дела. После этого испытания Стоянович и его семья вынуждены были покинуть Китай, так как при создавшихся обстоятельствах выход был только один — отъезд из Китая. И К.А.Стоянович с семьей вынужден был возвратиться в СССР.

ЗАПАДНЯ

Семья Стояновича возвращалась на Родину не сразу и не одним путем. Первыми из Харбина в конце 1927 года отправились Ольга Ильинична с детьми. Детей было двое: дочь Людмила, ей было уже восемь лет, и сын Алексей – шести лет. К новому, 1928 году они добрались до Уфы, где родные стены старого алексеевского дома, обстановка и даже воздух изменили к лучшему угнетенное многолетней напряженной жизнью в Китае душевное состояние Ольги Ильиничны. Дети же еще мало что понимали в происходящем.

Осталась и не проходила тревога за судьбу мужа, который вынужден был задержаться в Китае. Тревога была не беспричинной. Ведь в Китае, где Стоянович активно работал совместно с официальными советскими посланниками, специальная комиссия в Шанхайском консульстве еще в 1925 году его опрашивала, и настойчиво, на предмет вступления в партию большевиков и возвращения в СССР. Он тогда отреагировал на это отрицательно [11]. В то время он не собирался возвращаться – видимо, опасался, да и не получил от В.Алексеева никаких сообщений о реакции своих старых товарищей на его просьбу.

Но потом как-то неожиданно все усложнилось, он оказался в изоляции, и уже свои люди (а их в Китае уже было достаточно) настойчиво «вели» его в свою страну. Стоянович все-таки был уверен в благополучном исходе дела: как не рассчитывать на помощь многих старых друзей и знакомых, хотя бы по Болонской школе, по Октябрьскому перевороту, тем более, что среди них еще и такие, как Вячеслав Менжинский – ныне глава всемогущего ОГПУ, да и ответственные лица в Китае упрямо твердили об объявленной ВЦИКом в ноябре 1927 года всеобщей амнистии в честь десятилетия Октябрьской революции, а он и есть человек из революции. Китайские дела его тоже имели существенный вес. Все это ободряло Стояновича, и он, не заезжая в Уфу, сразу же устремился в столицу, где остановился в гостинице «Маяк» по улице Рождественской.

Было это 10 марта 1928 года. С этого дня и началась его изоляция от общества. Стоянович, конечно, сразу понял это чутьем подпольщика: каждый шаг его в Москве отслеживался. Из этой гостиницы он перейдет прямо в тюрьму – благо она недалеко.

13 марта Стоянович пишет заявление тов.Сталину и начальнику ОГПУ тов.Менжинскому. Оно достаточно лаконично и кратко:

«Я вернулся в СССР, чтоб покончить с тем двойственным положением, в котором нахожусь почти десять лет. Осенью 1918 г. я отошел от работы и подал заявление в Комитет Учредительного Собрания о моем отказе от дальнейшей борьбы. Однако тот надлом, который привел меня к этому поступку, вскоре уже мною был изжит. В конце декабря 1918 г. мне удалось бежать в Харбин, где я вскоре уже приступил к революционной работе и в том же году, когда наступил момент (1919 г.), я был избран председателем подпольного военно-революционного комитета. В 1920 г. я был отправлен организацией в Китай для работы под фамилией Стоянович, на имя которого я получил паспорт от организации. В Китае до 1922 г. я работал с тов. Войтинским, а после его отъезда я работал в разных городах Китая в различных советских учреждениях. В июле 1927 г. я был арестован английскими и китайскими властями и передан военно-полевому суду по обвинению меня в коммунистической пропаганде. Освобожден был благодаря вмешательству нашего Генерального Консула в Шанхае тов. Козловского.

В настоящее время счел себя вправе и обязанным вернуться в СССР для того, чтобы поставить вопрос о дальнейшем своем бытии.

В революционной работе с 1903 г. В большевистской организации с 1905 г., на нелегальном положении с 1907 г. В 1909 г. я был направлен за границу для организации партийной школы для боевиков (Болонская школа).

По окончании школы вернулся для подпольной работы обратно в Россию, где, однако, удалось пробыть недолго, и в 1911 г. эмигрировал в Бельгию, где пробыл до 1917 г. Принимал активное участие в Октябрьском перевороте в Ленинграде и занимал ряд ответственных должностей. *К.Стоянович»*.

Как и положено для таких заявлений, Стоянович указывает людей, которые могут подтвердить его сведения. По подпольному периоду — Кривов, член коллегии НК РКИ РСФСР; Б.Н.Немвицкий — зам.управляющего Финансовой инспекции НК РКИ РСФСР; П.В.Гузаков — председатель правления радиопередачи. По китайскому периоду — Г.Войтинский — Коминтерн; М.М.Бородин; С.Вильде, бывший вице-консул в Шанхае; Я.Минцкер — генконсул в Константинополе; Ходоров — бывший директор РОСТА в Китае; тт. Черепанов, Терешатов, Поляк, Рогачев, Степанов, Коми — все из миссии Бородина. Разумеется, все перечисленные — члены ВКП(б).

Своей краткостью письмо явно не понравилось. Потребовали, чтобы Стоянович написал более подробное объяснение с указанием свидетелей на период гражданской войны. И 15 марта Стоянович пишет новое письмо на имя Сталина и Менжинского, в котором подробно

описывает свой жизненный путь революционера и указывает дополнительных свидетелей: по подпольному периоду приводит список уральских боевиков, включая В.Алексеева; по эмиграции в Болонской школе: Луначарского, Богданова, Покровского, Павловича, Менжинского, Вольского, Немвицкого, Кривова, Лядова, Маслова, Попова; по Октябрьскому перевороту: Луначарского, Лашевича, Довгалевского, Антонова, Успенского, Менжинского, Мануильского, Эльцки, Троцкого, Галкина.

Стоянович добавляет людей и по китайскому периоду, но по-прежнему остается открытым период гражданской войны.

С этих заявлений началось следственное дело Стояновича, в связи с чем 28 июня его арестовывают и препровождают в Бутырскую тюрьму. «От сумы да от тюрьмы не зарекайся», — гласит русская пословица, но когда в номер гостиницы приходят «молодцы» из органов, выводят с вещами и сажают в «черный ворон» — сознание отказывается верить в происходящее: «Не разобрались, произошла ошибка!». Нет, это не ошибка — это ГПУ!

Обвинения, предъявленные Стояновичу, серьезны и тяжелы: попытка вывезти Романовых из России, измена Родине (переход на сторону белых), сомнительная деятельность в Китае. Ведется опрос большого количества свидетелей. Стоянович попадает в нелепейшее положение: ведь некоторые бывшие его товарищи успели оговорить и оклеветать его еще до возвращения из Китая. Появляется документ, поразивший Стояновича, — записка В.Алексеева Политотделу Красной Армии в Уфе от 23 января 1919 года, в которой он характеризует Яковлева и мотивы его перехода в Учредительное собрание. Яковлев предстает в ней далеко не большевистским героем. Записка эта, конечно, была «вышиблена» у Алексеева органами после того, как исчез Яковлев из Уфы. Но Алексеев-то рассчитывал, что Яковлев не вернется, поэтому и написал ее в требуемом стиле. Ко всем недочетам добавляется тот факт, что Стоянович в письме Сталину и Менжинскому в качестве свидетеля Октябрьского переворота приводит Л.Троцкого, — до него не дошли сведения, что в октябре 1927 года Троцкий уже был выведен из ЦК партии, а в ноябре вообще из нее исключен. Можно уверенно предполагать, что Сталин этого письма не видел, в противном случае вождь решил бы его судьбу очень быстро и без длительного следствия. А так следствие шло в замедленном темпе, и даже архивные материалы в усадьбе В.Алексеева, надежно запрятанные, были изъяты почти через год — в декабре 1928 года. Известно, что в камере Стоянович, по мере возможностей, писал очерк о перевозке Романовых. Об этом администрация знала и эту работу не запрещала.

Со следственным делом Стояновича 1928 года ознакомился Н.Лешкин. В своем очерке он приводит имеющиеся в деле отзывы некоторых свидетелей о Стояновиче:

Б.Н.Немвицкий: «За период 1905 – 1914 годов (в эмиграции были вместе) Мячин не вызывал никаких сомнений и подозрений ни у кого из своих товарищей».

А.П.Кучкин: «Яковлева(Мячина) знаю с осени 1917 года как активного члена партии, пользовавшегося большим доверием рабочей массы и со стороны Уфимского губкома партии. Во время приближения чехословаков к Уфе он был назначен командующим... В этой должности пользовался большой популярностью среди бойцов».

Г.В.Войтинский(Зархин): «Руководители Гоминьдана, с которыми мне приходилось встречаться, считали Стояновича русским коммунистом. Наши военные товарищи относились к нему как к коммунисту. Мое мнение о его работе до 1927 года сводится к тому, что он работал для нас на совесть»[114].

Следствие продолжалось почти год, после чего по обвинению в добровольном переходе на сторону белых и выступлении против советской власти Константин Стоянович постановлением ОГПУ был приговорен к расстрелу, замененному заключением в ИТЛ (исправительно-трудовых лагерях) сроком на десять лет. Еще один раз Стоянович-Яковлев избежал смертного исхода!

И опять коловращения в судьбе Стояновича, да еще какие драматические!

Он как будто бы был специально создан для этого. Только камера в Бутырках, где проводил он долгие часы и дни в ожидании приговора, знает, что испытал он. Но мы об этом уже никогда ничего не узнаем. Он помнил своего товарища и родственника В.Алексеева, которому смертную казнь заменили пожизненным заключением. Было это! Но это было в нормальном царском суде, а не в коллегии ОГПУ, работа которой в первую очередь состоит в немедленном и полном уничтожении людей, хотя бы заподозренных в контрреволюции. Стоянович среди миллионов приговоренных к расстрелу – обычная, рядовая жертва. Но приговорить к расстрелу, а через некоторое время заменить его десятью (!) годами заключения в ИТЛ! Таких случаев в практике людей «с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» крайне мало.

Чем это объяснить? На дружескую поддержку Менжинского рассчитывать бессмысленно – это исключено. По определению Л.Троцкого, «Менжинский стал тенью Сталина в ГПУ»[115]. А раз так, то, несомненно, и руководствовался его принципами: «Есть человек – есть проблемы. Нет человека – нет проблем». А зачем нужны лишние

проблемы? Представляется, что могло быть две причины. Первая: может быть, кому-то нужно было, чтобы Стоянович завершил очерк о перевозке Романовых или подготовил какие-то другие материалы; вторая: «отцом народов» готовилась мощная программа создания индустрии дешевой рабочей силы из заключенных с сетью концентрационных лагерей. Наверное, лица, подобные Стояновичу, могли пригодиться еще для этой индустрии. Даже лучше, если они будут запуганы расстрелом. Наверное, эта причина ближе к истине. Во всяком случае после изменения приговора Стоянович немедленно заявил: «Как коммунист и чекист приговор считаю правильным, но заслуживаю снисхождения», то есть методика сработала. С другой стороны, Стояновича до крайности, видимо, не довели, если он заявляет о снисхождении после того, как ему была подарена жизнь в ГПУ, где вести себя нужно осторожно и благодарить, и благодарить, что жив остался, но ... он свое детище знает лучше.

А может, заряд вдохновения он получил от своей жены Ольги Ильиничны, которая два месяца находилась в Москве недалеко от него и так же, как он, с нетерпением ждала конечного результата следствия с надеждой на оправдание. Сейчас приговор известен: десять лет, но не смерть – жизнь продолжается, и можно уезжать в Уфу (с камнем на сердце), но, как всегда, с надеждой и верой в будущее. Сколько же можно! Всю жизнь надеяться на будущее! А дома дети. В январе 1928 года в семье появился третий ребенок – дочь Ирина.

В ИТЛ Стоянович был отправлен не сразу. Он успел закончить рукопись о перевозке царской семьи. На последней, семьдесят третьей странице рукописи после последних строк очерка: «Наша встреча с тов. Свердловым носила чрезвычайно дружеский характер – я сделал ему подробный доклад о перевозке, вручил расписку Уральского Совета и вернул обратно свой мандат. Совнарком признал все мои действия правильными и через два дня назначил меня главнокомандующим Самаро-Оренбургским фронтом», подписал: «Быв. чрезвычайный комиссар Совнаркома и ВЦИКа Яковлев (Стоянович-Мячин)», поставил дату «5.09.29» и добавил: «Бутырская тюрьма, камера 77, корп.17». Этот очерк будет опубликован через пятьдесят девять лет в журнале «Урал».

Сохранился черновик уникального документа, написанного Стояновичем руководству ОГПУ, в котором он сообщает об окончании очерка о перевозке Романовых и его намерениях дальнейшей работы (одновременно с отбыванием срока заключения) в следующих направлениях: пополнения очерка о перевозке Романовых, заняться историей уральских боевых дружин, систематизацией своих наблюдений и материалов по европейским и китайским партийным делам. Он

просит: «Во-первых, дать мне такую административную работу, на которой я был бы Вам наиболее полезен. Во-вторых, не отказать мне в содержании благоприятной обстановки для совмещения моей книжной работы с административной. И, в-третьих, разрешить мне перевезти ко мне на постоянное жительство со мною мою семью»[116]. Кроме того, он просит направить его в Усть-Высольский лагерь, где он бы мог найти себе наилучшее применение. Задумайтесь: какие надо иметь основания, чтобы предъявлять администрации требования «наибольшего благоприятствия» политическим заключенным? Однако Стояновичу, как это будет видно из его последующих записок, что-то было обещано.

Что бы ни обещали Стояновичу, но на его просьбу о выборе места отбывания наказания внимания не обратили и с очередным общим этапом заключенных его отправили в город Кемь, где было расположено управление Соловецких лагерей – ворота в лагерь.

Соловецкий лагерь. В наших энциклопедиях пока сведений о нем (как и о других лагерях) никаких нет. А расположен он был на нескольких островах в Белом море, на одном из которых – Соловецком – в начале XV века два монаха Савватий и Зосима организовали Соловецкий монастырь, ставший позднее одним из крупнейших в России. Располагая огромными морскими и земельными угодьями, монастырь создал богатое промысловое и сельское хозяйство. Одной только соли в лучшие годы монахи вываривали до 200 тысяч пудов. Одним словом, монахи не только обеспечивали себя, но и имели существенную прибыль. Через это монастырь был очень богатым, а его жилые и культовые постройки до сих пор считаются выдающимися памятниками культуры XVI–XIX веков: Преображенский собор, здание трапезной и другие. Обнесенный массивной стеной, с высокими башнями по углам монастырь представлял собой крепость.

После революции монастырь был превращен большевиками в совхоз, затем ограблен и подожжен, а через некоторое время создали здесь для советских заключенных образцовый лагерь особого назначения. Определение термина «особое назначение» толком никто не знал, это вскроется позднее, а пока лагерь рос: в 1923 году имел более 2000 заключенных, а к моменту приезда Стояновича в 1929 году – около 60 тысяч. С островов лагерь распространился на материк. Там в г. Кемь было управление лагерем и пересыльная тюрьма. Даровой труд заключенных интенсивно использовался на основных лесоразработках, на строительстве дорог, в том числе и на материке. Состав заключенных был различным, но подобранному чекистами в этом месте ансамблю людей творческого труда мог бы позавидовать любой университет мира. Вот только некоторые: профессор Озеров (финан-

сист), профессор А.Б.Бородин (юрист), профессор А.П.Суханов (психолог); философы – профессор А.А.Мейер, профессор С.Н.Оскольдов, Е.Н.Данзас, теософ Мебус; историки – Н.П.Анциферов, М.Д.Приселков, Г.О.Гордон, А.И.Заозерский, П.Г.Васенко; литературоведы – Д.С.Лихачев, Цейтлин, лингвист И.Е.Аничков, востоковед Н.В.Пигулевская, орнитолог Г.Поляков; художники – Браз, П.Ф.Смотрицкий и многие другие, чьи фамилии еще будут установлены.

Основным же контингентом заключенных были уголовники, жулики – так называемые блатные и контрреволюционные элементы – каэры. Последних было особенно много, так как страна заботливыми руками чекистов очищалась от членов некоммунистических партий, белогвардейцев, антипартийных элементов, кулаков и инакомыслящих, чаще по непроверенным доносам. Была и детская колония. Произвол соловецких властей был неограниченным. Расстрелы и физические наказания применялись систематически и в любых масштабах. Безнаказанность руководства лагеря позволяла даже бравировать своим положением. Так, в цветочной клумбе перед управлением лагерей в г. Кемь был выложен большой слон, на попоне которого была буква «У», что все вместе обозначало «УСЛОН», то есть Управление Соловецкими Лагерями Особого Назначения.

Лагерь имел свое внутреннее денежное обращение, свою газету «Новые Соловки», и руководство, нисколько не смущаясь, даже поощряя поэтические лагерные таланты, разрешало публикацию в газете стихов подобного содержания:

Всех, кто наградил нас Соловками,
Просим: приезжайте сюда сами!
Посидите здесь годочков три иль пять –
Будете с восторгом вспоминать!

И перед каждым вновь прибывшим этапом в Соловецкий лагерь встречающий гражданин начальник громогласно объявлял: «Внимание! Запомните! Здесь республика не советская, а со-ло-вецкая! Усвойте – нога прокурора не ступала на эту землю и не ступит!»[117].

После такого вступления начинался разброс заключенных (ЗК) – кого куда. Как правило, каэров и политических отправляли в наиболее худшие, гиблые места.

В город Кемь Стоянович прибыл 27 октября 1927 года. В своих заметках он отмечает: «Увезли меня из Бутырки настолько неожиданно, что я принужден был ехать совершенно без вещей, с одной сменной белья, без продуктов, а главное, без единой книги, на которые мне было дадено в ГПУ разрешение». В письме начальнику секретного отдела ОГПУ Андреевой, которая осуществляла контроль и неглас-

ное попечительство над Стояновичем, он сообщает: «Все привезенные мне женою вещи остались в Москве. ...После чрезвычайно тяжелых перенесенных мною мытарств ... я прибыл в Соловки, где мне обрили голову и сняли бороду. На другой день меня вызвали в стол учета и нарядов. Там я случайно встретил своего старого партийца-товарища [в Соловках мир еще теснее — А.А.], что значительно облегчило мое дальнейшее положение. 30 ноября меня вызвал к себе уполномоченный ИСО т.Ивицкий и предложил мне занять место заведующего кремлевским изолятором [имеется в виду кремль Соловецкий — А.А.]. Зная, что меня сюда прислали не критиковать, а исполнять распоряжения, я ответил: "Слушаюсь". В настоящее время в исполнение заведованием изолятора вступил. Не скажу, чтобы это меня удовлетворило после тех масштабов работ, в которых я провел всю свою жизнь, но я должен подчиниться и исполнять все, что мне прикажут»[118].

В этих строчках письма весь Стоянович — «клеяменный, но не раб». Даже находясь в суровых лагерных условиях, только что чудом избежавший высшей меры наказания, он проявляет свой ершистый характер (который вредит ему всегда), саркастически подмечая: «прислали не критиковать», и заносчивое: «после тех масштабов работ». Забыв о том, что эти масштабы работ и привели его в Соловки. Такое письмо еще вызовет для него очередную неблагоприятную реакцию. Ведь посылал-то он его ярой чекистке. Положение Стояновича в должности начальника изолятора было исключительно привилегированным по сравнению с простыми заключенными. Заключенных, находящихся на служебных должностях в лагере: в медсанчасти, на кухне, в администрации, в бане, независимо где, на лагерном жаргоне называли «придурками». Заключенные с длительными сроками чаще всего их не выдерживали — умирали раньше. Поэтому положению «придурков», которые пересиживали сроки и жили намного лучше остальных, завидовали. Каждый стремился, но не каждому удавалось попасть в категорию «придурков».

Время текло, и скоро Стоянович познал весь смысл лагерной жизни. Он писал: «Не скажу, что у меня "в зобу дыхание сперло" от чувства радости пребывания в Соловках, но живу, во всяком случае, значительно лучше многих из здесь находящихся. Отсюда можно сделать вывод, как они живут. Как бессмысленна и глупа соловецкая жизнь. Бесполезная растрата сил и энергии. Соловки — это маховик, маховик, работающий впустую. Все жрет, рвет и под себя подминает»[119].

В своих записках Стоянович резко противопоставляет свою оценку соловецкой жизни другой, данной М.Горьким в только что вышедшей и широко разрекламированной на весь мир статье о Соловках.

Горький с бригадой советских писателей «гостил» в Соловках незадолго до присылки туда Стояновича. А ведь когда-то они были единоклубны. И не так давно это было, во время совместного пребывания на Капри.

А нынче ... оценивать лагерную жизнь, видимо, непросто и неоднозначно, находясь по разные стороны лагерного забора. Возможно, из-за строптивого характера руководство лагеря сочло необходимым снять Стояновича с должности начальника изолятора и перевести на худшую работу в архиве. Вроде бы и хорошо, и поучительно. Сиди спокойно и не чирикай. Но Стоянович пишет в своих набросках: «Лишь только здесь, в Соловках, я хорошо почувствовал, что значит проштампованная мне статья. "Мы вас судили как чекиста, относились к вам как к чекисту и [трудитесь] как чекист," — так напутствовал меня т. Запалов. Действительность показала мне и в том, и в другом совершенно обратное. Я имел желание работать в ИСО, чтобы получить хороший опыт, чтобы по окончании срока всецело посвятить себя этой работе на воле [Вот, по-видимому, цена изменения приговора Стояновичу: просил, или согласился работать в лагерях, в том самом механизме, который от души презирает, находясь в нем. — А.А.], но я получил отказ по соображениям этой статьи. Больше того — я не могу занять также место [и] единоначальника, потому что я должен тогда состоять в ВОХРе [вооруженной охране. — А.А.], а туда я попасть не могу, ибо моя статья этому препятствует. Я имею крупный административный опыт, но применить его в широком масштабе также не могу — на пути стоит та же статья. И если [руководствоваться] лишь формальными соображениями, не обращая внимания на письмо из Москвы [видимо, какое-то письмо об использовании Стояновича в лагере было. — А.А.], местная администрация, конечно, права, и не удивительно после этого, если я попал в архив»[120].

Несмотря на то, что Стоянович работает в архиве, положение его тяжелое. Он пишет: «В настоящее время нахожусь в лагере и сижу 22 месяца. Семья моя (жена и трое детей) остались совершенно без всяких средств. Работы жене не дают, живем только на те 26 р[ублей] 30 к[опеек], которые я получаю в лагере. Положение семьи кошмарное. Сам я после всего пережитого за свою жизнь, несмотря на 43 года, стал почти стариком, весь седой и больной». Из рапорта начальника отделения: «Материальное положение Стояновича тяжелое. Получая паек по третьей категории и плюс премиальные в размере максимально 12–15 руб[лей] в месяц, он постоянно находится в полуголодном состоянии при наличии желудочно-кишечного заболевания. Поддержки от жены не получает, так как жена с детьми находится в бедственном положении». Пессимистические ноты все чаще появля-

ются в его набросках: «Хуже всего, если меня держат потому, что решено навсегда, как человека конченого, похоронить в северных тундрах, тогда лучше бы уничтожили меня, чем подвергать меня медленной смерти». «Я не вижу в моем дальнейшем пребывании в лагере никакой целесообразности, и мне хочется спросить моих товарищей – могу ли я в дальнейшем рассчитывать на работу, как работал раньше, или меня будут держать исключительно в лагерях, а в дальнейшем на севере. Настоятельно просил бы их избавить меня от этой перспективы, и лучше бы они покончили со мной, если они считают меня вредным, чем подвергать меня медленной "мучительной смерти". «Неужели мое длительное заключение диктуется настоящей необходимостью в интересах революции. Тогда лучше уничтожьте меня, если считаете опасным, но только не делайте из меня ходячего трупа». Но гордость за себя как человека все равно проскальзывает в его записях: «Или меня держат с исключительной целью дать мне почувствовать сладость арестантской жизни, и для этого придерживали меня шестнадцать месяцев по тюрьмам? Потом загнали на десять лет в Соловецкий лагерь? Если это так, тогда с успехом мне можно было бы дать и двадцать пять (год за год) [Стоянович имеет в виду срок своей революционной деятельности – 25 лет – А.А.], и все-таки я не стал бы считать себя арестантом, как ~~о~~мню не считать себя таковым и сейчас»[121].

Хоть и не считал себя арестантом Стоянович, но лагерная жизнь со всеми ее прелестями постоянно заставляла думать о том, как из этого болота вырваться на свободу. Способы вырваться из лагерного плена известны с момента его возникновения – нужно писать просьбы, умолять об освобождении. И люди писали, писали всем, кого знали, и тем, кого не знали: Сталину, Калинин, заслуженным деятелям и даже артистам. Море бумаг шло из лагерей и растекалось по разным адресам. Иногда кому-то везло. Гордость не позволяла Стояновичу опускаться до этого. Но это было вначале. Лагерные условия ломают даже не таких.

И Стоянович пишет: «В 1930 году нагрянула комиссия и произвела долгожданную чистку всего Соловецкого лагеря. Начался психоз подачи заявлений, которыми буквально засыпали комиссию... Мне пришлось быть свидетелем необычайного среди заключенных подъема – у всех было такое состояние, вот-вот их освободят, и писали, писали без конца. Долго крепился я от этого стихийного напора и, наконец, после совета одного из членов московской комиссии ... написал и я». Но заявление Стояновича в коллегия ОGPU было «затеряно».

Что же он там писал? После сообщения о себе, кто он есть и за что сидит, автор обращается: «Я еще могу для СССР принести большую

пользу ...Моя 25-летняя революционная деятельность, мое рабоче-крестьянское происхождение, искреннее сознание моего проступка, 12-летняя давность и октябрьская амнистия 1927 года, я думаю, дает мне право [обратиться] с просьбой о смягчении участи и дать мне возможность работать на пользу СССР в нормальных условиях»[122].

Сам Стоянович отмечает, что это «была его первая слезница, к счастью, где-то затерявшаяся». Он составит сборник из писем-слезниц, отправленных и неотправленных, который назовет «Соловецкие слезницы».

Этот сборник – подлинный и важный документ не только из жизни Стояновича, но и документ о Соловецком лагере, о мрачной и тайной пучине которого люди должны знать правду. Почти одновременно его жена пишет заявление на имя Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М.И.Калинина, которого всегда любовно представляли как всенародного старосту. В этом письме, описав вначале, кто такой ее муж [как будто Калинин его не знал! – А.А.] и за что сидит, Ольга Стоянович продолжает: «Совершенно не отрицая вины моего мужа и не желая умалять совершенного преступления, я все же, т.Калинин, обращаюсь к Вам с просьбой о смягчении ему приговора. Мое крайне тяжелое материальное положение вынудило меня обратиться к Вам с настоящей просьбой. На моих руках трое малолетних детей. Я чувствую, что без моральной и материальной поддержки со стороны моего мужа, при слабом состоянии моего здоровья, я не смогу до конца довести три молодые жизни.

Тов. Калинин, я прошу Вас, как мать, не отказать в моей просьбе смягчить участь моего мужа, дабы он мог помочь поднять на ноги троих детей. Прошу Вас дать ему возможность работать вольнонаемным, чтобы материально поддерживать меня с детьми. Огромные нравственные переживания, 17 месяцев строгой изоляции послужили ему достаточным наказанием за его малодушный поступок, который он честно осознал» [123].

Константин Стоянович так отреагировал на это заявление: «Бедная мать, бедная жена, бедная старушка, зачем тебе нужно было так унижаться, когда тебе даже не ответили на твое заявление!! ... Всякое заявление должно иметь поддержку извне, и только тогда получается положительный результат. ... Ты думаешь Калинина разжалобить своими слезами о детишках? У него теперь, наверное, со своими-то хлопот не оберешься!». В чем-то был прав Стоянович, давая такую оценку Калинину. Ведь в действительности уже тогда Калинин никакой власти не имел: вся власть была в других руках. Калинин свою судьбу, судьбу своей жены, тоже томящейся в лагерях, улучшить не мог. А здесь судьба детишек какого-то контрреволюционера!

Значительно позднее Н.С.Хрущев скажет правду о Калинин: «Не знаю, какую практическую работу Калинин выполнял при Ленине. Но при Сталине он номинально подписывал все указы, а реально в государственных делах участвовал редко. Вводили его иной раз в состав какой-нибудь комиссии, но с его мнением мало считались. Обидно было смотреть на это, просто даже жалко Михаила Ивановича. Это был по-народному мудрый человек, представитель трудящихся, хорошо знавший нужды и рабочих, и крестьян. Потому-то Ленин и выдвинул его на роль юридического главы государства»[124]. Ольга Ильинична писем с просьбами больше не писала.

И еще одно письмо вскорости напишет Стоянович. Он напишет его своему старому другу; Стоянович его даже называл учеником. Еще в начале века на Урале в Симе он под руководством Мячина начинал свою революционную деятельность. Стоянович уже три года отбывает срок наказания на Соловках, а ученик его стал секретарем Московского обкома партии – величина громадная. Это был Рындин Кузьма Васильевич. Вот к нему-то и решил Константин Алексеевич обратиться: «Товарищ Рындин. К тебе обращаюсь. 13 лет назад я совершил тактическую ошибку и получил за нее десять лет соловецкого лагеря. Моя революционная физиономия тебе известна по нашей совместной работе. Зная твое положение в партии ... обращаюсь к тебе ... с просьбой, если найдете нужным, обратить должное внимание на мое положение высших чинов партии и правительства. Я не думаю, чтобы революция выиграла от моего пребывания в лагере»[125].

Ответа на это письмо, как и на предыдущие, Стоянович не получил. Да и в переписке с его «опекуншей» в ОГПУ, начальником секретного отдела Андреевой, желательного для Стояновича прогресса не наступит. Все его просьбы, связанные с желанием работать по завершению воспоминаний, поддержки не найдут, так как интересы этих людей сводились совсем к другому.

В «Соловецких слезниках» содержится несколько его безответных писем. Так, получив книгу о двадцатилетии революционных событий на Урале, он пишет Андреевой: «Да, есть что вспомнить! Жизнь прошла бурно. Кроме ошибок, много и хорошего, и дельного. И партия, несмотря на мое отсутствие в СССР и несмотря на потоки грязи, вылитой на меня в литературе людьми, совершенно меня не знающими, – партия все-таки пишет о моей революционной деятельности. Передо мной лежит сборник, посвященный 20-летию уральских событий 1905 года, изданный Башистпартом. И что же? По всему журналу красной нитью проходят мои "злодеяния", и даже в конце книги посвящены мне две поэмы. Да, есть о чем вспомнить! Но жить воспоминаниями о прошлом мне еще рано... Три года я молчал, ибо и сам

считал, что мне нужно одуматься и осознать свое положение, но революционная борьба взяла у меня многое, что было сильного и лучшего, и эти три года являются для меня наиболее тяжелыми в жизни. О, будь я среди врагов, — я знал бы тогда, что нужно мне делать! Но я на испытании у своих и живу в то же время среди контрреволюционеров, и это для меня наибольшая моральная пытка. И если я пробуду здесь еще несколько лет на положении заключенного, то эти годы для меня будут годами медленной смерти»[126].

В этих условиях «медленной смерти» Стоянович принимает решение развенчать, по мере возможности, клеветников с их нападками на него. С этой целью он составляет два жизненно важных документа.

Первый: «Перечень эпизодов из революционной деятельности периода 1903–1928 гг.». Во вступлении к нему он отмечает: «Некоторые лица, так или иначе причастные к революционному движению, воспользовавшись моим отсутствием в СССР, в своих записках и мемуарах уделили значительное место моей работе с целью очернить меня их нелепейшими баснями и инсинуациями о моих преступлениях. Это заставляет меня взяться за перо и написать правдивую, на документальных данных обоснованную историю моей жизни»[127].

Второй документ: письмо «Моим старым товарищам-боевикам». Черновик письма адресован Алексакину Василию, Алексееву Владимиру, Гузакову Петру, Ермолаеву Андрею, Горелову Василию, Кривову Тимофею, Сулимову Даниле, Туманову Степану, Рындину Кузьме. Фамилии Сулимова и Рындина зачеркнуты, и в чистовом варианте их нет. Назначение этого документа тяжелое — оправдать перед товарищами свой переход на сторону Учредительного собрания, или, как его квалифицировали чекистские органы, — переход на сторону белых. Чувствуя свою обреченность, Стоянович пишет товарищам: «Проходят годы, старая гвардия боевиков постепенно вымирает ... и для меня не исключена возможность иметь Соловки последним пристанищем. Остается последний момент — мое воззвание к учредилловцам, мой переход, за что отбываю ныне суровое наказание в Соловецком лагере... К учредилловцам я пошел добровольно».

Стоянович на нескольких страницах пытается доказать, что он ушел для борьбы в тыл врага, но борьба по разным причинам не получилась, а обосновать переход без итогов борьбы трудно. Он заканчивает: «Поэтому не будем говорить о том, что нельзя доказать фактами... Вы можете как Вам угодно отнестись к моему переходу к учредилловцам, но если Вы хоть раз вдумаетесь серьезно в историю моей жизни, ...Вы увидите, что Яковлев не мог сознательно перейти на сторону врага»[128].

Этими двумя документами Стоянович выполнил важную миссию: он оставил для памяти будущим поколениям фрагменты своей бурной, тревожной, интересной и одновременно несчастной жизни, а также материалы о попытке реабилитировать себя или создать мнение у своих бывших друзей о необходимости его перехода к учредителям для борьбы с ними изнутри – борьбы, которая так и не началась.

Представляется, что назначение этого документа было все-таки попыткой расшевелить друзей, чтобы получить от них моральную поддержку, в которой так нуждался находящийся в лагере Стоянович. Но этого не получилось не только из-за слабой аргументации просьбы, но и потому, что люди боялись вмешиваться в подобные ситуации из-за созданной политической атмосферы в стране. Поэтому ответом на письмо было молчание.

Составив эти документы, Стоянович, наверное, почувствовал облегчение. Не найдя сил разрушить вокруг себя стену абсолютного равнодушия, убедившись в бесполезности усилий по привлечению сильных мира сего на свою защиту, Стоянович пишет Ольге Ильиничне: «Мне только и остается ... ждать, когда пройдут десять лет, ибо, будучи "великим преступником", я, как видно, должен отбарабанивать их целиком». «Давай, Лелька, бросим это бесполезное дело. Поддержат нас некому. Я ведь грешник среди своих старых коммунистов, а они кристальные, ничем не запятнанные коммунисты. Не сердись, Лелька, на меня – я писать больше не буду, если только не будет какого-либо особенного толчка»[129].

Стоянович был человеком неугомонным даже в лагерях. Он все-таки вырвался на номенклатурную должность, его назначили начальником работ на так называемом 48-м квартале. Здесь были лесные разработки.

Он серьезно взялся за дело и за пять месяцев привел в образцовый порядок участок, где до этого происходили дебоши, грабежи, наблюдался полный упадок дисциплины. Стоянович все любил делать посвоему. Так же было и здесь. Приведенный в порядок участок понравился даже комиссии, прибывшей туда. Участок-то понравился, а Стоянович «беспричинно» от работы был отстранен. Кроме Стояновича, все понимали, почему это происходит. «Легче верблюда пройти через игольное ушко, чем 58-й выбраться на волю» – известная в лагере присказка [приведена в книге А.И.Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». – А.А.], которой определялись все действия по отношению к Стояновичу.

Стоянович лихорадочно ищет путей для улучшения своей судьбы. Он, конечно, наслышан о создании какой-то выдающейся стройки и

Константин Мячин. Уфа. 1905 г.

В.Н.Пчелин. Передача Романовых Уралсовету.

Холст, масло. 1927 г. (2,6 х 3,3 м).

Слева направо: А.Д.Авдеев – комендант Дома особого назначения; Ф.И.Голощекин – член Уралсовета; А.Г.Белобородов – председатель Уралсовета; Б.В.Дидковский – член Уралсовета; В.В.Яковлев – чрезвычайный комиссар; император Николай II; императрица Александра Федоровна; П.В.Гузаков – помощник комиссара В.В.Яковлева; Великая княжна Мария Николаевна.

**Екатеринбург. Дом инженера Н.Н.Ипатьева.
В 1918 году – Дом особого назначения. В этом доме прожили свои
последние 78 дней император Николай II, его семья и приближенные**

Император Николай II Александрович (1868–1918) с супругой – императрицей Александрой Федоровной (1872–1918). Фотография 1917 г.

Наследник цесаревич Великий князь Алексей Николаевич (1904–1918)

Великие княжны:

**Мария Николаевна (1899–1918), Татьяна Николаевна (1897–1918),
Анастасия Николаевна (1901–1918), Ольга Николаевна (1895–1918)**

**Лейб-медик, приват-доцент
Императорской Военно-
Медицинской Академии,
доктор медицины
Евгений Сергеевич Боткин
(1865-1918)**

**Потомственный почетный гражданин
Иван Михайлович Харитонов
(1870-1918), старший повар**

**Потомственный почетный гражданин
Алоизий (Алексей) Егорович Трупп
(1856–1918),
камер-лакей императора Николая II.**

**Комнатная девушка Анна Степановна
Демидова (1878–1918).**

В.В.Яковлев с невестой Ольгой Ильиничной Алексеевой. Уфа. 1918 г.

**Константин Алексеевич Стоянович.
Гуанчжоу (Кантон), Южный Китай. 1924 г.**

Ольга Ильинична Стоянович. Гуанчжоу (Кантон), Южный Китай. 1924 г.

**К.А.Стоянович с дочерью Людмилой.
Гуанчжоу (Кантон), Южный Китай. 1924 г.**

**К.А.Стоянович
и М.М.Бородин
(в центре снимка).
Гуанчжоу
(Кантон),
Южный Китай.
1924 г.**

**Удостоверение
личности
К.А.Стояновича.
Китай**

2
 3

電話傳真

Национальный Коммунистический Частный	29-21
Политический Коммунистический Частный	31-28
Российский Коммунистический Частный	33-28
Современный Коммунистический Частный	47-28
Советский Коммунистический Частный	23-43
Советский Коммунистический Частный	70-40
Советский Коммунистический Частный	33-16
Советский Коммунистический Частный	25-28
Советский Коммунистический Частный	70-53
Советский Коммунистический Частный	27-43
Советский Коммунистический Частный	44-28
Советский Коммунистический Частный	29-40
Советский Коммунистический Частный	29-40

УПРАВЛЕНИЕ ДОРОГИ

КОММЕРЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Телеграфный адрес: Kitvosidor.

71 74 75 76

[illegible]

No 251-

Харбин, "10" февраля 1925 г.

哈爾濱

4

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего гр. **СТОЯНОВИЧ** Константин
Алексеевич служил на К.В.Ж.Д. в должности агента
коммерческой части по коммерческому Агентству в г.
Шанхае и в настоящее время, по освобождении его от
службы на К.В.Ж.Д., направляется на постоянное жи-
тельство в С.С.С.Р.

Удостоверение это выдано гр. Стояновичу
К.А. для пред"явления его в случаях надобности со-
ответствующим лицам и учреждениям СССР при проезде
его по дорогам СССР по бесплатному газовому билету
№ 402.-

ЗАВЕДУЮЩИЙ КОММЕРЧЕСКИМ
АГЕНТСТВОМ В Г. ШАНХАЕ

1871 M.D.-

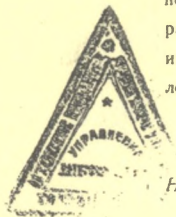
Удостоверение К.А.Стойновича о возвращении из Китая в СССР.

О. Г. П. У.
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛАГЕРЯМИ
1-е ОТДЕЛЕНИЕ

29. Августа 1933 г.

№ 147

Гр-ну *С. Стояновичу*
Константину Алекс

Согласно постановления Центрального Исполнительного Комитета от 4 августа 1933 г. за самоотперженную работу на строительстве Беломорско-Балтийского канала им. тов. СТАЛИНА с Вас снята судимость и Вы восстановлены в гражданских правах.

Основание: Постановление ЦИК Союза ССР от 4 августа 1933 года, пункт 2.

Начальник 1-го отделения
ГУЛАГ ОГПУ

(Шедвид)

Справка К.А.Стояновича

о снятии судимости и восстановлении в гражданских правах. 1933 г.

Последняя семейная фотография К.А.Стояновича. 1938 г. В первом ряду – Ольга Ильинична, Константин Алексеевич, Людмила Константиновна; во втором ряду – Алексей Константинович, Ирина Константиновна Стоянович

К.А.Стоянович.
Осиновское. 1938 г.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР

С П Р А В К А

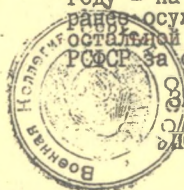
12 марта 1971

№ 4Н-0703/67

Москва, ул. Воронского, д. 15

Дело по обвинению СТОЯНОВИЧА Константина Алексеевича пересмотрено Пленумом Верховного Суда СССР 22 ноября 1967 года.

Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 16 сентября 1938 года в отношении Стояновича К.А. отменен и дело прекращено в части обвинения в переходе на сторону белых в 1918 году - на основании п.9 ст.5 УПК РСФСР, как ранее осужденного по тому же обвинению, а в остальной части - на основании п.1 ст.5 УПК РСФСР за отсутствием события преступления.

Зам.начальника секретариата военной
коллегии Верховного суда СССР
подполковник юстиции

/В.Зубков/.

Справка о частичной реабилитации К.А.Стояновича

ПОВТОРНОЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (ка) Стойкович
Константин Алексеевич
умер (ла) 16.09.89 шестнадцатого
сентября тысяча девятсот
тридцать восьмью года
в возрасте 52 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
19 69 года ноября месяца 15 числа
произведена запись за № 5
Причина смерти Рассстрел.

Место смерти: город, селение Москва
район
область, край
республика

Место регистрации

Отдел ЗАГС
Бауманского района
местный отдел ЗАГС

Дата выдачи 16 декабря 19 89 г.Заведующий отделом (бюро)
записи актов гражданского состояния

VIII-МЮ № 452355

Свидетельство о смерти К.А.Стойновича

о зачетах лагерных сроков при работах там. Для него это толчок, что бы написать резкое письмо наверх.

Он пишет Ольге Ильиничне: «Скажу кратко. Произошел неожиданный толчок. Попытаюсь в последний раз, а потом, милая Лелька, если случится катастрофа – не проклинай и не бросай детей. Прощай, моя дорогая, прощай, моя любовь!»[130].

И после этого в 1932 году он напишет еще одно и довольно резкое письмо Менжинскому и его заместителю Акулову, который имеет непосредственное отношение к той стройке, о которой идет в лагере волна мутных разговоров: «Неужели моя 25-летняя революционная деятельность, мое рабоче-крестьянское происхождение, чуть ли не пятнадцатилетняя давность проступка, моя десятилетняя работа в Китае, амнистия 1927 года и мое добровольное возвращение в СССР – не дают мне право на смягчение моей участи?»[131].

Изменения в лагерной жизни Стояновича, как и в судьбе многих заключенных Соловецкого лагеря, произошли нельзя сказать чтобы неожиданно, но не из тех инстанций, куда много писали и откуда всегда ждали. А произошли они в силу того, что по инициативе лично товарища Сталина была организована крупнейшая стройка – Беломорско-Балтийский канал для соединения Белого и Балтийского морей.

Идея соединения этих морей существовала еще с незапамятных времен, ведь даже Петр I в свое время волоком перетаскивал корабли «зачинавшегося» русского флота по линии предполагаемого канала. А само предложение о канале было высказано русским императором Павлом I. В конце прошлого века российским правительством даже проводились исследования по трассе канала. Но до реализации идеи дело не дошло.

В 4-м томе Большой Советской Энциклопедии так и отмечено, что «царская Россия не в состоянии была осуществить эти проекты». А вот Советская Россия – в состоянии. В 1931 году поступило указание: «Канал должен быть построен в короткий срок и стоить дешево». А если «в короткий срок и дешево», то выполнение такого проекта предусматривалось, естественно, за счет дешевого лагерного труда арестантов, жестокой эксплуатации заключенных, главным образом, Соловецкого лагеря. Вот поэтому еще загодя было определено «особое назначение» Соловецкого лагеря. На строительстве канала оно и проявилось.

Строительство Беломорско-Балтийского канала стало кульминационным моментом формирования лагерной системы.

Лагерная индустрия строительства канала выглядела так. По всей длине трассы канала (227 км) были раскинуты лагерные пункты (вре-

менные лагеря), которые были заполнены осужденными классовыми врагами и классово чуждыми элементами (более 100 тыс. человек).

К работе заступили по всей длине канала с применением ударных темпов, добровольного отказа от выходных дней, почти круглосуточно работая и зимой, и летом. Особенностью строительства канала было то, что работы велись без применения технических средств. Это не означало, конечно, что их в стране вообще не было, а просто определялось необходимостью более сильного воздействия ручного труда на исправительно-трудовой процесс. У лагерей было такое назначение. Вся работа производилась с помощью лопаты, кайла и тачки, получившей название канальной тачки. Особенностью работы с ней было то, что полностью загруженную грунтом канальную тачку невозможно было каталю двигать на подъем, тогда помощник крюком прихватывал тачку спереди, и вдвоем ее вытягивали к месту назначения.

С помощью кайла и лопаты выбиралось ложе канала. Грунт тачками вывозился по настилам из досок. У обессиленных каталей тачки переворачивались, и часто содержимое вываливалось на людей, копшившихся на нижних уровнях строительства. Так как район прокладки канала содержал поля валунов и каменных глыб, то их выбирали и перемещали из зоны канала практически вручную. Эту работу выполняли женщины, которые в одиночку поднимали и передвигали камни до четырех пудов!

Все строительство представляло собой необыкновенный агонизирующий человеческий муравейник. Все это еще усиливалось лозунгами типа: «Потопим свое прошлое на дне канала!». При недостаточном и плохо организованном питании люди гибли каждый день, но заключенных было много (они постоянно прибывали), и рабочий процесс не прерывался.

Изменение в судьбе Стояновича состояло в том, что он был также переведен на строительство Беломорканала. К сожалению, никаких письменных свидетельств об этом он не оставил. Не до писем, видимо, было. Какую он играл роль на строительстве, неизвестно. Все его лагерные записи связаны только с пребыванием в Соловецком лагере.

Ясно, что здоровье Константина Алексеевича не позволило бы ему выжить там, будь он простым строителем канала. По-видимому, он исполнял какие-то административные функции.

Строительство канала продолжалось двадцать месяцев. Срок строительства был обеспечен беспощадной и безжалостной эксплуатацией заключенных и невысоким техническим уровнем строительства: замена дорогих строительных материалов местными, железобетона — просто бетоном, металла — часто деревом и прочим. Малая глубина канала (5м) не предусматривала проход современных морских кораблей,

не говоря уж о военных. Внимание обращалось не на это, а на то, чтобы поразить мир рекордом по времени строительства. Капиталисты строили Панамский канал длиной 80 км за 28 лет, Суэцкий канал длиной 160 км – 10 лет, а Беломорско-Балтийский канал длиной 227 км советские люди – менее двух лет!

Широким фронтом заключенные приступили к строительству канала в сентябре 1931 года, а закончили в апреле 1933 года. Накануне пролетарского праздника 1 Мая Г.Г.Ягода докладывал Сталину, что канал завершили в назначенный срок. Принимая этот доклад, Сталин представлял, как все почувствуют еще одну убедительную победу освобожденного народа: ведь подобных темпов строительства мир не видел! А мир не мог даже представить то, что знали эти двое: какими жертвами были достигнуты эти темпы. Последние месяцы работы завершались непрерывным штурмом (позднее "штурмовщина" при завершении объектов в любой отрасли войдет в практику). На строительстве канала погибло около 250 тысяч заключенных. Трупы погибших порой не успевали убирать, и часто человеческие останки вместе с песком попадали в бетономешалки, так что в цементных монолитах гидросооружений канала присутствуют вещественные следы их строителей. Вечная им память!

В июле 1933 года, совершая поездку по каналу, Сталин вместе с Ворошиловым, Кировым и остальной свитой ничего такого, конечно же, в стенах шлюзов не увидел и стройкой был доволен. Сразу же после этого – 2 августа – канал был зачислен в действующее предприятие; ему было присвоено название: «Беломорско-Балтийский канал имени И.В.Сталина». В эти же дни было освобождено двадцать с половиной тысяч заключенных – активных строителей канала. Среди них был Стоянович. Вот документ:

*«О.Г.П.У. Главное Управление Лагерями, 1-ое отделение.
29 августа 1933 г. № 147*

Гр[ажда]ни/ну Стояновичу Константину Алексеевичу.

Согласно постановления Центрального Исполнительного Комитета от 4 августа 1933 г. за самоотверженную работу на строительстве Беломорско-Балтийского канала им. тов.Сталина с Вас снята судимость, и Вы восстанавливаетесь в гражданских правах.

Основание: Постановление ЦИК Союза ССР от 4 августа 1933 года, пункт 2.

Начальник 1-го отделения ГУЛАГ ОГПУ (*Шедвин*).».

А еще позднее по каналу совершит путешествие группа советских писателей, подготовивших в дальнейшем книгу своих очерков под редакцией М.Горького, воспевающих гимн гению создателей канала и той перевоспитанной силе, которой они управляли. А.Солженицын напишет об этом в книге «Архипелаг ГУЛАГ»: «Материал для этой книги представили 36 советских писателей во главе с М.Горьким – авторы позорной книги о Беломорканале, впервые в русской литературе восславившей рабский труд».

В 4-м томе 2-го издания Большой Советской Энциклопедии утверждается: «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина – одно из важнейших сооружений первой пятилетки в СССР, созданное по инициативе Сталина. По оригинальности конструкций, удачному применению местных материалов, чрезвычайному разнообразию сооружений, созданных в труднейших условиях Севера в необычайно короткий срок, Б.Б.К. является одной из замечательных новостроек Советского Союза и представляет яркий образец высокого искусства советских инженеров».

Энциклопедия – источник знаний, сведений. И как быть без таких источников? Без них в нашем народе этот «яркий образец», это практически не использующееся «важнейшее сооружение» знают только по папиросам «Беломорканал», но увлечение сигаретами может привести к забвению памяти о канале...

Но память о жертвах, память о лагерях сохранится навсегда.

«ПРОШУ ЗАЩИТИТЬ!»

Свобода! Постановлением ЦИК СССР Стояновичу было даровано сокращение срока заключения в ИТЛ на 5 лет со снятием судимости. То есть преступление, за которое он пребывал в Соловках и на Беломорканале, ему было прощено.

Долгожданная радостная встреча с семьей и планы на будущую жизнь. «Хотелось просто жить!»

Ольга Ильинична отмечает: «Он очень изменился — стал замкнутым, суровым».

Еще бы! Лагерь и Беломорканал свое дело сделали. В.Шаламов, прошедший через лагеря Колымы, пишет: «Лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего нужного, полезного никто оттуда не вынесет — ни сам заключенный, ни его начальник, ни его охрана, ни невольные свидетели... Возвращаясь домой, он видит, что интересы его стали бедными, грубыми»[132].

Свобода для Стояновича — это срочная необходимость оказания помощи своей семье, находящейся в бедственном положении, возможность работы, работы любой, лишь бы быстрее поднять семью.

Свободой Стоянович распорядился не лучшим образом. Получилось так, что уже в августе(!) он выезжает с семьей в Кемеровскую область, где приступает к работе начальником исправительно-трудового лагеря. Еще один пируэт в жизни Мячина-Яковлева-Стояновича. Как мог он, всю жизнь стремившийся к улучшению человеческой жизни, пойти работать в очаг крушения человеческих жизней? Что случилось? Ведь он только что сам был арестантом. И сам писал в своих тайных (для того периода времени) записках о «бессмысленности и глупости лагерной жизни», о «бесполезной растрате сил и энергии», о «маховике, который все жрет, рвет и под себя подминает». Как же после таких письменных размышлений Стоянович стал начальником лагеря с символическим названием «Осиновский». Может быть, в этих размышлениях и ответ? Может быть, это было последнее испытание самого себя не в «облаках» пролетарской революции, а на грешной земле, среди несчастных людей, чаще всего наказанных безвинно? Может, это была последняя проба, к которой привела его судьба через «медные трубы» и суровые испытания, выдержанные им, как он категорически считал, во имя улучшения жизни людей, которого так никто никогда и не увидел? И сейчас здесь, в лагере, забитом несчастными людьми, Стоянович, только что прошедший сам через эту геенну, может оказать им посильное содействие? Конечно,

здесь о работе, связанной с описанием истории создания боевых дружин, с систематизацией материалов китайского периода, о которой он писал, находясь в лагере, не может быть и речи.

Как работал Стоянович начальником лагеря – неизвестно. Да сейчас, наверное, и свидетелей нет в живых. Но, может быть, все-таки найдутся какие-либо документы, свидетели, и, может быть, оживет этот период жизни – очень недолгий, но очень важный период жизни Стояновича с семьей. Именно дела Стояновича в этот период могут ответить на вопрос, кем же он был? Тем более, что лагерная деятельность инкриминировалась ему в последующем.

Стоянович был принципиальным человеком, все делал по-своему, как ему виделось – наилучшим образом, и это ему всегда вредило.

Так было и в лагерях. Собственная принципиальность привела к тому, что Стояновича сначала понижали в должностях, переводили на другие места работы, а затем просто уволили в июне 1937 года.

Все это объяснялось тем, что он не сумел сработаться с сотрудниками, обострил отношения с ними и даже вызывал враждебность со стороны персонала лагеря. Стояновича не только увольняют, но и не дают ему возможности найти где-либо работу. Отрицательные характеристики, посылаемые на новые места работы, действовали магически – моментальное увольнение. Последняя работа Стояновича – отдел снабжения инструментального завода в городе Ворсме Горьковской области. Отсюда обескураженный, чувствующий к себе общее враждебное отношение, не понимающий, что происходит, Стоянович снова пишет письмо наверх, не догадываясь, что после этого остается только падение вниз. Письмо написано Сталину и новому наркому внутренних дел Н.Ежову. Это был июль 1937 года, когда вся страна замерла, почувствовав поглаживание «ежовых рукавиц».

В письме было написано: «Прошу дать срочное распоряжение расследовать мое дело и дать мне возможность жить и работать, и если я не получу ожидаемой от Вас защиты, то я буду везде и всюду, где бы я ни был, предметом постоянной травли, преследования и изгнания с работы. Прошу защитить! 27.06.37. *Стоянович*».

Не перестаешь удивляться наивности Стояновича. Откуда он взял, что Стоянович – фигура такого значения, что стоит ему только кликнуть клич о помощи, как тотчас же все все бросят и кинутся помогать ему. Может быть, Стоянович и заслуженное лицо (в этом еще долго будут разбираться историки и ученые), но те, к кому он обращается, этого не представляют и даже не понимают, однако на заметку берут, особенно если их просят о помощи. Несомненно, что Стоянович находился в расстрельных списках 30-х годов. Своим письмом он только ускорил развязку.

Когда в феврале 1938 года Стоянович был арестован вторично и снова оказался на Лубянке, он понял, что это конец. Дважды за одно преступление не наказывают, тем более, если после отбытия наказания судимость снимают. Поэтому, когда вторично завели следственное дело — и снова о перевозке царской семьи, о переходе к белым, все уже вроде бы выясненное, вдруг совершенно неожиданно зашел разговор о шпионаже в пользу зарубежных стран, о заговорах на месте последней работы. Следствие вел молодой сержант государственной безопасности Дербеев, что для Стояновича свидетельствовало о пренебрежении со стороны властей. Да и сам Стоянович, чувствуя исход дела, не пускался в длительные рассуждения и почти по-военному отвечал на вопросы. Перед нами некоторые фрагменты этого следственного дела [133]:

«Вопрос. Следствию известно, что Вы имели намерения с семьей Романова прорваться в сторону белых.

Ответ. Нет, категорически отрицаю. У меня не было такого намерения, к тому же отряд мой состоял целиком из коммунистов».

Красивый почерк у сержанта, с завитушками и обращение «Вы» пишет с большой буквы, но задаваемые вопросы звучали еще в 1928—1929 годах, и на каждый еще тогда был дан ответ. Может быть, поэтому нынче ответы кратки. Да и трудно отвечать отрицательно на вопрос, который начинается словами: «Следствию известно...». Если известно, то и спрашивать незачем.

«Вопрос. Следствие располагает данными, что Вы, будучи командующим Самарским фронтом, предали интересы пролетарской революции и перешли на сторону белых. Дайте подробные показания.

[Обратите внимание: «Будучи командующим ... предали интересы»! — А.А.].

Ответ. После того, как я был смещен с должности командующего Самарского фронта, наша часть под натиском чехов отступила в Сарапул, а оттуда, перейдя фронт, [я] перешел к чехам в г. Уфа.

Вопрос. Что Вас заставило перейти к чехам?

Ответ. Потерял всякую надежду в победе Советской власти. Считая все это бессмысленным, я пришел к решению перейти на сторону учредиловцев и чехов. О чем написал заявление в комитет Учредительного собрания, в своем заявлении раскаялся в принадлежности к большевикам. [Честный ответ! — А.А.]

Вопрос. В какое время Вами было написано воззвание к красногвардейцам?

Ответ. Категорически отрицаю. Никакого воззвания я не писал. Я полагаю, что это было спровоцировано белогвардейцами.

Вопрос. Следствие располагает данными, что Вы являетесь агентом иностранной разведки и занимаетесь сбором шпионских сведений.

Ответ. Отрицаю. В иностранную разведку я никогда завербован не был и шпионской деятельностью не занимался. Признаю себя виновным в том, что я допускал [так в тексте – А.А.] серьезное преступление, перейдя на сторону контрреволюции в 1918 году, тем самым предал интересы пролетарской революции».

Не буду приводить все следственное дело. Укажу только, что обвинение Стояновича в работе на иностранную разведку сводилось к установлению контактов с Пиком и Рейером, лицами, которые привлекали Стояновича в Китае к судебным делам. И еще, это уже новое – чекисты успели установить, что Стоянович в должности начальника лагеря занимался вербовкой заключенных для шпионской деятельности.

21 июня следствие над Стояновичем закончилось. Менее пяти месяцев потребовалось сержанту госбезопасности для расследования и подготовки к суду сложного дела Стояновича – бывшего заместителя председателя ВЧК и командующего фронтом – по обвинению в измене Родине. Сержант Дербеев проявил, как мы увидим дальше, удивительную ловкость в обосновании этого дела.

16 сентября 1938 года Стоянович был доставлен на закрытое судебное заседание выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР. Согласно протоколу, заседание суда началось в 18 часов 30 минут. Состав суда: председатель – армвоенюрист В.Ульрих; члены – бригавоенюрист Дешистов, военюрист Климин; секретарь – военюрист Юдин.

Прибыв на суд и увидев его состав, Стоянович понял, что это его последний суд на земле, и сердце его уже не билось, а колотилось, тем более, что день для него был особый.

Суд был скорым и до максимума упрощенным. Все это отражено протоколом, который приводится ниже:

«Председатель объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Стояновича Константина Алексеевича в преступлениях, предусмотренных ст.58-1а, 58-8, 58-11.

Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил утвердительно. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда. Подсудимый никаких ходатайств, а также отвода состава суда не заявил.

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение. Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным. На что подсудимый ответил, что виновным себя признает только в том, что в 1918 г. перешел к учредиловцам. В остальном он себя виновным не признал и заявил, что дополнить судебное следствие ему нечем. Судебное следствие закончено.

Подсудимому было предоставлено последнее слово, в котором он ничего сказать не пожелал. Суд удалился на совещание, по возвращении с которого председательствующим оглашен приговор.

В 18 ч.45 м. заседание закрыто».

Всего 15 минут потребовалось заседанию суда, чтобы выяснить необходимые детали дела Стояновича, обвиняемого по трем пунктам знаменитейшей 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР. И хотя эта статья из четырнадцати пунктов являлась главной для осуждения любых политических преступников, она находилась внутри Уголовного кодекса, потому что в стране строящегося социализма политических преступников быть не могло, могли быть только уголовные элементы – пережитки капитализма. Итак, статьи Стояновича: 58-1а – измена Родине, 58-8 – террористическая деятельность, 58-11 – подготовка преступной организации. Трудно разобраться, что именно совершил Стоянович, чтобы его обвинили именно по этим пунктам. Суду же хватило 15 минут! Естественно – опыт! Уничтожить миллионы безвинных людей было бы невозможно, уделяя суду над каждым времени больше пятнадцати минут. Поэтому не нужны были ни свидетели, ни защитники. Нужны были только обвиняемые – для действий карающих рук пролетарской власти. Ознакомимся с приговором:

«Именем Союза Советских Социалистических Республик Коллегия Верховного Суда СССР в составе [приведен выше – А.А.] в закрытом судебном заседании в городе Москве 16 сентября 1938 года рассмотрела дело по обвинению Стояновича Константина Алексеевича, 1886 года рождения, бывшего зам.начальника отдела снабжения завода им. Ленина в Ворсме – в преступлениях, предусмотренных ст.58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Стоянович в 1918 г., будучи командующим войсками Самарского фронта, перешел на сторону белых. Написал заявление Комитету Учредительного собрания. С отступлением белых Стоянович с остатками колчаковской армии бежал в Харбин, а оттуда в Шанхай, где установил связь с агентами иностранной разведки.

На основании изложенного, признавая Стояновича виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.58-1а, 58-8 и 58-11 УК

РСФСР, и руководствуясь ст.319 и 320 УПК РСФСР – Военная Коллегия Верховного Суда СССР *приговорила*: Стояновича Константина Алексеевича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и на основании закона от 1.12.34 г. подлежит немедленному исполнению».

Конечно, Стоянович был расстрелян в тот же день. Даже если его расстреляли около двенадцати часов ночи, то жил он после суда не более пяти часов.

Его расстреляли в день рождения. В этот день ему исполнилось 52 года. И в этом, может быть, даже чувствуется зловещая ухмылка сотоварищей Константина Алексеевича, оставшихся у руля и в партии, и в НКВД.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Читатель! Перед тобой прошла неординарная жизнь человека, деятельность которого можно обозначить несколькими вехами: революционер-подпольщик, чрезвычайный комиссар, коминтерновский эмиссар и, наконец, советский заключенный, обвиненный в контрреволюции.

Мячин-Яковлев-Стоянович. Его жизнь прошла в борьбе за революционные, коммунистические идеалы и закончилась нередким для социалистического общества финалом — смертной казнью по сфальсифицированному обвинению.

Когда перебираешь оставшиеся свидетельства о жизни человека, которого уже нет, трудно удержаться от рассмотрения и оценки их с современного уровня, тем более, что и уровень этот, и события соприкасаются друг с другом. Недавнее прошлое и настоящее, являющееся продолжением этого прошлого, неотделимы друг от друга и взаимно переплетены.

Но как бы ни пытались мы восстановить хронологию и особенности той жизни по сохранившимся свидетельствам, документам и воспоминаниям, мы все равно не сможем это сделать с необходимой полнотой, потому что она была прервана насильственным путем, вместе с ней ушли в небытие тайны ее владельца.

В этом отношении Яковлев разделил участь неисчислимого количества советских людей, ставших ненужными и даже вредными для существующего режима. Среди них были и люди, преданные революции, посвятившие жизнь борьбе за осуществление ее идеалов.

Согласно Книге рекордов Гиннеса 1988 года, в 1936–1938 гг. в нашей стране по приговорам судов и внесудебным образом было уничтожено около десяти миллионов человек. Среди них оказалось много профессиональных революционеров ленинской школы, которым были присвоены ярлыки контрреволюционеров, шпионов, террористов, вредителей, диверсантов и прочих «врагов народа». В последующие годы число их станет еще больше.

В июне 1921 года В.Короленко писал М.Горькому, что «история когда-нибудь отметит, что с искренними революционерами и социалистами большевистская революция расправилась такими же средствами, как и царский режим»[134].

Из-за незнания истинных масштабов и методов большевистского террора в 1921 году В.Короленко мог так писать: он не знал, что за три первых года после революции большевики уничтожили людей больше, чем все Романовы за триста лет своего царствования.

Для всего мира удивительными и необычными были даже не произвол и незаконность этих мероприятий, а дух и стойкость жертв террора, которые, находясь в безнадёжных ситуациях, не изменяли своим гражданским принципам. Люди гибли, проклиная карателей и обвиняя их в измене революции и в противозаконном отнятии у них жизни. А жизнь «дается свыше – не законами и декретами, а вечной тайной. Мы не имеем никакого права посягать на то, что принадлежит не нам. Поэтому смертная казнь противозаконна в самом высшем, божественном смысле» [135].

В прошлом Яковлев свято соблюдал заповеди революционера-подпольщика, отрекшись от личных благ ради революционных целей, которые, с его точки зрения, достойны были даже жертвы за них собственной жизнью, но он никогда не думал и не мог представить, что смертный приговор получит от тех, с кем вместе шел к достижению этих целей. Окончательно расплатились они с ним через двадцать лет после победы революции и перехода Яковлева к учредиловцам. Переход и заявление о переходе очень пригодились для обоснования «возмездия».

Заявление Яковлева даже в момент его предъявления было известно немногим, а позднее подобные документы в печати вообще не появлялись. Обнаружено оно было лишь в последние годы – в связи с ростом интереса к истории последних дней императора Николая II и его семьи.

К этому времени стали известны и другие случаи перехода из коммунистического лагеря в противоположный некоторых ответственных, дипломатических и других работников (Г.Беседовский, Г.Агабеков, Ф.Раскольников и др.). Особенно широкую известность приобрели события, связанные с невозвращением полномочного посла в Болгарии Ф.Раскольникова. После того, как в 1939 году он был объявлен «врагом народа», исключен из партии, лишен советского гражданства и поставлен вне закона, им за границей было опубликовано письмо И.Сталину, которое во многом перекликалось с заявлением Яковлева, поэтому уместно привести здесь некоторые фрагменты этого письма, сопроводив их небольшой предысторией.

Несомненно, Ф.Раскольников и В.Яковлев друг друга знали по Октябрьскому перевороту. Не могли не знать и по действиям по отношению к Учредительному собранию. Ф.Раскольников был избран членом Учредительного собрания от Петроградского избирательного округа. 5 января 1918 года по предложению В.Ленина Раскольников огласил на заседании Учредительного собрания декларацию большевиков о том, что большевистская фракция покидает собрание. В.Яковлев, тоже по указанию В.Ленина, принял участие в разгоне Учредительного собрания и аресте его руководителей.

«Сталин, Вы объявили меня "вне закона". Этим актом Вы уравнили меня в правах — точнее в бесправии — со всеми советскими гражданами, которые под Вашим владычеством живут вне закона.

Со своей стороны отвечаю полной взаимностью: возвращаю Вам входной билет в построенное Вами царство "социализма" и порываю с Вашим режимом.

Ваш "социализм", при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол Вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата...

Вы подавляете растущее недовольство насилием и террором. Постепенно заменяя диктатуру пролетариата режимом Вашей личной диктатуры, Вы открыли новый этап, который войдет в историю нашей революции под именем эпохи террора.

Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и маршал Советского Союза — все в равной мере подвержены ударам Вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели.

Как во время извержения вулкана огромные глыбы с треском и грохотом рушатся в жерло кратера, так целые пласты советского общества срыгаются и падают в пропасть...

В лживой истории партии, написанной под Вашим руководством, Вы обокрали мертвых, убитых и опозоренных Вами людей и присвоили себе все их подвиги и заслуги...

Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечный список Ваших преступлений! Бесконечный свиток имен Ваших жертв! Нет возможности все перечислить.

Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов.

17 августа 1939 года. *Ф.Раскольников*»[136].

Федор Федорович Раскольников, ветеран революции, участник Октябрьского переворота, заместитель наркома по морским делам, военачальник в годы гражданской войны и, наконец, дипломат, на 23-м (!) году Советской власти обвиняет не кого-нибудь, а самого вождя народов — И.Сталина — в идеологической измене, личной диктатуре и преступлениях. Но это, конечно, после того, как он получил политическое убежище.

О Раскольникове и о его письме Сталину, опубликованном в нашей стране в 80-х годах, широко говорилось как о первом человеке-герое, который «во весь голос» заявил о бесчинствах внутри страны. Признать это фактом было бы несправедливо – ведь на эти факты указывали многие люди, ставшие жертвами сталинизма, но самым первым, по-видимому, был Яковлев, который почти все то же самое высказал в своем заявлении в «боевом восемнадцатом» году. Более ранние подобные документы неизвестны.

- Расплатой за это заявление стала сама жизнь Яковлева.

А как Раскольников? Вскоре после опубликования письма Сталину Федор Федорович заболел и менее чем через месяц – 12 сентября 1939 года – умер. Верховным судом СССР от 26 августа 1963 года он был полностью реабилитирован «за отсутствием в его действиях состава преступления». Так Ф.Ф.Раскольников описал круг в своей жизни по классической схеме наших революционеров: герой революции – репрессирован – реабилитирован.

Яковлеву в этом плане не повезло. То есть в классическую схему он попал, но полностью цикл не прошел – не вытянул на реабилитацию. Поэтому приведем полностью следующий документ – постановление Пленума Верховного суда СССР № 670-67 от 22 ноября 1967 года:

«По приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 16 сентября 1938 г. Стоянович Константин Алексеевич, до ареста 1 февраля 1938 г. работавший агентом снабжения завода им.Ленина Горьковской области, осужден по ст.58-1а, 58-8, 58-11 УК РСФР к расстрелу с конфискацией имущества.

Стоянович признан виновным в том, что в 1918 году, будучи командующим войсками Самарского фронта, перешел к белым и обратился с воззванием к красноармейцам.

При отступлении белых Стоянович бежал в Китай, где установил связь с агентами иностранных разведок.

Рассмотрев материалы дела и обсудив протест Генерального Прокурора СССР, в котором предлагается прекратить дело Стояновича, Пленум Верховного Суда СССР находит протест подлежащим удовлетворению.

Из материалов дела Стояновича усматривается, что действительная его фамилия Мячин, а партийная кличка Яковлев. В 1905 году Мячин примкнул к революционному движению и вступил в социал-демократическую партию (большевиков).

Возвратившись в 1917 году под именем Яковлев из эмиграции, Мячин выполнял ответственные поручения партии и Советского Правительства, а в 1918 году был назначен главнокомандующим Уфимско-Оренбургского фронта. В связи с неудачами на фронте и оставлением Самары Мячин от должности был освобожден. Вскоре он перешел на сторону белых и эмигрировал в Китай.

В начале 1928 года Мячин (он же Стоянович и Яковлев) добровольно вернулся в Советский Союз и явился с повинной.

За добровольный переход на сторону белых и выступление против Советской власти постановлением Коллегии ОГПУ от 28 июня 1929 г. Мячин-Стоянович-Яковлев был приговорен к расстрелу с заменой этого наказания заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

Поскольку за переход на сторону белых Стоянович был наказан в уголовном порядке, для привлечения его к ответственности за эти же действия в 1938 году оснований не было.

Что же касается обвинения Стояновича в преступных связях с Рейером и Пиком, а также в вербовке заключенных, то каких-либо объективных доказательств для обвинения его в этой части в деле не имеется.

Находя при изложенных обстоятельствах осуждение Стояновича по данному делу необоснованным, Пленум Верховного Суда СССР, соглашаясь с протестом и руководствуясь п. «а» ст. 9 Положения о Верховном Суде СССР, **постановляет:**

Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 16 сентября 1938 г. в отношении Стояновича К.А. отменить, и дело о нем производством прекратить в части обвинения в вербовке заключенных для анти-советской деятельности и в том, что он находился в преступных связях с Рейером и Пиком за отсутствием события преступления, а в части обвинения в переходе на сторону белых в 1918 году — на основании п. 9 ст. 5 УПК РСФСР, т.е. как уже ранее осужденного по тому же обвинению.

Председатель: (Куликов). Секретарь: (Кузнецов)».

В соответствии с этим документом вина Яковлева-Стояновича за переход к учредилочцам не подлежит реабилитации, но производством прекращена — как уже ранее осужденного по тому же обвинению.

Получается, что по аналогичным «преступлениям» Яковлеву и Раскольникову могут быть вынесены различные вердикты.

И хотя мы сейчас относимся к революционным событиям Октябрьского переворота скорее как к отрицательному явлению, повергнувшему человечество в катастрофу, преступления — измены Яковлева по отношению к ним — никак не проявляются.

В июле 1931 года, будучи заключенным в Соловецких лагерях, Яковлев писал: «Наша партия никогда не признавала героев. История не простит позора моего заключения, моего умирания». Значит, все должно решить все-таки история, а она продолжается.

Июль 1993 — июль 1994 гг.

г. Екатеринбург.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Стоянович К.* Заметки. 18 // Архив Л.К.Карповой. – *Публикуется в настоящем издании.*
2. *Пихоя Р.* Нет белых пятен. Есть фальсификация истории // Аргументы и факты. – 1993. – № 38.
3. *Касвинов М.* Двадцать три ступени вниз. – М., 1978.
4. *Власов Ю.* Огненный крест: Историческая исповедь в 2-х ч. – М., 1992. – Ч.1. – С.10.
5. Там же. – С.133.
6. *Грянник А.* Завещание Николая II. – Рига, [б.г.]. – Ч.1.
7. *Моисеев А.* Баллада о потерянном имени // Рифей. – Челябинск, 1990. – С.204.
8. *Лешкин Н.* Последний рейс Романовых // Рифей. – Челябинск, 1989.
9. *Стоянович К.* Письмо Андреевой // Архив Л.К.Карповой. – *Публикуется в настоящем издании.*
10. Протокол обыска в квартире гр. Алексева 06.12.1928. // ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.31. Л.25.
Публикуется в настоящем издании.
11. *Стоянович К.* Письмо генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину и начальнику ОГПУ В.Р.Менжинскому // СОЦДОО. Ф.221. Оп.2. Д.964. Л.102–113.
Публикуется в настоящем издании.
12. *Яковлев В.* Последний рейс Романовых // Урал. – 1988. – № 7.
13. *Стоянович К.* Перечень эпизодов из революционной деятельности периода 1903–1928 гг. // Архив Л.К.Карповой.
Публикуется в настоящем издании.
14. Боевики // Уральская Советская Энциклопедия. – Свердловск – М., 1933. – Т.1. – С.435.
15. *Рыбченко Т.* Пляска святого Витта: Документальная повесть. – Уфа, 1992. – С.85.
16. *Стоянович К.* Заметки. 17.
17. *Стоянович К.* Письмо боевикам-подпольщикам // Архив Л.К.Карповой.
Публикуется в настоящем издании.
18. *Милюков П.Н.* Воспоминания. – М., 1991. – Т.1. – С.199.
19. *Стоянович К.* Заметки. 17.

20. Цит. по: Рыбченко Т. Пляска святого Витта. – С.148. (оригинал хранится: ЦГА Республики Беларусь. Ф.И-187. Оп.1. Д.323).
21. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т.48. – С.5–6.
22. Луначарский А.В. Л.Д.Троцкий // Силуэты: Политические портреты. – М., 1991. – С.346.
23. Гладков Т., Смирнов М. В.Р.Менжинский. – М., 1969. – С.126.
24. Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. – М., 1991. – С.214–215.
25. Лешкин Н. Последний рейс Романовых. – С.36.
26. Яковлев В. [Записка] // Архив фонда «Обретение».
27. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. – М., 1993. – С.166.
28. Стоянович К. Заметки.3.
29. Мельгунов С. Судьба Императора Николая II после отречения. – Париж, 1951. – С.304–305.
30. Там же. – С.346.
31. Яковлев В. Последний рейс Романовых [неопубликованный вариант] // Архив фонда «Обретение».
32. Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и в Екатеринбурге: Из воспоминаний коменданта [невыправленный авторский экземпляр] // Архив фонда «Обретение».
33. К перевозу бывшего царя из Тобольска в Екатеринбург // Известия. – 1918. – 15 мая.
34. Соколов Н. Убийство царской семьи. – М., 1990. – С.61.
35. Там же. – С.67.
36. Там же. – С.70.
- 37-42. ГАРФ. Ф.601. Коллекция документов К.Стояновича.
43. ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.32. Л.118.
44. Яковлев В. Последний рейс Романовых. – С.163–164.
45. СОЦДОО. Ф.41. Оп.1. Д.150.
46. В.И.Ленин: Биографическая хроника. – М., 1974. – Т.5. – С.469.
47. Панкратов В.С. С царем в Тобольске: Из воспоминаний. – М., 1990. – С.17.
48. Там же. – С.27.
49. Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. – М., 1993. – С.92.
50. Соколов Н. Убийство царской семьи. – С.62–63.
- 51-52. Там же. – С.64.
53. Жильяр П. Император Николай II и его семья. – М., 1991. – С.239.
54. Соколов Н. Убийство царской семьи. – С.57.
55. Быков П.М. Последние дни Романовых. – Свердловск, 1990. – С.67.
56. Соколов Н. Убийство царской семьи. – С.58.

57. Быков П.М. Последние дни Романовых. – С.69.
58. Яковлев В. Последний рейс Романовых. – С.158.
59. Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. – С.94.
- 60-61. Яковлев В. Последний рейс Романовых. – С.163.
62. ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.56. Л.10.
63. Там же. – Л.2.
64. Там же. Д.31. Л.7
65. Степанов Н. Н.И.Подвойский // Комиссары. – М., 1986. – С.42.
66. Там же. – С.40.
67. Стоянович К. Заметки. 1.
- 68-69. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922): Сб. документов. – М., 1971. – Т.2.
70. ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.31. Л.12.
71. Там же. Л.10.
- 72-75. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922): Сб. документов. – М., 1971. – Т.2.
76. Яковлев В. Обращение к солдатам Красной Армии // Архив Л.К.Карповой.
Публикуется в настоящем издании.
77. Лешкин Н. Последний рейс Романовых. – С.83; Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. – М., 1987. – С.272; Иоффе Г.З. Комментарий к очерку В.Яковлева // Урал. – 1988. – № 7. – С.165–166; Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. – М., 1992. – С.204; Моисеев А. Баллада о потерянном имени. – С.188.
78. Власов Ю. Огненный крест. – Т.2. – С.18.
79. Там же. – С.303–304.
80. ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.31. Л.104.
Публикуется в настоящем издании.
81. ВЧК-ГПУ / Сост. Ю.Фельштинский. – [N.Y.], 1989. – С.73.
82. Яковлев В. Последний рейс Романовых. – С.150.
83. Власов Ю. Огненный крест. – Т.2. – С.18.
84. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. – М., 1988. – С.208.
85. Скрынник Н.Н. Воспоминания об Ильиче. – М., 1962. – С.72.
86. Комуч // Советский Энциклопедический Словарь. – М., 1980. – С.616.
87. Власов Ю. Огненный крест. – Т.2. – С.457.
88. Рыбченко Т. Пляска святого Витта. – С.255.
89. Стоянович О. Воспоминания о муже – К.А.Стояновиче-Яковлеве – Мячине // Архив Л.К.Карповой.

90. Гибель царской семьи: Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи (август 1918 – февраль 1920) / Сост. Н.Росс. – Frankfurt am Main, 1987. – С.94.
- 90а. Кроль Л.А. За три года. – Владивосток, 1920. – С.101.
91. Харбин // Большая Советская Энциклопедия. – 2-е изд. – Т.46. – С.71.
92. ГАТО. Ф. Р-810. Оп.1. Д.2. Л.393.
93. Жильяр П. Император Николай II и его семья. – С.281–282.
94. Программа РКП(б), принятая на VIII съезде РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. – М., 1953. – Ч.1. – С.409.
95. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т.28. – С.270.
96. Агабеков Г.С. ЧК за работой // Источник: Приложение к журналу «Отечественные архивы». – М., 1992. – Вып.1. – С.154, 167.
97. Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. – М., 1990. – Т.1. – С.175.
- 97а. Стабурова Е.Ю. Анархизм в Китае: 1900–1921. – М., 1983. – С.145–146.
98. Большая Советская Энциклопедия. – 2-е изд. – Т.21. – С.311.
99. Далин С.А. Китайские мемуары. 1921–1927. – М., 1982. – С.44.
100. Там же. – С.104–105.
101. Катунова А.И. В.К.Блюхер в Китае. 1924–1927. – М., 1970. – С.13–14.
102. Там же. – С.19.
103. Вишнякова-Акимова В.В. Два года в восставшем Китае. 1925–1927. – М., 1980. – С.126.
104. Кучумов В. Очерки по истории китайской революции. – М., 1934. – С.127.
105. Вишнякова-Акимова В.В. Два года в восставшем Китае. – С.176.
106. Архив Троцкого. – Т.4. – С.164.
107. Там же. – Т.3. – С.229.
108. История России: XX век / Под ред. Б.Личмана. – Екатеринбург, 1993. – С.169.
109. Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942–1945. – М., 1973. – С.311.
110. Хрущев Н.С. Воспоминания // Вопросы истории. – 1993. – № 9. – С.79.
111. Рыбченко Т. Пляска святого Витта. – С.272–274.
112. Стоянович К. По английским и китайским тюрьмам // Архив Л.К.Карповой.

113. Вердикт Верховного Суда провинции Цзянсу // Архив Л.К.Карповой.
114. *Лешкин Н.* Последний рейс Романовых. – С.88.
115. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. – С.427.
116. *Стоянович К.* Письмо начальнику секретного отдела ОГПУ Андреевой // Архив Л.К.Карповой.
Публикуется в настоящем издании.
117. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. – Ч.3. // Малое собрание сочинений. – М., 1991. – Т.6.
118. *Стоянович К.* Соловецкие слезницы. 1. // Архив Л.К.Карповой.
Публикуется в настоящем издании.
119. *Стоянович К.* Заметки. 11.
120. Там же. 21.
121. Там же. 12.
122. *Стоянович К.* Соловецкие слезницы. 2.
123. Там же. 3.
124. *Хрущев Н.С.* Воспоминания // Вопросы истории. – 1993. – № 3. – С.82.
125. *Стоянович К.* Соловецкие слезницы. 5.
126. Там же. 4.
127. *Стоянович К.* Перечень эпизодов из революционной деятельности периода 1903–1928 гг. Вступление.
128. *Стоянович К.* Письмо боевикам-подпольщикам.
129. *Стоянович К.* Соловецкие слезницы. 8.
130. Там же. 14.
131. Там же. 13.
132. *Шаламов В.* Воскрешение лиственницы. – М., 1989. – С.148.
133. Следственное дело В.Яковлева // Архив ФСК.
134. *Негретов П.И.* В.Г.Короленко: Летопись жизни и творчества 1917–1921. – М., 1990. – С.206.
135. *Лаврин А.* Хроники Харона. – М., 1993. – С.167.
136. *Раскольников М.* Тень быстротечной жизни. – М., 1991. – С.141–148.

**ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ
О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В.В.ЯКОВЛЕВА
(К.А.СТОЯНОВИЧА)**

**Публикация
А.Н.Авдониной, Г.П.Кормиловой**

I

**ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В.В.ЯКОВЛЕВА (К.А.СТОЯНОВИЧА)
1917—1928 гг.**

II

**ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ,
НАПИСАННЫЕ В.В.ЯКОВЛЕВЫМ
(К.А.СТОЯНОВИЧЕМ)
1918—1932 гг.**

III

**ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В.В.ЯКОВЛЕВА ВЕСНОЙ 1918 г.**

**ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В.В.ЯКОВЛЕВА (К.А.СТОЯНОВИЧА)
1917–1928 гг.**

**1 ПРИКАЗ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
КОМИССАРУ В.В.ЯКОВЛЕВУ
О ЗАНЯТИИ ШТАБА ВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ**

[Петроград, 25 октября 1917 г.]

Тов[арищу] комиссару Яковлеву.

Воен[но-] Рев[олюционный] Комитет приказывает Вам немедленно занять центр[альную] станцию Штаба воздушной обороны и принять меры к контролю и распоряжению всеми средствами связи этой станции.

Председатель *Л.Троцкий*
Секретарь *Л.Карахан*

ГАРФ. Ф.601.Оп.2. Д.31. Л.20.

**2 ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С
КОНТРЕВОЛЮЦИЕЙ И САБОТАЖЕМ**

2.1. Заседание комиссии 8.12.17 г.

Председательствует: *Дзержинский*.

Присутствуют члены комиссии: *Яковлев, Жидель, Менжинский, Трифонов, Аверин, Ксенофонов, Петерс, Петерсон, Евсеев и Смирнов* – 11.

Заслушано: О выборах Президиума Комиссии.

Постановили: Избрать Президиум из 5 лиц: Председатель Комиссии и Президиума тов. Дзержинский, товарищами Председателя – Жидель и Яковлев и двух секретарей – Ксенофонтова и Петерса.

Председатель.
Верно: [подпись]

2.2. Заседание комиссии 11.12.17 г.

Председательствует: *Дзержинский*.

Присутствуют члены комиссии: *Ксенофонтов, Фомин, Евсеев, Щукин, Петерс, Аверин и Ильин*.

Заслушано: Обыск в д[оме] № 48 по Каменно-Островскому проспекту.

Постановили: Обыск произвести 12.12.

Заслушано: Об арестах.

Постановили: Т[оварищу] Евсееву поручается арестовать М.Жербина, Ксенофонтову поручается арестовать В.К.Саблера, Дзержинскому и Аверину – У.Потоцкого; Ильину – Добрынина Н.А., Яковлеву – Степанова и т[оварищу] Щукину – фальшивомонетчиков.

Председатель.
Верно: [подпись]

2.3. Заседание комиссии 25/XII – 17 года.

Председательствует: *Дзержинский*.

Присутствуют члены комиссии: *Петерс, Фомин, Полукорытов, Щукин, Евсеев, Ильин, Ксенофонтов*.

Заслушано: О коменданте Арефьеве.

Постановили: За недопустимость поведения Арефьева уволить его, что поручается т[оварищу] Яковлеву. Временно комендантом назначить т[оварища] Малинского. Полукорытову и коменданту поручается выяснить, какие организации живут в д[оме] 2 и почему?

Председатель.
Секретарь Ксенофонтов.
Верно: [подпись]

ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.31. Лл.104, 107, 109.

3 ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЦИК Я.М.СВЕРДЛОВА УРАЛЬСКОМУ ОБЛАСТНОМУ СОВЕТУ О МИССИИ КОМИССАРА В.В.ЯКОВЛЕВА

[Москва], 9 апреля 1918 г.

Дорогие товарищи!

Сегодня по прямому проводу предупреждаю Вас о поездке к Вам пода-
теля, т[оварища] Яковлева.

Мы поручили ему перевезти Николая на Урал. Наше мнение: пока поместить его в Екатеринбурге. Решите сами, устроить ли его в тюрьме или же присмотреть какой-либо особняк. Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите. Задача Яковлева – доставить Нико-

лая в Екатеринбург живым и сдать или Председ[ателю] Белобородову, или Голощекину. Яковлеву даны самые точные и подробные инструкции. Все, что необходимо, сделайте. Сговоритесь о деталях с Яковлевым.

С товар[ищеским] прив[етом]

Я.Свердлов.

ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.33. Л.203.

4 ТЕЛЕГРАММА В.В.ЯКОВЛЕВА И П.В.ГУЗАКОВА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЦИК Я.М.СВЕРДЛОВУ
О ВОЗНИКНОВЕНИИ СЛОЖНОСТЕЙ В ПЕРЕВОЗКЕ
РОМАНОВЫХ

Тюмень, 27 апреля 1918 г.

Только что привез часть багажа. Маршрут хочу изменить по следующим чрезвычайно важным обстоятельствам. Из Екатеринбург[а] в Тобольск до меня прибыли специальные люди для уничтожения багажа. Отряд особого назначения дал отпор, едва не дошло до кровопролития.

Когда я приехал, екатеринбуржцы же дали мне намек, что багаж довозить до места не надо. У меня они также встретили отпор. Я принял ряд мер, и они там вырвать его у меня не решились. Они просили меня, чтобы я не сидел рядом с багажом. Это было прямым предупреждением, что меня могут тоже уничтожить. Я, конечно, преследую цель свою, чтобы доставить все в целости, сел рядом с багажом.

Зная, что все екатеринбургские отряды добиваются одной лишь цели – уничтожить багаж, я вызвал Гузакова с отрядом. Вся дорога от Тобольска до Тюмени охранялась моими отрядами. Не добившись своей цели [ни] в Тобольске, ни в дороге, ни в Тюмени, екатеринбургские отряды решили устроить мне засаду под Екатеринбургом. Они решили, если я им не выдам без боя багажа, то решили перебить нас.

Все это я, а также Гузаков и весь мой отряд знаем из показаний арестованного нами одного из отряда екатеринбуржцев. А также по тем действиям и фактам, с которыми мне пришлось столкнуться.

У Екатеринбурга, за исключением Голощекина, одно желание – покончить во что бы то ни стало с багажом. Четвертая, пятая и шестая рота красноармейцев готовят нам засаду.

Если это расходится с центральным мнением, то безумие везти багаж в Екатеринбург. Гузаков, а также и я, предлагаем все это перевезти в Симский горный округ, где мы его сохраним как от правого крыла, так и от левого. Предлагаю свои услуги в качестве постоянного комиссара по охране багажа вплоть до ликвидации. Заявляю от моего имени, а также от имени Гузакова, что за Екатеринбург мы не ручаемся ни в коем случае.

Отправить туда под охрану тех отрядов, которые добивались одной цели и не могли добиться, ибо я принял достаточно суровые меры – это будет безумие. Я вас предупредил, и теперь решайте – или я сейчас же везу багаж в Симский горный округ, где в горах есть хорошие места, точно нарочно для этого устроенные, или я отправляюсь в Екатеринбург. И за последствия я не ручаюсь. Если багаж попадет в руки [екатеринбуржцев], то он будет уничтожен. Раз они шли на то, что, если придется для этого погубить меня и мой отряд, то, конечно, результат будет один. Итак, отвечай: ехать мне в Екатеринбург, или через Омск в Симский горный округ. Жду ответа. Стою на станции с багажом.

Яковлев, Гузаков.

ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.32.

5 ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ УРАЛЬСКОГО
ОБЛАСТНОГО СОВЕТА А.Г.БЕЛОБОРОВОДА
ОБ ИЗМЕНЕ В.В.ЯКОВЛЕВА

[Екатеринбург], 28 апреля 1918 г.
№ 3507.

28 апреля [с] разъезда 18 Омской [железной] дороги отправился экстренный поезд номер [2] под начальством комиссара Яковлева, конвоирующего бывшего царя Николая Романова. Комиссар Яковлев имел поручение Всероссийского Совнаркома доставить бывшего царя из Тобольска [в] Екатеринбург, сдать его в распоряжение областного Совета Р[абочих,] К[рестьянских и] С[олдатских] депутатов Урала. Согласно письму Председателя ЦИК Свердлова 9 апреля без прямого приказа «Центра» бывший царь не должен был никуда увозиться [в] другое место, мы таких указаний не получали.

Увозя Николая Романова [из] Тобольска, комиссар Яковлев посадил его [в] Тюменский поезд, направив [его] в Екатеринбург, но [на] ближайшем разъезде изменил направление, направил поезд [в] противоположном направлении – [на] восток [к] Омску. Областной Совет рабочих, крестьян, солдат Урала, обсудив поведение комиссара Яковлева, единогласным решением видит [в] нем прямую измену революции, стремление [с] неизвестной целью вывезти бывшего царя [из] пределов революционного Урала вопреки точному письменному указанию Председателя ЦИК, [что] является актом, ставящим комиссара Яковлева вне рядов революционеров. Областной Совет Урала предлагает всем советским революционным организациям, [в] особенности Омскому Совдепу, принять самые решительные экстренные меры включительно [до] применения вооруженной силы для остановки поезда бывшего царя. Комиссар Яковлев имеет [в]

своем распоряжении вооруженную силу до ста человек приблизительно. Комиссар Яковлев должен быть арестован вместе [с] лицами его отряда, которые будут сопротивляться. Весь конвой должен быть заменен новыми [из] надежных вполне людей, арестованные вместе [с] Николаем Романовым должны быть доставлены [в] Екатеринбург, сданы облсовету. Предлагаем не обращать внимание [на] разные документы, которые будет направлять Яковлев [и] на них ссылаться, ибо все его предыдущие шаги бесспорно свидетельствуют [о] преступном замысле, осуществляемом Яковлевым, возможно, по поручению других лиц. Областные Комитеты партий коммунистов-большевиков, левых эсеров и максималистов считают выполнение постановления облсовета обязательным для членов этих партий.

О принятых мерах, а также последствиях просим немедленно телеграфировать [в] Екатеринбург облсовету.

Председатель Уральского
областного Совета рабочих,
крестьянских, солдатских депутатов
Александр Белобородов.

ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.35. Л.5.

6 ТЕЛЕГРАММА УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЦИК Я.М.СВЕРДЛОВУ

[Екатеринбург, 29 апреля 1918 г.]

Москва, ВЦИК, Свердлову.

Областной Совет, обсудив Ваш ответ, констатирует что Президиум ЦИК предпринял ответственное решение, не уведомив предварительно Областной Совет, совершил тем самым акт, явно дискредитирующий Облсовет. Изменяя свое решение, ЦИК преднамеренно или нет, но все-таки третирует Облсовет, ставя нас в невозможное ложное положение. Аннулировать отданные Омску и по всей Сибирской магистрали распоряжение задержать Яковлева мы не можем. Единственным выходом создавшегося положения считаем отдачу Вами распоряжения возвращения поезда [в] Екатеринбург. Ваш ответ и вся история обсуждаются проходящей Областной партийной конференцией.

ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.31. Л.31.

РАСПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ УРАЛЬСКОГО
ОБЛАСТНОГО СОВЕТА А.Г.БЕЛОБОРОДОВА В
ПРИЕМЕ РОМАНОВЫХ ОТ КОМИССАРА
В.В.ЯКОВЛЕВА

Екатеринбург 30 апреля 1918 г.

Расписка*.

1918 г. апреля 30 дня, я, нижеподписавшийся Председатель Уральского Областного Совета Раб[очих,] Кр[естьянских] и Солд[атских] Депутатов Александр Георгиевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Василия Васильевича Яковлева доставленных им из г. Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3) бывшую вел[икую] княгиню** Марию Николаевну Романову для содержания их под стражей в г. Екатеринбург.

А.Белобородов.

Чл[ен] Обл[астного] Исполнительного комитета
Б.Дидковский.

*. Так в тексте

** Ошибка А.Г.Белобородова. Правильно: княжну.

Печатается по публикации: Последние дни Романовых: Документы, материалы следствия, дневники, версии. — Свердловск, 1991. — С.74.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО
СОВЕТА О ДЕЙСТВИЯХ КОМИССАРА
В.В.ЯКОВЛЕВА ПРИ ПЕРЕВОЗКЕ РОМАНОВЫХ ИЗ
ТОБОЛЬСКА В ЕКАТЕРИНБУРГ

[Екатеринбург], 30 апреля 1918 г.

Заслушав объяснения т[оварища] Яковлева и т[оварищей] Гузакова и Авдеева и Заславского, Областной Совет на основании этих сообщений считает действия т[оварища] Яковлева вызванными его нервностью, подозрения и рисующиеся ему заговоры более всего продуктом его преувеличенных опасений и непониманием возложенной на него политической миссии.

Что касается обвинения т[оварища] Яковлева в контрреволюционности и измене революции, то Областной Совет решительно такое обвинение с тов[арища] Яковлева снимает.

Председатель Областного Совета Урала *Белобородов.*
За секретаря *Войков.*

г. Москва, 14 мая 1918 г.
№ 8684.

Предъявитель сего Яковлев назначен командующим против банд Дутова. Все воинские части, отряды и команды должны тов[аришу] Яковлеву подчиняться безусловно. Предписывается тов[аришу] Яковлеву войти в соглашение с Уральскими Областными Советами и, действуя по соглашению с местными Советами, немедленно организовать [в] отряды для самой энергичной борьбы с противником и с контрреволюционными бандами.

Все местные органы власти, Советы, учреждения и отдельные лица обязуются оказывать тов[аришу] Яковлеву самое энергичное, немедленное и совершенное содействие, как в деле получения им всех видов интендантского, инженерного и артиллерийского снабжения, так и в выполнении им чисто оперативных заданий. Тов[ариш] Яковлев подчиняется непосредственно Народному Комиссару по Военным Дела.

Полномочия эти распространяются на все местности, где развивается контрреволюционное движение – на Южном Урале и в Оренбургских степях.

Вышеизложенное подписями с применением печати удостоверяется.

Народный Комиссар по Военным Дела *Л.Троцкий.*

В левом верхнем углу удостоверения
по диагонали **резолуция:**

Ввиду нового назначения настоящий мандат аннулируется.

Нарком *П.Кобозев.*
Секретарь *М.Миронов.*
16/VI – 18 г.

ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.31. Л.7.

ЗАПРОС ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА МАРКОВСКОГО
О ПОИСКАХ ФОТОГРАФИИ В.В.ЯКОВЛЕВА И ОТВЕТ
ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА КОНТРРАЗВЕДКИ
СИБИРСКОЙ АРМИИ*

Красноярск, 6 октября 1919 г.
Второму Генкварверху.

Прошу срочно выслать мне фотографию Яковлева, причастного [к] убийству семьи Романовых именуемую контрразведовательной части
Генлейт *Марковский.*

Омск, октябрь 1919 г.

При сем препровождаю копию фотографическую расписки Белобородова на имя Василия Васильевича Яковлева в принятии доставленной из города Тобольска Царской семьи и сообщая, что фотографии Яковлева не имеется.

Прошу не отказать в сообщении мне имеющих в Вашем распоряжении сведений по делу убийства бывшего Царя и его Августейшей Семьи.

Приложение: расписка за № 1**.

Генерал-майор [.....]

Нач[альни]к отдела контрразведки подполковник [.....]

* Перехвачены Особым отделом ВЧК V Красной Армии.

** См. документ № 7 в настоящем издании.

ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.27. Лл.41, 39.

11 ПРОТОКОЛ ОБЫСКА НА КВАРТИРЕ В.АЛЕКСЕЕВА В УФЕ

1928 г. декабря 6 дня мы, нижеподписавшиеся пом[ощник] начальника ООО ОГПУ Зелинин, уполномоченные Михайлов и Руднев в присутствии понятых гр[аждан] Нургалиева и Мордер, на основании ордера № [...] произвели обыск в кв[артире] Алексеева.

При обыске обнаружено:

1. Копии с документов по перевозке Николая Романова из Тобольска в Екатеринбург с 58 документов на 75 полулистах.

2. «Поездка за Николаем Романовым в Тобольск». Воспоминания Зенцова. Уфим[ский] Окт[ябрьский] сборник № 2, Уфа, 1920 г. Копия на 5 полулистах.

3. «Расстрел семьи Романовых» (о книге Быкова). «Вечерняя Москва» 29/1–20 г., № 22 (630), копия на 6 листах. То же самое на 5 полулистах и 3-й на 5 полулистах.

4. «Как мы перевозили быв[шую] царскую семью». Воспоминания Чудинова, «Красная Башкирия», 5/VI–27 года.

5. Оригиналы документов по перевозке Николая Романова из Тобольска в Екатеринбург на 7 осьмых листа, 74 четв[ертях] листа, 12-ти полулистах и 1 печ[атном] листе. Телеграфная лента к документу № 25, то же № 31 и то же к документу № 38. То же 6 телеграф[ных] бланков к документу № 51 и 52.

6. Копия с телегр[аммы] Косарева на 2-х четвертях [листа].

7. Удостоверение Яковлева от Омского Совета за подписью Косарева.

8. Постановление президиума Облсовета Урала о снятии обвинения с Яковлева за подписью Белобородова от 30/IV–18 года.

9. Копия с документа. Оригинал написан химическим карандашом на обороте 6 телегр[афных] бланков. На первой стр[анице] помещены документы №№ 35 по 40 (с означенных документов сделаны копии от руки и с описью документов на 83 полулистах).

10. Записка о Яковлеве-Мячине В.Алексеева от 3/1-1919 г. Политотделу Кр[асной] Армии в Уфе, оригинал на 22 почтовых листах, к ней копия, отпечатанная на машинке на 27 полулистах.

11. «Анархомаксим[алистское] восстание в Самаре», «Коммуна», Самара, 19/1-28 г. № 115 (-2926).

12. Документы по организации Кр[асной] Армии на Урале на 11 полулистах, написанные карандашом и чернилами. То же на 2 четверт[ях листа].

13. То же на 27 полулистах, отпечатанных на машинке, гектографе и частью типограф[ской] печатью.

14. То же 9 накладных и документов по перевозке оружия.

15. Документы за №№ 364, 368, 367, 63.

16. Письмо Гузакова Яковлеву от 25/1-18 г. и 2-ое 20/VII-17 г.

17. Устав Рабочей Кр[асной] Гвардии.

(перечисленные документы не систематизированы)

18. Полевая книжка Яковлева на 10 заполненных под копируку листах.

19. Разной переписки на 62-х четверт[ях], 8 полулистах (написаны от руки), на 3 четв[ертях] и 31 полулисте, напечатано на машинке.

20. Документы по перевозке хлеба в Петроград на 4 телеграф[ных] бланках.

21. Документы, относящиеся к работе Яковлева в бытность его зам[естителем] комиссара Почты и Телеграфа в Петрограде на 8 полулистах, 4 четвертях.

22. Блокноты Яковлева на 17 листах и на 8 листах.

23. Петроградский листок на 2-х полулистах.

24. Предписание В.И.Ленина Яковлеву о выключении Петроград[ских] телеграф[ных] станций от 5/1-18 года.

25. Приказ Подвойского Яковлеву за № 574 от 9/VI-18 г.

26. То же, предписание Петроград[ского] Воен[ного] отдела за № 1631 от 25 октября 1917 года.

27. То же, приказание Воен[но]-Рев[олюционн]ого К[омитет]а т[оварища] Троцкого Яковлеву о занятии Петрогр[адской] станции воздушн[ой] обороны.

28. Удостоверение Яковлева по организации Кр[асной] Армии за № 209 от 18/..-1918 года Петроград за подписью Когановича.

29. Билет № 35/54 Яковлева на право бесплатного проезда по всем линиям жел[езной] дороги.

30. Пропуск Яковлева в помещение Московск[ой] телеграф[ной] станции за № 27 от 20/XI-17 года за подписью Рыкова.

31. Удостоверение Яковлева о назначении его комиссаром Симского Горного округа за № 2353 от 15/XII-17 г. за подписью Шляпникова.

32. Удостоверение Яковлева ВЧК за № 21 за подписью Дзержинского.

33. Пропуск Яковлеву в Смольный институт за № 2010 от 13/XII-17 г.

34. Удостоверение Яковлева на право реквизиции телеграф[ного] аппарата за № 2895 от 8/XI-17 года за подписью Иоффе.

35. Требование Уфимского Губсовета за № 2363 от 15/II-18 года за подписью Свицерского о военном снаряжении.

36. Требование на билет по жел[езной] дороге Яковлеву за № 965 от 23/IX-17 года за подписью Ярославского.

37. Удостоверение Наркомвоендела о назначении Яковлева командующим Урало-Оренбургским фронтом № 8084 от 14/V-18 года за подписью Троцкого.

38. Личная карточка Яковлева на проезд в Финляндию за № 49604 от .. октября 1917 года.

39. Удостоверение ЦК РСДРП Яковлеву за № 735 от 27/VI-17 года, Петроград, за подписью Стасовой.

40. Удостоверение № 1992 от 1/VII-17 года на право проезда Петроград - Челябинск.

41. Удостоверение Уфгубсовнаркома за № 3359 от 15/III-18 года о назначении его начальником поезда по перевозке хлеба в Петроград

42. Записка Позерна в отдел вооружения о выдаче оружия Уфимской организации от 1/IV-17 года, номера нет.

43. Записка Подвойского за № 560 от 9/VI-18 года и от 9/VII-18 г. за № 576.

44. Членский билет Симсовета за подписью Фотиевой.

45. Записка Троцкого от 25/X-17 года за № 1651 Яковлеву.

46. Записка без подписи в конце № 19089 относительно вооруженного восстания в Петрограде.

47. 30 штук фотокарточек.

48. 7 штук открыток.

49. Заявление Яковлева Генер[альному] Секр[етарю] ЦК ВКП(б) Сталину и нач[альнику] ОГПУ Менжинскому на 5 полулистах от 12/III-1928 года.

50. То же 2-й экземпляр.

51. Копия о письме Яковлева товарищам по подпольной работе от 12/III-28 г.

52. Обвинительный акт Гузакова на 2-х полулистах.

53. Расписки в получении 2000 руб. присяж[ным] поверенным Кашинским.

- 54. Квитанция на получение денег в сумме 50 руб. Яковлевым.
- 55. Положение заводск[ой] контр[ольной] комиссии на 2-х полулистах.
- 56. Разной переписки на 30 полулистах разного формата.
- 57. Удостоверение, записная книжка и пр[очее] на 24 листах разного формата.

Вышеперечисленные документы, за исключением перевозки Романовых, достаточно не систематизированы.

Расписка Белобородова от 1918 г. за № 1 в принятии им семьи Романовых (негатив с расписки).

Опись документов составил: уполномоченный 1-го отделения Башоботдела ОГПУ

Михайлов

6 декабря 1928 года г. Уфа.

ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.31. Л.25.

II

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ НАПИСАННЫЕ В.В.ЯКОВЛЕВЫМ (К.А.СТОЯНОВИЧЕМ) 1918—1932

1

В.В.Яковлев

ОТЧЕТ О ПЕРЕВОЗКЕ РОМАНОВЫХ Из протокола № 35 собрания 1-й и 2-й дружин 3 мая 1918 г.

Я расскажу вам, товарищи, как я перевез Николая Романова из Тобольска в Екатеринбург и сделался изменником революции.

ЦИК решил перевезти Николая Романова из Тобольска, так как не было уверенности, что он оттуда не исчезнет. Местом пребывания Николая Романова ЦИК наметил город Екатеринбург.

Задачу перевозки бывшего царя поручили товарищу Яковлеву.

Захватив отряды боевиков с полномочиями Чрезвычайного комиссара, он поехал в Тобольск.

Но прежде, чем ЦИК решил перевезти в Екатеринбург Николая Романова, две организации: Екатеринбургский областной Совет и Омский Совет пытались по собственному почину взять Николая Романова и отвезти [его] в более безопасное место. С этой целью обе организации почти одновременно послали в Тобольск отряды Красной Армии.

Николай Романов находился под охраной особого отряда, состоящего из наиболее надежных, опытных в боевом деле солдат. Отряд особой охраны имел распоряжение ЦИК не выдавать Николая Романова никому без его разрешения. Кроме того, отряд был научен особой осторожности и осмотрительности провокаторскими попытками некоторых монархических групп. На требование отрядов Красной Армии выдать им Николая Романова отряд особой охраны ответил им категорическим отказом. Атмосфера в городе создавалась самая напряженная. Отряды Омский и Екатеринбургский оспаривали друг у друга права на бывшего царя и в то же время продолжали вымогательства, пускаясь на всевозможные средства.

У отряда особой охраны составилось впечатление, что Николая Романова хотят завоевать, готовились к обороне. Отряды же Красной Армии жаловались правительству Народных Комиссаров на то, что охранники не желают подчиняться Советской власти. За последнее время раздоры чуть не дошли до вооруженного столкновения. Узнав, что [в] Тобольск направляет[ся] еще какой-то отряд, охрана выслала свою делегацию, делегация осветила положение вещей в Тобольске. Приехав в город, тов[ариш] Яковлев предъявил отрядам свои полномочия и потребовал полного подчинения. Ознакомившись на месте с событиями в городе, тов[ариш] Яковлев вынес такое впечатление, что екатеринбуржцы не остановятся перед убийством Николая Романова, подозрение подкрепил разговор с начальником Екатеринбургского отряда Заславским. Узнав о цели приезда тов[ариша] Яковлева, он посоветовал ему в пути подальше держаться от Николая Романова, потому что дорогой может случиться несчастье.

Намерения екатеринбуржцев противоречили поручениям, возложенным на тов[ариша] Яковлева, ясно было, что придется вести борьбу. Тов[ариш] Яковлев принял все меры, чтобы завоевать доверие охраны, расположить их к себе. Благодаря такому приему сила отряда укрепилась. ЦИК поручил тов[аришу] Яковлеву перевезти в Екатеринбург всю семью. Сын Алексей оказался настолько больным, что лежал, не поднимаясь с постели.

Началась распутица, реки разлились, выполнить поручение ЦИК в точности не представлялось возможным, потому тов[ариш] Яковлев решил взять с собой только одного Николая Романова и предложил быть готовым к отъезду в определенный срок. Против ожидания, вместе с Николаем поехали жена и дочь. Отправляясь, Александра Федоровна сказала по-французски: «Я не могу отпустить его одного, он наделает глупостей». Составилось впечатление, что они все еще на что-то надеются. До ближайшей железной дороги пришлось ехать на лошадях, впереди шел екатеринбургский отряд Красной Армии.

За Иртышом тов[ариша] Яковлева встретил Гузаков, он рассказал о своей встрече с Гусятским и о разговоре, который имел место при этом. Гусятский был помощником начальника отряда Красной Армии. Гусятский проболтался Гузакову о намерении убить дорогой Николая Романова. Тогда тов[ариш] Яковлев поручил Гусятскому охрану кортежа от Тобольска до Иевлева с предупреждением, что расстреляет весь отряд, если будет произведен хоть один случайный выстрел. В деревне у реки Тобол, где останавливался отряд для ночевки, к тов[аришу] Яковлеву пришел один красноармеец Екатеринбургского отряда и рассказал о намерении Гусятского напасть на отряд Яковлева и расстрелять его пулеметами вместе с Николаем Романовым. Посадив бывшего царя в поезд в Тюмени, тов[ариш] Яковлев пошел на телеграф и вызвал по прямому проводу

Свердлова, рассказал ему обо всем. Свердлов дал приказ ехать на Омск. В Омске же [не в Омске — в Тобольске — А.А.] скрылся Заславский, он прислал тов[арищу] Яковлеву записку, в которой объяснил причину своего внезапного отъезда тем, что его потребовали явиться немедленно в Екатеринбург.

После отъезда Заславского не оставалось сомнения в том, что он готовил на дороге засаду или крушение. Товарищ Яковлев запросил по прямому проводу Военного комиссара области Голощекина: вызвал ли он Заславского? Голощекин ответил, что надобности вызывать Заславского не было. Желая обмануть екатеринбургских заговорщиков, тов[арищ] Яковлев проехал Тюмень, но на ближайшем разъезде остановился и оттуда поехал обратно в Омск. Как только в Екатеринбурге узнали, что поезд с Николаем отправился обратно, дали срочную телеграмму о задержании комиссара Яковлева, якобы пытавшегося скрыться с бывшим царем. Комиссар Яковлев объявлялся изменником революции. Получив телеграмму Областного Совета, омская организация устроила соответствующую встречу: собрали до двух тысяч боевиков с пулеметами и артиллерией. Столкновений не произошло благодаря предосторожности тов[арища] Яковлева. В Омске тов[арищ] Яковлев снесся по проводу с Свердловым и получил указание ехать с Николаем Романовым в Екатеринбург, чтобы сдать его Областному Совету. После «торжественной» встречи, устроенной омскому поезду с Николаем Романовым, тов[арищ] Яковлев благополучно прибыл в Екатеринбург. Замыслы екатеринбургских заговорщиков были разоблачены окончательно, поэтому они не решились выполнить свой преступный замысел, не выдавая себя с головой.

Николая Романова тов[арищ] Яковлев сдал при торжественной обстановке под расписку председателю Областного Уральского Совета Белобородову.

После доклада со свидетельскими показаниями выступил тов[арищ] Неволин, солдат 4-й сотни Красной Армии, организованной Уральским Областным Советом.

Отряд в 119 человек с пулеметами направился в Тобольск. Говоря о цели поездки, помощник начальника отряда Гусятский сказал, что они живым или мертвым должны представить в Екатеринбург одного человека.

Встретив Яковлева в Тобольске, отряд присоединился к нему для сопровождения в Екатеринбург. Гусятский созвал свой отряд и сообщил о намерениях Яковлева. По его словам, комиссар Яковлев намеревался увезти Николая Романова в Москву, чтобы оттуда отправить за границу. Гусятский предлагал отнять Николая Романова у Яковлева, обезоружить его отряд. С этой целью он предлагал поставить у пулеметов своих красноармейцев. Однако красноармейцы сочли подобный поступок для себя неприемлемым. Тогда был предложен другой план: ехать вперед, устроить

засаду и перестрелять весь поезд. Красноармейцы, в случае расследования происшествия, должны сказать, что вышло недоразумение, что они не знают фамилии начальников, не знают, при какой политической организации сконструирован их отряд. Опять отряд не согласился на предложение начальников.

Тов[ариш] Неволин особенно усиленно указывал на недопустимость этого выступления, на которое склонял отряд Гусятский. В одной из деревень на реке Тобол поезд остановился для ночевки. Тов[ариш] Неволин попал в караул дома, где поместили Николая Романова. При обходе караула Гусятский посоветовал уйти домой спать; я понял, что он боится меня, боится, что я могу раскрыть замысел начальнику Яковлеву, очевидно стало, что Гусятский постарается всеми средствами отделаться навсегда от неприятного и опасного свидетеля. Тов[ариш] Неволин решил из отряда Гусятского бежать. К его счастью, в сторону расположения отряда заехал один боевик из окружающих Яковлева. С ним он переправился в стан Яковлева. Рассказал тов[аришу] Яковлеву о замыслах, объяснил опасность, с этого момента тов[ариш] Неволин находился при отряде Яковлева. С ним приехал в Уфу.

Выслушав доклады товарищей Яковлева и Неволена, собрание выразило одобрение их поступкам и благодарность за доклады долгими и громкими аплодисментами.

ЦГИА Республики Башкортостан. Ф.954. Оп.1. Д.22. Л.103.

2

В.В.Яковлев

ОБРАЩЕНИЕ К СОЛДАТАМ КРАСНОЙ АРМИИ

К Вам обращаюсь я с этим письмом, к Вам, рядовые солдаты, а не к Вашим безответственным руководителям, которые по своему произволу вершат судьбы нашей бедной истерзанной страны.

Знаю я, красноармейцы, что многие из Вас, уже настроенные против меня своими вождями, совсем, может быть, не хотят прочесть этого письма и будут обвинять меня за то, что я изменил свои убеждения и отдался во власть Учредит[ельного] собрания. Но я знаю также, что мой долг, как бывшего Вашего начальника, сказать правду, которая ускользает от Ваших обманутых глаз.

Еще когда я был на советской территории, мне безусловно хотелось кликнуть клич среди Вас, красноармейцы: «Довольно крови, напрасной крови, бессмысленной нам, борьба напрасна, бесполезна».

Но что я мог сделать. Ведь стоило заикнуться о том специфическом насаждении социализма посредством искоренения тех несчастных крестьян и рабочих, для которых собственно и сулят этот социализм — как перед Вами встали бы тени членов Чрезвычайной комиссии для отправки в тюрьму, а затем как высшая награда социализма — расстрел. И все те, с которыми я делился своими мыслями и от них не скрывал своей глубокой грусти по поводу того, что творится в Советской власти, поймут, что если я решился окончательно уйти из лагеря большевиков несколько месяцев тому назад, то на это были глубокие причины, и что я пришел сюда именно в тот момент, когда войска Учред[ительного] собрания отступали от Казани (10 сент[ября]) и Самары (3 окт[ября]), лишний раз подтверждает. Подумайте и Вы, солдаты Красной Армии, над этим и вслушайтесь в то, что я буду говорить Вам. Советская власть, желая перешагнуть через законы, по которым идет развитие народов, и желая дать разом царство земное — социализм, приносит лишь царство небесное всем тем, кто хоть на йоту верит иначе, чем приверженцы Советской власти. Забывши все законы, Советская власть все разрушает на своем пути, губит страну своими опытами.

Развились звериные инстинкты, развилась каста людей, опьяненная этой властью, и вместо лучезарного царства социализма воцаряется грубый произвол наследников царского режима. Вам говорят о скорой победе Советской власти. Это неправда. Советская власть ни в коем случае не будет терпима ни одним из государств, которые окружают ее. Немцы с нею заигрывают только до тех пор, пока могут использовать для своих корыстных целей, да и к тому же они сами накануне окончательного разгрома. А твердое решение союзников покончить с большевизмом Вам должно быть известно.

Советская Россия уже на краю окончательной гибели, и надвигаются еще более черные дни, чем те, что пережиты в это кошмарное время. Народ ропщет, протестует, бьется в предсмертных судорогах, и то там, то тут вспыхивают восстания, берутся за оружие и при первой возможности свергают для них ненавистную власть. Идет ужасная гражданская бойня — жизнь человеческая ценится ни во что, и не осталось на Руси ни одного свободного гражданина, который был бы уверен в завтрашнем дне... И как в последние дни самодержавия перед его падением носились грозные признаки конца народного терпения, так и теперь скоро вспыхнет все против Советской власти, и рухнет она, раздавивши Вас всех своей собственной тяжестью.

Помните, красноармейцы, наступил момент грозный, со всеми губительными для каждого русского человека последствиями, и если не произойдет объединение со сторонниками Учредительного собрания, то наша страна будет окончательно поработана, и погибнут тогда все завоева-

ния Русской революции. Наступил момент, когда каждому нужно задуматься над тем, какая участь готовится нашей растерзанной России. Теперь для России вопрос жизни и смерти. Вы должны сами решить участь Советской России и протянуть руку сторонникам Учредительного собрания. Не бойтесь: она не будет оттолкнута, и всякий, кто бы из Вас захотел открыто и честно заявить об этом, то встретил бы на территории Учредит[ельного] собрания лишь одно полное сочувствие. Вам все время говорят о тех насилиях, которые творятся тут властями Учредит[ельного] собрания. Это неправда. Вы боитесь чехословаков, о которых Вам неустанно твердят, как о врагах Русской революции. Это тоже неправда. Всякий, кто только сталкивался с представителями этой армии, невольно проникался к ним глубоким уважением и убеждался, что они рыцари чести и свободы. Это оплот русской демократии и истинные защитники ее идеалов.

Я знаю, что многие из Вас хотели бы вернуться в свои родные места, откуда бежали Вы, боясь тех расстрелов, о которых Вам неустанно твердят, я знаю, что многие из Вас давно уже сменили свои убеждения и остаются там лишь потому, что боятся жестокой расправы со стороны власти Учредит[ельного] собрания. Военные и гражданские власти Учредит[ельного] собрания уже давно выпустили к Вам воззвание, где заявляют, что все те, кто вернется и открыто и честно заявит о своем переходе, тот вполне может считать себя свободным, и ему не нужно будет бояться за свою неприкосновенность, и не было еще ни одного случая, чтобы власти нарушили данное ими слово.

Вот, солдаты Красной Армии, то, что заставил меня сказать Вам мой долг, долг бывшего Вашего начальника.

Бывший главнокомандующий
большевистским Урало-Оренбургским фронтом

В.Яковлев.

Публикация: Последние дни Романовых: Документы, материалы следствия, дневники, версии. — Свердловск, 1991. — С.40—42.

К.А.Стоянович

**ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(Б)
И.В.СТАЛИНУ И НАЧАЛЬНИКУ ОГПУ В.Р.МЕНЖИНСКОМУ**

Я, Константин Алексеевич Мячин (Стоянович, Яковлев), сын крестьянина села Шарлык, Михайловской волости, Оренбургской губернии, родился в 1886 г. Шести месяцев от рождения лишился отца. До 13 лет жил в селе, затем был отвезен в г. Уфу к отчиму, служившему там приказчиком в магазине Санина. В Уфе первоначально отдали меня в приходскую школу, но окончить эту школу мне не дали и определили меня подмастерьем в часовую мастерскую Войцехова, где я работал около года, затем меня отдали «мальчишкой» в сапожно-шапочную лавку к Лебедеву, где я находился в учении в течение 4-х лет, не получая за свою 12–14-часовую работу в день никакой платы. Через четыре года тяжелой работы я сбежал от хозяина. Это было в 1903 г., когда я познакомился уже с некоторыми революционерами (Николаевская, Прокофьева). Поступив в частную слесарную мастерскую и живя в рабочем районе, я завязал знакомство с рабочими главных мастерских: тов[арищи] Алексакин, Якутов, Олезов, Кривов, Новоселов, Кокарев и друг[ие]. Деятельность боевой организации, ставившей себе основной задачей подготовку вооруженного восстания в стране путем создания прежде всего кадра офицеров–руководителей грядущего восстания, конкретно выливались в организацию дружин по всему Уралу и захвату оружия, средств, типографий и т.д. Мы считали себя в состоянии гражданской войны с правительством, отсюда и ряд боевых выступлений: вооруженное сопротивление казакам 9 января 1905 г., когда в них были брошены бомбы, нападение на артельщиков под Демой (Уфа) и захват 150 тыс. рублей, из которых 25 тысяч выдано на организацию Лондонского партийного съезда, 10 тыс. рублей – на Урал[ьскую] партийную областную конференцию и на эти же деньги был созван съезд военно-боевых организаций в Таммерфорсе (Финляндия), где наша структура боевых организаций и их цели и задачи были приняты как руководство для всей России.

Я лично первоначально как рядовой дружинник принимал участие во всех выступлениях боевой организации. Впоследствии, начиная с 1907 г., когда большинство руководителей Уральских боевых дружин по тем или иным причинам вынуждены были покинуть Урал, руководство боевыми организациями перешло в мое ведение. (Последнее наше выступление в 1909 г. осенью, захват почтовых денег со ст[анции] Миасс в

сумме 80 тыс. руб.). Кроме указанных выступлений, в этот же период времени (1905–1909 гг.) мною проводилась другая работа по организации боевых дружин. Совет Уфимской боевой дружины командировал меня в Катав-Ивановский завод, в Златоуст, в Екатеринбург, где мною были организованы боевые дружины по уфимскому образцу, так как последняя, ввиду наличия военных специалистов в лице бр[атьев] Кадомцевых, считалась образцовой для всего Урала. В этот же период времени я принимал участие в конференциях боевых дружин в Уфе и Златоусте. В 1909 г. после миасской экспроприации, которая предназначалась специально для организации партийной школы, наше боевое бюро в составе т[оварищей] Алексеева, Алексакина, Хрушова, Кривова постановило откомандировать меня в Италию на Капри для переговоров с руководителями партийной школы об организации другой партийной школы для боевиков и партийных работников. В 1910 г. эта школа была организована. В ней принимали участие т[оварищи] Богданов, Луначарский и др. По особой просьбе учеников лекции приезжал читать т[оварищ] Покровский, Менжинский, Троцкий и др. товарищи. По окончании школы боевое бюро, продолжавшее существовать и за границей, постановило отправить меня в Киев, а других – на Урал. В Киев мне удалось пробраться, но так как туда в это время ожидался приезд Романовых, то киевские товарищи посоветовали мне оттуда уехать. Я вернулся в Петроград и оттуда ввиду слежки мне пришлось уехать в Финляндию, в Мустамяки, где я провалился, и мне едва удалось скрыться от окружавшей меня жандармерии. Как теперь выяснилось из жандармских архивов, в Болонской школе были провокаторы, один из которых, кажется под кличкой «Арсений», знал, что я живу в Мустамяках и знал мою фамилию. После побега из Мустамяков финские товарищи отправили меня в Стокгольм, откуда я уехал в Бельгию в Льеж, а затем в Брюссель, где я жил до самой войны вместе с т[оварищем] Немвицким и др. уральцами, состоя все время в заграничной с[оциал]-д[емократической] группе. В Брюсселе я прожил до 1917 г. Работал во Всеобщей Компании Электричества рабочим монтером в течение почти 5-ти лет, о чем имею от этой фирмы соответствующий сертификат. В 1917 г., когда в России вспыхнула революция, немецкие власти разрешили мне выехать в Россию. Я вместе с группой, кажется, человек в 80, в числе которых находился т[оварищ] Попов, Татаринов, Романов и др., через Стокгольм, Торнео, Финляндию приехали в Ленинград [*1]. Вскоре же я приехал к себе на Урал и устроился монтером в Симский завод, где был избран председателем Совета. Ездил в Екатеринбург на съезд уральских Советов. Осенью 1917 г. я был послан от Симского округа делегатом вместе с т[оварищем] Данилой Сулимовым на съезд Советов в Петроград.

Когда начались октябрьские события, военный комитет назначил меня комиссаром телефонных станций, которые несколько раз переходили из рук в руки, в захвате которых я принимал активное участие. В дальнейшем я был назначен в Чрезвычайную комиссию, где работал, правда, недолго, с Дзержинским. Мною был организован небольшой отряд из солдат Выборгского полка, главным образом из телеграфистов, которыми я заменил саботировавших [работу] телефонисток. Впоследствии, когда мне удалось наладить деятельность станции, мой отряд полностью перешел под руководство т[оварища] Успенского в Чрезвычайную комиссию.

Долгие годы нелегальной жизни и безотрадной эмиграции и постоянно кочевая жизнь сильно отразились на моем здоровье, и поэтому после октябрьского переворота я чувствовал себя физически очень усталым — все это вместе взятое заставило меня отказаться от дальнейшего пребывания в Петрограде, я отпросился у т[оварища] Калинина, чтобы он отпустил меня на Урал. Последний дал свое согласие.

Меня назначили военным комиссаром Урала, и в декабре месяце я совместно с т[оварищем] Немвицким уехал в Екатеринбург. По приезде на место выяснилось, что комиссаром Урала уже назначен другой. Начались трения. В конце концов я принужден отказаться и уехать в Уфу, где начал работать в составе Уфимской боевой организации. Уфимский Совет нуждался в оружии и деньгах, а Петроград в хлебе. Совет постановил командировать меня в Петроград с хлебом и дал поручение привезти оттуда оружие и деньги. Когда я выехал, точно не помню, кажется, весной 1918 г. Я повез 40 вагонов хлеба через Екатеринбург и доставил свой состав в Петербург в недельный срок. В пути на нас было несколько нападений, но моему отряду удалось их отбить. В Петербурге мне удалось достать целый состав амуниции, пушек, несколько броневигов, автомобилей, а т[оварищ] Менжинский, будучи народным комиссаром финансов, выдал мне на нужды Уфимского Совета 5 млн. рублей. Кроме того, представитель Госбанка вез в Петроград для своего отделения, кажется, 20 млн. рублей. Всю эту работу мы проделали в течение 10–12 дней и выехали в Москву. Здесь я явился к т[оварищу] Свердлову, знавшему меня по Петербургу. Тов[ариш] Свердлов дал мне секретное поручение перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург. По его распоряжению семья должна быть доставлена в Екатеринбург целой [*2]. Получив специальный мандат от т[оварища] Ленина, я срочно выехал. Сдав оружие и деньги Уфимскому Совету, я выехал исполнять поручение. (Ввиду имеющихся в печати сообщений, неправильно излагавших и освещавших факты, я останавлиюсь подробнее на перевозке Романовых). По приезде в Тобольск я встретил там противодействие со стороны т[оварища] Заславского [*3], который сам хотел вывезти Романовых, но, несмотря на долгое там пребывание, сделать этого не смог. Через несколько дней (4–5, точно

не помню) мне удалось заставить охрану подчиниться мне, и я увез Николая, его жену, дочь и часть прислуги. Заславский срочно выехал в Екатеринбург, оставив инструкции своему отряду меня дальше Иртыша не пропускать.

На полпути из Тобольска в Тюмень меня встретил с остальной частью моего отряда т[оварищ] Гузаков [*4] и сообщил мне, что нужно быть осторожным, ибо на пути в Екатеринбург готовится нападение. Прибыв в Тюмень я бросился к аппарату и вызвал т[оварища] Свердлова. Объяснив ему создавшуюся ситуацию, я просил его дальнейших инструкций. Он дал распоряжение пока направиться в Омск, а сам обещал этим временем вести переговоры с Уральским Советом, чтобы последний помог мне избавиться от грозившей опасности со стороны безответственных отрядов, на которые мог оказать влияние только Екатеринбург. По приезде в Омск я снова вызвал т[оварища] Свердлова к аппарату и получил от него приказание ехать в Екатеринбург, ибо ему удалось договориться с Уральским Советом, и последний обещал принять меры охраны. В Екатеринбурге я сдал Романовых т[оварищу] Белобородову [*5] и получил расписку. Все вышеизложенное я могу подтвердить документальными данными, которые, несомненно, имеются в архивах Тюмени, Омска, Москвы. Кроме того, имеется целый ряд живых свидетелей, как т[оварищи] Галкин, Гузаков, Чудинов, Мыльников и др[угие] тов[арищи] моего отряда, состоящего из 275 человек, более 60% из которых были коммунисты. Из Екатеринбурга я вернулся в Уфу, а оттуда прибыл в Москву с докладом. Тов[арищ] Ленин, т[оварищ] Свердлов мои мероприятия, которые были приняты мною при перевозке, одобрили и меня назначили на Самарский фронт вместе с т[оварищем] Антоновым-Овсеенко и Гузаковым. На фронт выехал без т[оварища] Антонова, которому, как опытному командиру, давалось первенство, но последний по неизвестным для меня причинам в Самару не поехал. Это было для меня губительным. Не будучи даже рядовым солдатом, мне чрезвычайно трудно было вести возложенную на меня ответственную работу, трения с различными командирами отрядов и невыяснения разграничения функций окончательно выбивало из-под ног почву. В конце концов меня сместили. Для меня сейчас очень трудно восстановить всю эпопею наших неудач на фронте. Кажется, мне ничего не удалось сделать, кроме ликвидации анархистского восстания в Самаре. На Самарский фронт был командирован Муравьев, которому мы и сдали все дела и полномочия, а лично я уехал в Уфу. В Уфимском Совете постановили меня назначить военным комиссаром.

Будучи в чрезвычайно угнетенном состоянии, подвергаясь постоянным насмешкам и травле, я не мог больше выносить создавшейся обстановки и просил Совет освободить меня от всякой работы. После долгих моих просьб мне удалось наконец добиться согласия Уфимского Совета осво-

бодить меня от обязанностей военного комиссара, как только закончится эвакуация из Уфы в Бирск, где должна была произойти демобилизация всех отделов. В таком приблизительно духе мне был выдан мандат, копия которого, несомненно, хранится в архивах Уфимского Совета. По прибытии в Бирск, где мои полномочия кончились, я сдал окончательно все дела и уехал в Сарапул. Там я заболел и долго валялся в одной из гостиниц. Тов[арищ] Кривов, прибывший тогда из Перми, навестил меня и принял меры к моему лечению.

В Сарапуле под влиянием пережитого мною болезненного состояния и неумения по-большевистски оценить создавшееся положение, я пришел к убеждению о необходимости перехода на подпольный метод работы и заявил своим товарищам о своем отъезде в Уфу. Это была моя первая ошибка. Будучи совершенно оторван от товарищей, чувствуя себя разбитым физически и морально и загнанным постоянными преследованиями и угрозами, я окончательно потерял голову. В результате мое нелегальное пребывание в Уфе только усилило мое упадочное настроение, и под влиянием его мне показалось, что дальнейшая борьба с учредилловцами приведет лишь к победе реакции, все сильнее укреплявшейся в Сибири. И вот здесь я совершил роковой для себя шаг, обратившись в Учредилковку с письмом о легализации.

Большую также роль в этом моем поступке (который я здесь вовсе не хочу оправдывать, а только пытаюсь объяснить) сыграла личная сторона моей жизни – женитьба.

Действительность вскоре показала, что расчеты на сохранение учредилловцами завоеваний революции, основанные на доверии к революционным заслугам этих лидеров Учредилловки, были именно продуктом моего упадочного настроения и не больше, и я вскоре же понял, что совершил непоправимый шаг, которым вычеркнул почти всю свою 15-летнюю революционную деятельность. Особенно это для меня стало ясно после приезда в Уфу в нелегальной поездке т[оварища] Алексакина, который отказался со мною встречаться. Однако перейти вновь на нелегальное положение я не успел, так как вскоре же был арестован в Уфе. Это было за неделю до эвакуации белыми Уфы в конце 1918 г. Из Уфы меня увезли в Челябинск, где держали в арестантском вагоне, а затем отправили в Омск к Колчаку с двумя чешскими конвоирами. Вместе со мной ехали моя жена и тетка. В Омске меня посадили в чешскую контрразведку. Сибирская контрразведка требовала моей выдачи, но чехи, в лице политического представителя Кошека – или по заговорившей в них человечности под усиленными просьбами моей жены и тетки, или потому, что у них к этому времени достаточно обострились отношения с Сибирским правительством, помогли мне бежать, отпустив под личное поручительство моей жены и тетки. Я бежал в Харбин, куда прибыл в начале 1919 г.

(как выяснилось впоследствии, квартира, на которой я жил некоторое время в Омске, через несколько дней после моего бегства была до основания разгромлена белогвардейцами).

В Харбине под своей фамилией Мячина я поступил на работу в главные [железнодорожные] мастерские. Я не мог оставаться бездеятельным и начал заниматься со своими товарищами рабочими: читал с ними политическую экономию, разъяснял некоторые политические вопросы, вел собеседования и т.д. В Харбине надвигались события, готовилась забастовка против белых, за изгнание Хорвата [*6]. Главная рабочая сила была в мастерских, где я пользовался большой популярностью, и потому, как только вспыхнула забастовка, я открыто выдвинулся во главе рабочих. Первоначально я был только представителем в стачечном комитете от мастерских (забастовка была объявлена по всей дороге и во всем городе всеобщая), затем председателем, когда забастовка потребовала революционных мер, был организован подпольный военно-революционный комитет, председателем которого выбрали меня. Большевицкая организация несколько раз ставила вопрос о моем вступлении в организацию, но я, не имея возможности объяснить причины, все время отказывался, заявляя, что я больше анархист, чем коммунист, ибо сказать истину я не мог, и в то же время считая себя морально не вправе делать этого, хотя линия моего поведения не расходилась нигде и ни в чем. И что я вел выдержанную большевицкую линию, об этом могут засвидетельствовать все организованные харбинские рабочие, которые знают меня также под кличкой «Минер». В конечном счете создалась такая обстановка, что руководство забастовкой не могло находиться в руках лица, не подчиненного организации. Мне было предложено войти в тесный контакт с организацией по руководству забастовкой, ибо в мастерских и по всей дороге я оказался наиболее влиятельным среди рабочих и служащих, а момент был чрезвычайно ответственным. Мне пришлось войти в организацию. Забастовка завершилась победой — белые были сломлены. Хорват изгнан. По окончании забастовки китайские власти начали меня преследовать, и мне пришлось скрываться. Организация выдала мне паспорт на имя Стоянович и отправила меня на работу в Китай. По приезде в Тяньцзинь, я получил от Минскера [*7] известие, что из Владивостока в Шанхай выехал т[оварищ] Войтинский [*8], под руководство которого я должен вступить. С т[оварищем] Войтинским мы встретились в Шанхае. Он командировал меня в Кантон. Это было в 1920 г. Там я вел информационную для него работу и снабжал его сведениями о положении в Кантоне. Затем, впоследствии, когда тов[ариш] Войтинский уехал в Россию, меня назначили заведующим агентством РОСТА. Моим непосредственным начальником был т[овариш] Ходоров [*9].

Моя работа, как заведующего агентством, шла в чрезвычайно тяжелых условиях. Агентством руководил до 1922 г. и затем принужден был уехать в Шанхай, где в 1923 г. т[оварищ] Элleder [*10] был назначен уполномоченным консульством. Меня приняли в качестве его секретаря. Но я проработал там лишь несколько месяцев. Тов[ариш] Бородин [*11], который был назначен в Кантон, при проезде через Шанхай, узнав о том, что я долго работал в Кантоне, знаком с тамошней обстановкой и даже со всеми представителями Южного правительства, потребовал, чтобы я поехал вместе с ним. Меня сняли с секретарства и вместе с т[оварищем] Германом я поехал к Сунь Ят-Сену для предупреждения его о приезде т[оварища] Бородина. Вскоре за ними прибыли Поляк, Терешатов и Черепанов [*12]. В Кантоне т[оварищ] Бородин назначил меня заведующим информационным отделом. С Бородиным я проработал до августа 1924 г. Затем, ввиду постоянных болезней моей семьи, принужден был уехать в Шанхай, где в октябре 1924 г. я был назначен секретарем Дальгосторга, и работал там до 15 июня 1925 г. Одновременно в порядке общественной работы я исполнял обязанности секретарей Чайного Совета, Рыбного Совета, Транспортной комиссии и финансового совещания при уполномоченном Торгпредства СССР в Южном Китае. В конце мая месяца 1925 г. в Шанхае после проверки всех работников была назначена специальная комиссия, которая опрашивала всех сотрудников. Когда мне задали вопросы, поеду ли я в СССР и вступлю ли я в партию, то на оба вопроса я ответил отрицательно. Объяснений я никаких не дал, т[ак] к[ак] считал все время, что о своем двойственном положении я должен говорить только в СССР, куда я рано или поздно обязан вернуться.

В июне 1925 г. Дальгосторг в Шанхае был ликвидирован. Я уехал в Кантон на работу в качестве заведующего складом Нефтесиндиката. Когда я прибыл в Кантон, то т[оварищи] Рогачев, Терешатов, Черепанов и другие товарищи, знавшие меня, как лицо хорошо осведомленное в положении Китая, сняли [меня] с этой работы и опять назначили начальником информационного отдела. Однако работать мне не пришлось. Я заболел южной малярией и слег в больницу, где пробыл около месяца и, выйдя оттуда, не вылечившись, уехал в сентябре в Харбин. Там я поступил в Текстильный синдикат в качестве управделами, где прослужил с 30 октября 1925 г. по 20 февраля 1926 г. В марте того же года я перешел на КВЖД и командирован в Шанхайское коммерческое агентство. Работая в агентстве, я в то же время состоял корреспондентом «Прожектора» и «Тихоокеанской звезды». Начиная с 1920 г. корреспондентская работа меня постоянно увлекала, и она фактически, после рабочего монтера, была уже моя 2-я профессия, поэтому я категорически отказался вернуться обратно в Харбин, когда из управления дороги пришло распоряжение откомандировать меня обратно в Харбин. Меня за это уволили в июне

1927 г. Отказавшись от возвращения в Харбин, я занялся исключительно газетной работой и, совместно с корреспондентом «Советской Сибири» Голяновским, организовал информационное бюро советско-китайских журналистов. Сокращенно: КИТСОВЖУР. Мы начали снабжать своей информацией до 20 советских газет. Вскоре английская полиция произвела у нас обыск и отобрала у нас все наши корреспонденции, переписку и фотографии.

Через 2 недели после обыска нас английская полиция арестовала и передала в Миксдорф (смешанный суд), который постановил передать нас китайскому военно-полевому суду за корреспонденцию против национального правительства и Чан Кай-Ши, обвинив нас в распространении коммунистической пропаганды. За нас вступился т[оварищ] Козловский, и ему удалось добиться от китайских военных властей отказаться от их требования. После этого нас передали китайскому гражданскому суду и увезли нас в Суджоу, где после усиленных хлопот нашего консула, т[оварища] Козловского, нас через несколько месяцев освободили и отпустили на поруки. Вернувшись из тюрьмы, я первое время работал по разгрузке всевозможных грузов Совторгфлота и Торгпредства, а затем, когда на Консульство было совершено нападение и потребовалась внутренняя охрана, я был принят Торгпредством в охрану и находился там до последнего момента, когда Торгпредство выехало во Владивосток. Вскоре после этого я уехал в Дайрен и оттуда в Харбин. Будучи еще в китайской тюрьме, я окончательно решил вернуться в СССР, чтобы покончить со своим двойственным положением, из-за которого я долгие годы переживал мучительные моральные пытки.

15 марта 1928 г.

Подпись: *Стоянович (Мячин-Яковлев).*

Список товарищей, могущих подтвердить все выше мной изложенное
По подпольной работе:

т[оварищи] Кривов, Немвицкий, Брюханов, Алексакин, Кокарев, Ермолаев, Новоселов, Алексеев, Горелов, Кадомцев, Артамонов, Данила Сулимов, Гузаков, Олезов, Чудинов, Салов, Андреев, Лебедев и др[угие] товарищи, о которых сообщу дополнительно.

По эмиграции в Болонской школе:

т[оварищи] Луначарский, Богданов, Покровский, Павлович, Менжинский, Вольский, Немвицкий, Кривов, Лядов, Маслов, Попов и многие другие.

По Октябрьскому перевороту:

т[оварищи] Луначарский, Лашевич, Довгалецкий, Антонов, Успенский, Менжинский, Мануйльский, Эльцки, Троцкий, Галкин и др., о которых сообщу дополнительно.

По работе в Китае:

Харбин – т[оварищи] Минскер, Сугаг, Беркович, Абрамсон, Хохловкин, Пишалов, Смирнов, Кудрявцев и др[угие] товарищи, о которых сообщу дополнительно.

Шанхай – т[оварищи] Ходоров, Зельманович, Огарев, Войтинский, Вильде, Сорокин, Козловский, Зайде, Черкасов, Новицкий, Горбатюк, Плоткин, Элледер и др.

Кантон – т[оварищи] Бородин, Герман, Поляк, Терещатов, Черепанов, Рогачев, Сохновский, Реми, Жилко, Степанов, Комми и другие товарищи, о которых сообщу дополнительно.

15 марта 1928 г.

К. Стоянович.

- *1. Правильно: Петроград.
- *2. Не целой, а живой. Яковлев доставил в Екатеринбург часть семьи: Николая II, Александру Федоровну и их дочь Марию с некоторой прислугой.
- *3. Заславский С.С. – представитель Уралсовета в г. Тобольске.
- *4. Гузаков П. – подпольщик-боевик, участник перевозки Романовых из Тобольска в Екатеринбург.
- *5. Белобородов А.Г. – председатель Уралсовета в 1918 г.
- *6. Хорват Д.Л. – управляющий Китайской Восточной железной дорогой до 1920 года.
- *7. Минцкер Я.Г. – журналист, командированный Приморским комитетом РКП(б) в Харбин.
- *8. Войтинский Г.Н. – представитель Коминтерна.
- *9. Ходоров – руководитель Дальневосточного Телеграфного Агентства.
- *10. Элледер – советский консул в Шанхае (1923 г.).
- *11. Бородин М.М. – советский политический советник Сунь Ятсена.
- *12. Военные советники Бородина М.М.

СОЦДОО. Ф.221. Оп.2. Д.964. Л.102–113.

К.А.Стоянович

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КНИГИ О ПЕРЕВОЗКЕ РОМАНОВЫХ ИЗ ТОБОЛЬСКА В ЕКАТЕРИНБУРГ

1. Схематический план рукописи

1. Телеграмма Дидковского, Логинов – Ершов. Назаров. Заславскому, Хохряков. № 1.

2. Записка Заславского от 24 апреля о своем отъезде в Екатеринбург. Отряд под рук[оводством] Щетина (уральский отр[яд]) и т[оварища] Проминова (Омск[ий] отр[яд]). № 2.

3. Телегр[амма] Гузакова из Челябинска: хотел вернуться обратно, ввиду саботажа железнодорожников. № 3.

4. В Тюмень из Тобольска. Задержка всех отрядов. Прибыл камышловский отряд в 140 человек.

5. Ст[анция] Барки 20 челов[ек], ст[анция] Дубровино 10 челов[ек], станция Покровская 5 человек. Приготовить дом на 50 человек. 10 тарантасов и 10 верховых лошадей. Оставлено на станциях по 2 человека.

6. Относительно вагона. Телеграмма Невского за № 809 от 19/4 (ответ Андреева).

10. О вагоне. Комиссар Клишевич. Пред[седатель] Сов[ета] Тюмени Немцев.

11. С воскресенья готовить вагон, отцепить от поезда, иметь наготове пассажирский паровоз. Весь поезд привести в порядок, отряд в боевую готовность. 26.4.18.

12. Клишевичу очистить вагон первого класса, во время следования вести тщательные дежурства.

13. Начальником отряда для тобольского тракта (?) был Чирухин.

14. Отряд 46 отправляется 8 ч[асов] 30 м[инут]. Тюменский Совдеп выдал 3500 руб[лей]. Остальные 98 человек отправлены в Камышлов.

15. План конного следования в Тобольск. Тюмень на телеграфе Салин и Клишевич. На станции поезд под охраной 10 челов[ек]. Начальник Куренков [...] следящий за технической исправностью. За 20 часов из Т[юмени] отъезжает отряд кавалеристов в 17 челов[ек] с Зенцовым. На станциях оставлять по 2 кавалериста для подготовки отряду подвод, для связи с Зенцовым следует телеграфист.

16. 20 апреля. Бачалино. Разговор по [проводу] выехали делегаты Илья Киреев и Михаил Красавин. [телеграмма] вторая[?] Карачино. Не доходя до Тобольска отряды между собой [могут] подражаться.

17. Заседание комитета особой охраны бывшего царя в расширенном составе с представителями от входящих в отряд частей, представителями командного состава, коменданта охраны и чрезвычайного [комиссара]. 22 апреля. пред[седатель] Матвеев. [Выступали] Дуцман представитель Тобольска, затем Демьянов, за ним Заславский. Все требовали выдачи царя. После отказа дали срок 36 часов, после чего собрались выступить в бой. Лукин приехал из Москвы и предупредил, что едет Яковлев и была телеграмма ВЦИКа об этом. Охрана сидит без денег. Обещаны суточные по три рубля сверх всякого довольствия. Военком выплатил до 1 января – больше нет. Не выплачивается и жалование, жалование по званию и за кресты. О недополученном обмундировании послано требование в военно-промышленный комитет. Предложил всем вступить в армию.

18. Общее собрание охраны. 22-го вечером приглашены Заславский и члены Тобольского исполкома. Заславский свалил все на Демьянова. Ультиматум предъявлял не он, а Демьянов. Дектярев: член исполкома сделал заявление, что они не собирались нападать на охрану.

19. Осмотр дома «Свободы» 23 апреля: Татищев, Долгоруков, Шнейдер, Гиббс, Гендрикова, Жильяр, Демидова. Список лиц: камердинеры, лакеи, комнатные девушки, повара, дворники, кухонные и буфетные работники.

20. Осмотр 25 апреля. Беседа по поводу отъезда: 26 утром в 4 часа должны выехать. Отъезд 26 утром. до 7 пар подано в дом. Река. Тобольск (председатель Хохряков, секретарь Дуцман.) Беседа с Романовыми об отъезде.

21. Заявление рабочего Пермской губернии Александровского завода Неволина Александра Ивановича.

24. Неволин Александр Иванович член Красной Армии в Екатеринбурге. В 4-й сотне рабочий помощник начальника штаба Гусятский. Я обогнал отряд Гусятского. Собрание в Тобольске. Скосить меня вместе с Романовым из пулеметов по дороге из Тобольска на Тюмень. Гусятский, Богданов, Пономарев

25. Телеграмм[а] Чирухину: «Тюмень Квартиры Барки, Дубровино, Усолка. Отряд Иевлево. Проезжать буду пятница, воскресенье».

26. Телеграмма Голошкеина Хохрякову 21.VI. «Посылаю Гузакова, общая численность войск тысяча человек. Всему городу: за неисполнение распоря[жений] Яковлева разнесу город».

27–28. Телеграмма Голошкеину, Дидковскому. «Хотят меня разоружить – примите меры, Заславский удрал, выезжаю из Иевлево».

29. Переговоры с Голощекиным. Заславский бежал подготовить против меня под Екатеринбург 5 и 6 роты для нападения на поезд. Мне кажется, Вас обманывают – усмешки при упоминании о Вас. Разговор из Тюмени.

Телеграмма Голощекину. «Ваши люди во главе с Заславским хотят попытаться нас обезоружить, чтобы захватить наш багаж. Примите меры или будет кровопролитие».

31. Дана телеграмма из Иевлева: «Приведи в боевой порядок отряд Гузаков». Председателя Немцева пригласил в Барки – разговор из Иевлева.

32. Телеграмма из Иевлева – готовь отряд и поезд – к отъезду завтра воскресенье

33–34. Запрос Свердлова о маршруте. Мои переговоры из Тюмени с Кремлем. Ленты.

36. Телеграмма Голощекина, Дидковского они должны мне подчиниться

51. Телеграмма Свердлова предупреждение Белобородова, Косарева. «[Яковлеву] полное доверие, считаться только со мной».

42. Распоряжение Свердлова: «Поезжай Омск. Явись к Косареву, вези все конспиративно. Дальнейшие указания дам Омск».

44. Переговоры с Москвой из Омска. Свердлов: «Немедленно двигай обратно. Дали гарантии личной ответственности».

42. Телеграмма из Екатеринбурга за подписью Белобородова от 28 апреля. Результате переговоров [с Москвой установлено]: Як[овлев] действует только по распоряжению Всероссий[ского] ЦИКа.

41. Телеграмма Белобородова. 28.4.

38. Удостоверение Косарева, выданное мне в Омске.

34. Переговоры по телеграфу из Тюмени.

[Далее повторяются фрагменты пунктов 34, 31, 25, 21, 20, 19, 18, 17. Нумерация отдельных пунктов плана не упорядочена.]

Рукопись без даты. Предположительно: июнь–июль 1928 г.

Архив фонда "Обречение". Подлинник

2. Перечень необходимых документов и материалов.

1. Полный и подробный список всех участников перевозки.

2. Фотографии главных действующих лиц: Гузакова Петра, Чудинова, Зенцова, Мыльникова, Куренкова, Галкина, Фадеева, Ушакова.

3. Фотографии председателя Тобольского Совета Хохрякова, Заславского, Гусяцкого, Немцева – председателя Тюменского Совета, Ушакова.

4. Карта Тобольской губернии.

5. Фотография тобольского «Дома Свободы» – бывшего губернаторского. Дома охраны.

6. Полный список отряда охраны Романовых и членов их комитета.

7. Копии телеграмм т[оварища] Невского о поезде специального назначения.

8. Копия мандата, выданного мне за подписью Ленина, Свердлова и Аванес[ов]а.

9. Фотографию с картины момента передачи Романовых в Екатеринбург.

10. Книга Быкова «Последние дни Романовых» и статья Авдеева в «Красной Ниве» от 1928 г. июнь месяц.

11. Записи Зенцова, Касьяна.

12. Копия протокола заседания Уральского Совета в день моего привоза Романовых.

13. Воспоминания: Галкина, Мыльников, Гузакова, Фадеева, Куренкова, Якова Ушакова.

14. Фотография Ипатьевского дома.

15. Воспоминания Голощекина.

16. Копия постановления Совнаркома о моем командировании в Тобольск.

17. Копия протокола заседания съезда уфимских боевиков, на котором я делал доклад о перевозке.

18. Копия показания о готовящемся на меня нападении. Неволин Александр Иванович.

19. Мое интервью с журналистом «Известий» в момент приезда с докладом в Москву.

20. План города Тобольска.

21. Маршрут дороги Тобольск – Тюмень. Названия главных сел и деревень, где были остановки.

22. Фотографии стоянок сел и деревень.

23. Взять справку у Петра – когда он выехал из Сима и каков был его отряд.

24. Войти в переписку с главными участниками перевозки: Галкиным, Гузаковым и др.

25. Отыскать в Тюмени все копии телеграмм, посылаемых мною в Тобольск.

26. Газета тобольского периода, апрель–май 1918 г.

27. Установить точно, какие отряды и под чьим командованием находились в Тобольске.

28. Газеты омские, тюменские и екатеринбургские периода апр[ель] – май 1918 г.

29. Установить фамилию н[ачальни]ка станции Тюмень, отправлявшего наш поезд.

30. Установить фамилии ямщиков, участвовавших в перевозке.

31. Выяснить всех представителей Екатеринбурга и Омска, находившихся тогда в Тобольске.

32. Копию мандата, выданного мне за подписью т[оварища] Ленина, как пред[седателя] Совнаркома, Свердлова, как пред[седателя] ВЦИКа и Аванесова, как секретаря.

33. Установить, кому сданы мои отчеты на израсходованные по перевозке суммы.

Рукопись без даты:

Архив Л.К.Карповой.

5

К.А.Стойнович

ПЕРЕЧЕНЬ ЭПИЗОДОВ ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРИОДА 1903–1928 гг.

Вступление

Прошло уже двадцать пять лет с момента моего вступления в партию. И все, совершенное мною на протяжении этого периода революционной борьбы, я считал необходимым долгом перед партией и меньше всего думал о том, чтобы заняться когда-либо описанием своей простой жизни революционера, каких много знает наша партийная история.

К великому моему удивлению, некоторые лица, так или иначе причастные к революционному движению, воспользовались моим отсутствием в СССР, в своих записках и мемуарах уделили значительное место моей работе с целью очернить меня их нелепейшими баснями и инсинуациями о моих преступлениях.

Это заставляет меня взяться за перо и написать правдивую, на документах обоснованную историю моей жизни.

В настоящем перечне, начиная с 1903–04 гг., я шаг за шагом восстанавливаю все наиболее яркие эпизоды революционных событий, в которых принимал активное участие.

Многим партийцам, не знавшим моей жизни, мое заключение в концлагере кажется естественным результатом предпринятых против меня этими лицами [?] в печати выступлений, носящих в значительной степени явно противоречивый действительности и бессмысленный характер.

Между тем я осужден не по клевете, а за один ошибочный эпизод своей жизни, за переход к учредиловцам, мотивы которого, заставившие меня совершить этот акт, будут своевременно и подробно освещены мною при первой же возможности.

В ответ же своим клеветникам я противопоставляю это простое описание моей жизни, о которой я с гордостью могу сказать: Да, я провел бурную, полную опасностей жизнь боевика-революционера, и мне есть чем гордиться перед пролетарскими массами.

Пусть скажут мои клеветники, какие их заслуги перед революцией?!

Яковлев (Стоянович-Мячин)

28 июня 1931 г. Соловецкий лагерь.

[Перечень эпизодов]

1. Первое знакомство с революционерами. Разброска прокламаций. 1903 г.
2. Вступление в революционный кружок Прокофьевой – Николаевской. Чтение революц[ионной] литературы. Лекции.
3. Связь с рабочими ж[елезно]-д[орожных] мастерских: Алексакин, Мыльников, Хаустов, Трясоногов и др. 1904 г.
4. Участие в организации дружины по борьбе с черной сотней. 1905 г.
5. Перевозка бомб с дачи «Золотое Место» в город.
6. Охрана митингов, собраний, нелегальных квартир и т.д. 1905 г.
7. Участие в совещании, кому метать в казаков бомбы. Жребий пал на меня.
8. Сражение с казаками в Уфе у ж[елезно]-д[орожных] мастерских. 9 декабря 1905 г. Метание бомб.
9. Попытка бросить бомбу в полицмейстера. 1905 г.
10. Подготовка к взрыву казарм с казаками и солдатами.
11. Метание бомбы в квартиру руководителя черносотенцев. 1906 г.
12. Захват токарного станка в уфимских ж[елезно]-д[орожных] мастерских для изготовления оболочек для бомб.
13. Экспроприация шрифта в типографии Зайцева. Взято несколько пудов шрифта и краска для организации нелегальной типографии.
14. Бросание бомбы в помещение общежития охранников. 1907 г.
15. Нападение на типографию Соловьева. Взят весь готовый набор газеты.
16. Организация боевой дружины в Екатеринбурге. Снабжение оружием, военной литературой и т.д.
17. Попытка нападения на губернскую типографию. Большая военная охрана. Отступление. 1907 г.
18. Организация боевой дружины в Златоусте. Военная муштровка, лекции о гражданской войне, саперные и строевые занятия и т. д.

19. Конференция боевых организаций на Урале – Александровская сопка. Жандармы. Бегство с документами.

20. Организация боевых дружин на уральских заводах: Симский, Миньярский, Катав-Ивановский и др.

21. Захват оружия в винном складе: 95 браунингов и 10000 патронов. 1907 г.

22. Нападение на динамитный склад в Катав-Ивановском заводе. Забрано несколько пудов динамита, пироксилина и капсюлей гремучей ртути.

23. Первое неудачное (благодаря моей оплошности) нападение на поезд. Отступление.

24. Второе нападение на почтовый поезд. Взято 25000 рублей. 1907 г.

25. Разведка на самарских артельщиков.

26. Перевозка динамита в Уфу на паровозе с машинистом тов[арищем] Трегубовым. 1907 г.

27. Демская экспроприация. Нападение на самарских артельщиков. Взято около 200000 руб. Перестрелка длилась несколько часов.

28. Литье бомб, заготовка взрывчатых веществ, капсюлей для зарядки бомб. Учебные занятия: метание бомб, обращение с динамитом, пироксилином, саперные и строевые занятия и т.д.

29. Подготовка побега из тюрьмы Михаила Гузакова. Передача в тюрьму 3 браунингов, ядовитых веществ. Отказ Гузакова от побега. Казнь Гузакова.

30. Выручка товарищей от безрассудного нападения на казначейство в Миассе. Подготовка захвата почты.

31. Первая миасская экспроприация. Нападение на почту. Взято 40000 руб. Взрывом убиты лошади, ранены чиновники, разбиты казаки. 1908 г.

32. Попытка освобождения Кадомцева Михаила. Затрачено 10000 руб. 1908 г.

33. Поездка в Швейцарию на совещание боевиков. 1908 г. В Женеве находились: Алексеев В[ладимир], Кадомцев Иван, Хрущов и др.

34. Возвращение на Урал. Организационная подготовка второй миасской экспроприации. На станции Миасс. 1909 г.

35. Совещание боевиков на Магнитной горе. Реорганизация. Создание военного совета из 5-ти лиц.

36. Переписка с тюрьмой (Галановым) по поводу палача Уварова. Приговор приведен в исполнение т[оварищами] Ермолаевым и Василием Ивановичем.

37. Вторая миасская экспроприация. Взято 95000 руб. Убитых и раненых со стороны противника 18 человек.[*1]. Из 17 боевиков ранен один. 1909 г.

38. Предательство. Разгром организации. Аресты. Впоследствии семь человек были приговорены к смертной казни.

39. Совещание в Уфе после экспроприации на даче «Золотое Место». 1909 г.

40. Подтверждение военного совета на взятые деньги организовать партийную школу. Моя командировка за границу на Капри к Максиму Горькому.

41. Самарская перестрелка с жандармами 1909. Сентябрь.

42. Путешествие от Самары до Капри.

43. Каприйская школа. Моя жизнь у Горького.

44. Переговоры с группой «Вперед», с Горьким.

45. Концентрация оставшихся после провала боевиков в Бельгии.

46. Разрыв с Кадомцевыми, бывшими руководителями (1905–1907) боевых организаций.

47. Переговоры с Горьким об организации протеста общественного мнения против суда над боевиками в Челябинске.

48. Командирование с Капри в Питер по соглашению с Горьким его друга [пропущена фамилия – А.А.] для организации защиты боевиков в военно-полевом суде в Челябинске.

49. Организация Болонской школы (партийной). Стягивание учеников с Урала, Москвы, Питера и др[угих] районов.

50. Жизнь в Франко-вилле Альмаре (Италия) совместно с т[оварищами] Луначарским, Лядовым. Партийные занятия. Боевики: Гузаков, Кривов, Хрущов, Яковлев.

51. Приезд Красина Л.Б. Беседы с ним о боевых организациях. Наметка новых выступлений.

52. Открытие Болонской школы. Занятия. Приезд: Троцкого, Коллонтай, Менжинского, Маслова, Богданова, Покровского, Луначарского и др[угих] лидеров партии.

53. Поездка к Горькому. Приглашение в школу. Его отказ.

54. Редактирование партийной газеты в школе.

55. Преследование в Болонье русскими охранниками. Помощь итальянских революционеров.

56. Поездка всей школы в Париж к тов[арищу] Ленину.

57. Встреча в Париже с Даном, Мартовым и др[угими] лидерами меньшевиков.

58. Постановление боевой организации захватить киевское казначейство. Моя командировка в Киев. Цель – создание новых партшкол.

59. Встреча в Берлине с Каутским у него на квартире в присутствии т[оварища] Коллонтай.

60. Возвращение в Россию через Швецию и Финляндию. 1910 г.

61. Встреча по явкам, данных тов[арищем] Коллонтай, с финляндскими с[оциал]-д[емократами], членами сейма. Посещение сейма.

62. Приезд в Питер. Паника среди [...] Преследование охранниками. Бегство в Финляндию – Мустамяки.

63. Поездка из Финляндии через Валаамский монастырь в Киев. Разведка в Киеве.

64. Подготовка охранниками встречи в Киеве царя. Нарушение наших планов. Возвращение в Финляндию.

65. Выдача конспиративной квартиры предателем. Преследование охранниками.

66. Перестрелка в Мустамяках (Финляндия) с жандармами и охранниками. Бегство на север Финляндии.

67. Возвращение в Бельгию через Швецию и Германию нелегально. Преследование шпионами в Германии.

68. Жизнь эмигрантом в Брюсселе с 1911 по 1917 г. Приобретение квалификации электромонтера. Работа на заводах Всеобщей Компании Электричества в течение 5 лет.

69. Участие в работе профсоюзных организаций. Секретарь рабочего союза. Работа в парторганизации большевиков.

70. Интернирование немцами.

71. Возвращение в 1917 г. в Петроград через Стокгольм, Торнео.

72. Встреча со старыми товарищами партийцами в доме Кшесинской.

73. Партийная командировка. Возвращение на Урал.

74. Встреча со старыми боевиками. Портретная галерея боевиков.

75. Работа в Симском заводе. Избрание председателем Симского Совета и парторганизации.

76. Делегирование на съезд уральских Советов в Екатеринбург. Товарищ председателя съезда. Председатель Сосновский.

77. Делегирование на ленинградское Демократическое Собрание и на II Всероссийский съезд Советов совместно с товарищем Сулимовым Данилой.

78. Поездка по поручению товарища Свердлова в Гельсингфорс и Торнео на предмет организации переправки оружия.

79. Перевозка оружия из Сестрорецкого завода.

80. Активное участие в Октябрьском перевороте.

81. Коммунистическая фракция съезда Советов назначает комиссаром всех телеграфных и телефонных станций.

82. Захват с отрядом матросов главной телефонной станции на Мойке, через Петроград верхом на пушке.

83. Встреча с Джон Ридом.

84. Атака юнкеров на телефонную станцию. Разоружение юнкеров, отправка в Кронштадт.

85. Организация специальной ударной группы слухачей из свеаборжской телеграфной роты для замены забастовавших телефонисток.

86. Уничтожение винных погребов.

87. Арест Викжельдора, произведенный мною по распоряжению Совнаркома.

88. Постановлением Совнаркома выделена пятерка по организации ВЧК в составе: Дзержинского, Ксенофонтова, Ильина, Петерса и Яковлева (Стоянович). На организационном совещании избран первым заместителем председателя.

89. Арест собрания учредителей.

90. Выключение всей телефонной сети в момент разгона учредителей – по личному распоряжению т[оварища] Ленина.

91. Вызов т[оварищем] Лениным в Смольный и встречи с ним.

92. Участие в совещаниях по реорганизации Красной Армии. На совещаниях присутствовали: Подвойский, Крыленко, Антонов, Мехоношин, Склянский и др.

93. Встречи с т[оварищами] Троцким, Луначарским, Менжинским, Позерн, Гусевым, Лашевичем, Урицким, Бонч-Бруевичем, Каменевым, Зиновьевым, Крыленко и многими другими активными участниками переговоров.

94. Переговоры с т[оварищем] Караханом по телеграфному аппарату Петроград – Брест-Литовск.

95. Участие в совещаниях коллегии почт и телеграфов под председательством Глебова-Авилова.

96. Поездка в Москву за телефонистками для Петроградской телефонной станции. Прибыло 30 телефонисток. Размещены в гостинице «Астория».

97. Командирование на Урал в качестве военного комиссара.

98. Возвращение в Уфу. Совещание у Кадомцева всех старых боевиков.

99. Перевозка в Питер 40 вагонов хлеба. Столкновения и перестрелки в пути с самостийными отрядами. Телеграммы Троцкому, Свердлову.

100. Нагрузка состава пушками, броневиками, автомобилями, ружьями, амуницией и обмундированием для отправки на Урал против Дутова.

101. Получение от т[оварища] Менжинского 5 миллионов руб. для нужд Красной гвардии под мою личную ответственность.

102. Перевозка 25 миллионов руб. из Петрограда в Уфимский банк.

103. Вызов тов[арищем] Свердловым в Москву. Поручение Совнаркома и ВЦИКа перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург.

104. Поезд специального назначения.

105. Срочная организация тобольской экспедиции.

106. Перевозка быв[шего] царя Романова из Тобольска в Екатеринбург.

107. Возвращение в Москву с докладом. Интервью журналисту «Известий».

108. Назначение командующим Самаро-Оренбургским фронтом.

109. Разоружение самостийных отрядов. Поездка в Оренбург. Смещение мною Блюхера. Взрывы ж[елезно]-д[орожного] пути казаками. Сожженные станции.

110. Подавление восстания анархистов-матросов в Самаре. Разоружение и арест матросов. Отправка их в Москву.

111. Разгон самарского губисполкома и созыв Советов.

112. Мои распоряжения взорвать самарский ж[елезно]-д[орожный] мост и ж[елезно]-д[орожную] линию. Отмена моих распоряжений Подвойским.

113. Отправка оружия (два вагона) в Симский округ для нужд партизанщины.

114. Отсутствие армии. Напор чехословаков. Отступление в Уфу. Трения с Подвойским, Кобозевым, уральцами.

115. Назначение вместо меня командующим Муравьева. Приезд тройки: Кобозев, Благонравов, Муравьев.

116. Отказ от командования Уфимским фронтом, отступление из Уфы в Сарапул.

117. Сарапульское совещание боевиков перед моим отъездом в тыл противника.

118. Переход на подпольную работу. Отъезд в Уфу через фронтовой ад.

119. Нелегальная жизнь в Уфе в доме Василия Горелова.

120. Разведка в Уфимском [подполье]. Сведения о катастрофе со [складом] оружия в Симском округе.

121. Разработка плана удара по противнику в тыл.

122. Переход к учредилцам. [Возз]вание. Получение документов. Допрос в контрразведке.

123. Отправка под конвоем на допрос в главный штаб в Челябинск.

124. Арест колчаковцами. В застенках уфимской контрразведки. Требование денег. Угроза расстрелом.

125. Отправка под усиленным конвоем в Челябинск. Передача меня чехам. Отправка в Омск к Колчаку. Передача меня в чешский штаб. Чешская контрразведка – кадетский корпус.

126. Требование Красильникова моей выдачи.

127.хлопоты жены перед Кошеком. Бегство в Китай при помощи Кошека.

128. Путешествие через белогвардейскую зону Омск – Харбин. 1919 г.

129. Работа на маньчжурской мельнице. Неудачная забастовка. Увольнение с работы. 1920 г.

130. Механическая мастерская, парторганизация. Подпольная организация. Занятия с рабочими кружками. Профработа.

131. Всеобщая забастовка КВЖД. Председатель стачечного комитета и военно-революционного комитета. 1921 г.

132. Организация боевой дружины и ее деятельность: добыча оружия, денег.

133. Встречи с Минскером, Хайтом, Пумпянским, Смирновым, Абрам[сон]ом, Пищаловым и др. восточными работниками – лидерами харбинских организаций.

134. Преследование китайскими властями. Перемена паспорта.

135. Командирование парторганизацией под фамилией Стоянович в Центр Китая: Пекин, Тяньзин, Шанхай для организации Китайской коммунистической партии и создания профорганизаций. 1921 г. апрель.

136. Прибытие в Тяньзин. Встреча с проф[ессором] Полевым, Войтинским, Ходоровым, Огаревым. Распределение работ с тов[арищем] Войтинским. Собрание с китайскими анархистами-студентами: Хуан, Си-Си-у, Чен, Ли [Чэн Дусю, Ли Дачжао. – А.А.] и т.д.

137. Встречи и работа с профессором Пекинского университета Ли, впоследствии (1926–7) казненным вместе с сыном по приказу Чжан Дэо-лина. 1921–22 гг.

138. Встреча в Пекине с т[оварищем] Виленским-Сибиряковым, с сестрами Мосиными, Ивиным.

139. Командировка в Южный Китай – Кантон. Поездка под видом торговца соли. Связь с кантонскими рабочими организациями и студентами. 1922 г.

140. Организация первой коммунистической ячейки. Печатание и распространение прокламаций. Издание газеты. Руководство ячейки забастовками, партизанскими выступлениями в тылу реакционных армий: взрывы мостов, агитация и т.д.

141. Представительство РОСТА. Журналистика. Интервью с ген[ералом] Чей Гум-Мином вождем южан, министром финансов, с лидерами революционных организаций.

142. Враждебное отношение со стороны англичан: издевательства, насмешки, кошачьи концерты, натравление китайцев.

143. Поддержка со стороны инспектора соляной монополии Архангельского.

144. Связь с лидерами рабочих организаций, посещение рабочих союзов, клубов, гильдий, собраний.

145. Первая встреча с Сун Ят-Сеном.

146. Интервью с ген[ералом] Ху Хань-Минем, Ван Тин-Веем и др[уги]ми лидерами Гоминьдана.

147. Участие в реорганизации гильдий в профсоюзах.

148. Возвращение в Шанхай. Секретарь консульства.

149. Приезд в Шанхай миссии Бородина, Германа и Поляка. Информирование их о положении на юге Китая.

150. Мое прикомандирование в качестве нач[альника] информбюро миссии т[оварища] Бородина. Возвращение в Кантон.

151. Ведение дипломатических переговоров с Сун Ят-Сеном о приеме т[оварища] Бородина.

152. Восстановление старых связей. Знакомство т[оварища] Бородина с лидерами рабочих организаций.

153. Банкет у Сун Ят-Сена в честь миссии т[оварища] Бородина. Присутствовали все члены правительства и Гоминьдана. Около 40 человек. Со стороны Бородина были: Герман, Поляк, Стоянович.

154. Участие на открытии знаменитой военной школы в Вампу. Маневры. Занятия. Банкет. Сун Ят-Сен, Чан Кай-Ши, Ван Тин-Вей и др. Бородин, Войтинский, Герман, Черепанов, Поляк, Терешатов, Стоянович.

155. Забастовка на иностранной концессии. Мой арест на территории англичан.

156. Съезд партии Гоминьдана. 1924 г. Участие в качестве журналиста советских газет и агента РОСТА.

157. Отказ от работы с т[оварищем] Бородиным. Возвращение в Шанхай.

158. Работа в советских учреждениях.

159. Корреспондент «Тихоокеанской звезды», «Прожектора» и др[угих] газет.

160. Организация с т[оварищем] Голяновским информбюро для снабжения советских газет информацией о Китае.

161. Обыск квартиры английской охранкой.

162. Постановление Миксорта арестовать как большевика и передать суду. Английские и китайские тюрьмы.

163. Попытка англичан и сторонников Чан-Кай-Ши добиться нашего расстрела.

164. Освобождение консулом т[оварищем] Козловским после трехмесячного заключения.

165. Участие в охране консульства от белогвардейцев. Прорыв через кольцо белогвардейцев для отправки телеграммы в Москву о разгроме консульства.

166. Изгнание из Шанхая. Приезд в Харбин.

167. Возвращение в СССР.

168. Заявление т[оварищам] Сталину и Менжинскому.

169. Арест. Внутренняя. Бутырки. Приговор. Соловки.

Яковлев (Стоянович-Мячин)

25(?) июня 1931 г. Соловецкий лагерь.

*1. Преувеличено. По данным полиции, убито 4, ранено 10 человек.
Архив Л.К.Карповой.

К.А.Стоянович

**СОЛОВЕЦКИЕ СЛЕЗНИЦЫ
(ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ ИЗ СОЛОВЕЦКОГО
ЛАГЕРЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ)**

**1. Заявление начальнику
секретного отдела ОГПУ Андреевой**

Соловки, 5 ноября 1929 г.

Пользуясь данным мне Вами [при] личном свидании разрешении сообщать Вам о моем положении, спешу уведомить Вас о следующем.

Увезли меня из Бутырской тюрьмы настолько неожиданно, что я не только не успел повидаться с т[оварищем] Генкиным, с т[оварищем] Запаловым, как Вы мне обещали, но принужден был ехать совершенно без вещей. С одной сменой белья, а, главное, без книг. Все привезенные мне женою вещи остались в Москве.

После чрезвычайно тяжелых перенесенных мною мытарств 27 октября в общем этапе я прибыл в Соловки, где мне обрили голову и сняли бороду.

На другой день меня вызвали в стол учета и нарядов. Там я случайно встретил одного своего старого партийца товарища, что значительно облегчило мое дальнейшее положение.

30 ноября меня вызвал к себе уполномоченный ИСО т[оварищ] Ивановичий и предложил мне занять место заведующего кремлевским изолятором[*1]. Зная, что меня прислали сюда не критиковать, а исполнять распоряжения, я ответил: «Слушаюсь».

В настоящее время в исполнение заведованием изолятора вступил. Не скажу, чтобы это меня удовлетворяло после тех масштабов работ, в которых я провел всю свою жизнь, но я должен подчиняться и исполнять все, что мне прикажут.

Управление лагерями, в котором Вы предполагали меня использовать, находится в Кеми.

К.А.Стоянович.

P.S.: Буду надеяться, что Вы не забыли Вашего обещания и окажете соответствующее содействие. Не откажите прислать копии документов по перевозке Романовых, и я вновь приступлю к более подробной и верной обработке своей рукописи[*2]. Если можно, вышлите также дополнительные материалы и список, который был мною вручен т[оварищу] Запалову.

[Соловки. Март 1930 г.]

В 1930 году нагрянула комиссия и произвела долгожданную основательную чистку всего Соловецкого лагеря. Начался психоз подачи заявлений, которыми буквально засыпали комиссию. Будучи начальником внутреннего надзора лагерестроты кемского лагеря, мне пришлось быть свидетелем необычайного среди заключенных подъема — у всех было такое состояние, вот-вот их освободят, и писали, писали без конца. Долго крепился я от этого стихийного напора, и, наконец, после совета одного из членов московской комиссии: «Почему не напишете заявление? Пишите», — написал и 'я, но за несколько дней до отъезда комиссии я раздумал и просил тов[арища] Горбачева (ИСО) [*3] вернуть мне мое заявление обратно. Вскоре он был арестован, и заявление пропало.

Копия заявления в коллегия ОGPU.

Я сын крестьянина, рабочий. С 10—11 лет живу собственным трудом. В 1904 г. вступил в партию РСДРП(б). До 1910 года работал на Урале в качестве организатора боевых дружин. Участвовал в более 20 партизанских выступлениях (экспроприации, террористические акты), организовал целую сеть боевых дружин и т.д. Жил все время на нелегальном положении. В 1910 году по постановлению парторганизации эмигрировал за границу, где продолжал работать в партии до 1917 г., когда вновь вернулся в Россию и принимал активное участие в октябрьском перевороте под фамилией Яковлев. Занимал целый ряд ответственных постов вплоть до зампред[седателя] ВЧК. После перевозки б[ывшего] царя Романова из Тобольска в Екатеринбург у меня начались большие трения с уральцами. Мое тогдашнее настроение было очень подавленным, и я поддавшись личным чувствам, сделал политическую ошибку — написал воззвание к учредилкам и уехал в Китай. Но очень скоро понял свою ошибку и через два месяца уже снова работал в партии и в советских органах в Китае. Работа моя в Китае продолжалась до 1928 года, за свою там работу сидел несколько месяцев в английских и китайских тюрьмах, благодаря совконсулу был избавлен от удушения [*4]. В начале 1928 г. я вернулся в СССР, в Москву и на второй же день подал на имя т[оварищей] Сталина и Менжинского заявление. Через три месяца я был арестован и через 12 месяцев получил приговор, которым присужден к 10 годам. На другой день после приговора я заявил, что как коммунист и чекист приговор считаю правильным, но заслуживаю снисхождения.

В настоящее время нахожусь в лагере и сижу 22 месяца. Семья моя (жена и трое детей) остались совершенно без всяких средств. Работы жене не дают, живем только на те 26 р[ублей] 30 коп[еек], которые я

получаю в лагере. Положение семьи кошмарное. Сам я после всего пережитого за свою жизнь, несмотря на 43 года, стал почти стариком, весь седой и больной.

Несмотря на это, я еще могу для СССР принести большую пользу, попрошу смягчить мою участь. Моя 25-летняя революционная деятельность, мое рабоче-крестьянское происхождение, искреннее сознание моего проступка, 12-летняя давность и октябрьская амнистия 1927 года дает мне право [обратиться] с просьбой о смягчении участи и дать мне возможность работать на пользу СССР в нормальных условиях.

Пометка К.А.Стояновича: Такова была моя первая слезница, к счастью, где-то затерявшаяся.

3. Заявление О.И. Стоянович на имя Председателя ЦИК СССР М.И.Калинина

4 февраля 1930 г.

Мой муж К.А.Стоянович (Яковлев-Мячин) приговорен Кол[легией] ОГПУ по [статье] 16.58.(13) УК к высшей мере наказания с заменой таковой 10 годами Соловецкого лагеря.

В 1918 году, будучи главкомом Урало-Оренб[ургского] фронта, мой муж сделал тяжкую ошибку, сдав командование и отойдя от революционной работы.

Больше того – вернувшись в Уфу, он легализировался на территории Учредительного собрания, написав соответствующее заявление.

Но очень скоро понял свою ошибку, будучи арестован колчаковской контрразведкой – в Омске, он бежал от них в Китай, где принимал участие в революционной работе.

В [революционном подполье] мой муж был членом Уфимской боевой организации РСДРП(б) и в 1917–19 гг. был выдвинут на ответственные посты и участвовал в целом ряде крупных боевых выступлений Уральской дружины. В 1909 году после разгрома организации он активно участвовал в организации и прохождении курса Болонской школы инструкторов (в Италии), а с февральским переворотом возвратился в заплombированном вагоне в Россию и принимал активное участие в Октябрьской революции, был одно время заместителем комиссара почт и телеграфов. До совершения им преступления против революции моим мужем был выполнен ряд ответственных заданий: перевоз Романовых из Тобольска в Екатеринбург, доставка хлеба с Урала в Питер, доставка оружия на Урал и т.д.

В Китае мой муж пробыл около 10 лет. В 1927 году в г. Шанхае английско-китайской полицией он был арестован и только вмешательство нашего консула т[оварища] Козловского спасло его от расправы по обвинению в коммунистической пропаганде.

В марте 1928 г. мой муж возвратился в СССР и сразу же подал заявление о себе тов[арищу] Менжинскому в ОГПУ и в ЦК ВКП(б) т[оварищу] Сталину.

В июле этого года он был арестован, и в июне 1929 г. ему был вынесен вышеупомянутый приговор.

Совершенно не отрицая вины моего мужа и не желая умалять совершенного преступления, я все же, т[оварищ] Калинин, обращаюсь к Вам с просьбой о смягчении ему приговора. Мое крайне тяжелое материальное положение вынудило меня обратиться к Вам с настоящей просьбой.

На моих руках трое малолетних детей. Я чувствую, что без моральной и материальной поддержки со стороны моего мужа, при слабом состоянии моего здоровья, я не смогу довести до конца три молодые жизни.

Тов[арищ] Калинин, я прошу Вас, как мать, не отказать в моей просьбе смягчить участь моего мужа, дабы он мог помочь поднять на ноги троих детей.

Прошу Вас дать ему возможность работать вольнонаемным, чтобы материально поддерживать меня с детьми. Огромные нравственные переживания, 17 месяцев строгой изоляции послужили ему достаточным наказанием за его малодушный поступок, который он честно осознал.

В настоящее время, находясь в Кемии вдали от семьи, дорогих ему детей, он страдает, не имея возможности оказать мне и детям, находящимся в очень тяжелых условиях, материальную помощь.

О. Стоянович

Пометки Стояновича: Слезы моей жены. Бедная мать, бедная жена, бедная моя старушка, зачем тебе нужно было так унижаться, когда тебе даже не ответили на твое заявление!!

И еще настаиваешь, чтобы и я писал заявления!!

Кемь, 25 марта 1931 г.

Уважаемый товарищ,

Разрешите воспользоваться данным мне Вами позволением сообщать Вам от времени до времени о моем положении и поставить Вас в известность о переживаемом мною тяжелом кризисе.

Годовщина 25-летия первой революции всколыхнула во мне старые воспоминания о моей революционной деятельности: Уфа, нелегальные собрания, митинги, 1905 год, начало боевой работы. Затем участие в метании бомб, экспроприации: «Воронки», «Дема», типография, оружие, динамит. Жизнь затравленным волком с постоянно взведенным курком маузера. Организация миасских экспроприаций. Самарская и финляндская перестрелка с жандармами. Командировка за границу. Капри. Болонья. Встреча с т[оварищами] Лениным, Горьким и со всеми выдающимися деятелями партии, находящимися ныне во главе правительства СССР. Подготовка восстания. Активное участие в Октябрьском перевороте. Организация ВЧК. Феликс Дзержинский. Свердлов. Перевозка царя. Фронт. Командование армией. Ошибка. Исправление ошибки. Возвращение в СССР, арест. Соловки. И соловецкий архив, где и пребываю ныне в качестве архивариуса.

Да, есть что вспомнить!! Жизнь прошла бурно. Кроме ошибок, много и хорошего, и дельного. И партия, несмотря на мое отсутствие в СССР и несмотря на потоки грязи, вылитой на меня в литературе людьми, совершенно меня не знающими, — партия все-таки пишет о моей революционной деятельности. Передо мной лежит сборник, посвященный 20-летию уральских событий 1905 года, изданный Башистпартом.

И что же? По всему журналу красной нитью проходят мои «злодеяния», и даже в конце книги посвящены мне две поэмы.

Да, есть о чем вспомнить!

Но жить воспоминаниями о прошлом мне еще рано, пока во мне по-прежнему не угасает непреодолимое желание целиком с головой броситься в кипучую революционную деятельность, в которой я только и могу жить и черпать свою жизненную энергию.

Через три месяца будет ровно три года, как я нахожусь в заключении.

Три года я молчал, ибо и сам считал, что мне нужно одуматься и осознать свое положение, но революционная борьба взяла у меня многое, что было сильным и лучшего, и эти три года являются для меня наиболее тяжелыми в жизни.

О, будь я среди врагов, — я знал бы тогда, что нужно мне делать!!

Но я на испытании у своих и живу в то же время среди контрреволюционеров, и это для меня наибольшая моральная пытка. И если я пробуду здесь еще несколько лет на положении заключенного, то эти годы будут для меня годами медленной смерти. Но медленная смерть не по мне, а скорая, к которой прибегают многие другие, — противоречит моему марксистскому мировоззрению.

Тов[ариш] Андреева, не наступил ли момент развязать мне руки, чтобы я мог снова послужить Республике и партии, как служил я ей всю жизнь?

Не находите ли Вы возможным напомнить обо мне т[оварищу] Менжинскому, с которым я когда-то работал и который относился ко мне когда-то очень хорошо, — и попросить его дать мне возможность снова вернуться к работе?

25.III.31.

Яковлев (Стоянович-Мячин)

7ое К.У.О [*5]. гор.Кемь.

Приписка Стояновича: Дорогая жинка, твою настоятельную просьбу исполнил. Сегодня 5 февраля 1932 года. И ты думаешь, мне ответили? Как видишь, я все-таки знаю людей лучше тебя.

5.

Письмо секретарю Московского областного комитета ВКП(б) А.Г.Рындину

Соловки, 10 июля 1931 г.

Секретно.

Товарищ Рындин.

К тебе обращаюсь. 13 лет тому назад я совершил тактическую ошибку и получил за нее десять лет соловецкого лагеря. Моя революционная физиономия тебе известна по нашей совместной работе, и ты сам, живая кипучей деятельностью, представляешь меня, всю жизнь горевшего революционным огнем, отстраненным от политической деятельности да еще связанного лагерем. Не будь предан по-старому партии и не имея надежд на возвращение, я, конечно, разорвал бы сковавшие меня путы. Но я дисциплинирован и таковым хочу остаться.

Однако пошел уже четвертый год, как я нахожусь в заключении. Впереди еще целые годы пустой и бесполезной растраты сил и энергии. Я хочу по-прежнему целиком отдаться революционной деятельности.

Но в моем деле необходимо обратить внимание на меня высших партийных органов. Зная твоё положение в партии, как секретаря Моск[овской] обл[астной] организации, в которой находятся многие мои старые товарищи уральцы, обращаюсь к тебе и к уральцам с моей краткой революционной автобиографией и с просьбой, если найдете нужным, обратить должное внимание на мое положение высших органов партии и правительства. Я не думаю, чтобы революция выиграла от моего пребывания в лагере.

10.VII.31.

Яковлев (Стоянович-Мячин)

Соловецкий лагерь.

6.

Письмо жене О.И.Стоянович

[Соловки, конец 1931 г.]

Дорогая Лелька, чтобы не заподозрила меня в том, что, пославши одно заявление — я успокоился, как видишь, через четыре месяца я опять направил заявление т[оварищу] Рынди́ну, моему бывшему ученику. И что же? Результат тот же — самое пренебрежительное отношение. Многие, прибывшие со мной в лагерь — не только получили ответы, но уже освобождены. Правда, это все растратчики-уголовники. Ах, зачем я не растратчик, теперь бы сидел дома и считал бы деньги! Ну, шутки в сторону! Ты, наверное, все сердисься, что я издеваюсь над собой. Мне только это и остается, Старуха, и еще ждать, когда пройдут мои десять лет, ибо, будучи «великим преступником», я, как видно, должен отбарабанивать их целиком.

7.

Письмо начальнику секретного отдела ОГПУ Андреевой

Соловки, 10 июля 1931 г.

Товарищ Андреева,

Не получив от вас никакого ответа на мое письмо от 25.III. с./г. и находясь в том же положении, о котором писал Вам, я решил обратиться с письмом к своим бывшим товарищам по боевой партийной работе, через т[оварища] Рынди́на, о чем считаю долгом поставить Вас в известность, препровождая Вам копии материалов, посланных в Московский комитет.

10.VII.31.

Яковлев (Стоянович-Мячин)

Соловецкая обитель.

8.**Письмо жене О.И.Стоянович**

[Соловки, конец 1931 г.]

Вот, жена, все мои заявления. Думаю этим и закончить свою карьеру в области слезниц, ибо всякое заявление должно иметь, как я убедился, поддержку извне, и только тогда получается положительный результат. В противном же случае у дедушки Калинина имеется громадный запас хорошо отпечатанных ответов. Ты еще не успеешь подумать написать ему слезницу, а он уж тебе направляет ответ: «отказать». Хор-рошо это дело у него налажено!! И заключенному приятно – все-таки как никак – с самим секретарем Калинина переписку имеет! Только меня Михаил Иванович обидел, три копейки на марку пожалел. А я даже рамку приготовил. Как мол получу, так на стенку. Видал, мол, как у нас дело поставлено – это тебе не Америка!!!

Давай, Лелька, бросим это бесполезное дело. Поддержать нас некому. Я ведь грешник среди своих старых коммунистов, а они кристальные, ничем не запятнанные коммунисты.

Не сердись, Лелька, на меня – я писать больше не буду, если только не будет какого-либо особенного толчка.

Такая же и к тебе просьба. Ты думаешь, Калинина разжалобишь своими слезами о детишках? У него теперь, наверное, со своими-то хлопот не оберешься!

9.**Заявление председателю врачебной комиссии**

Соловки, 8 июня 1931 г.

В течение трехлетнего своего заключения я непрерывно страдаю колитом.

Имея премиальные в сумме 15 руб. и не получая никакой помощи извне, я лишен возможности соблюдать при моей болезни необходимую диету, а посему ходатайствую перед врачебной комиссией за зачисление меня на диетический паек.

8.VI.31.

К.Стоянович.

Резолюция профессора Фурмана:

Подтверждаю, что Стоянович К.А. действительно страдает хроническим колитом и нуждается в диетическом пайке.

8.VI.31.

Профессор Фурман (подпись)

Пометка Стояновича: Бутырка меня доконала: цинга, колит и малокровие – вот прелести, которые я там испытал. Колит перешел в хронический, и если я теперь не имею масла и белого хлеба, я постоянно болен

и все время страдаю тяжелыми приступами. Вот в эти моменты я готов покончить все свои расчеты с прелестной соловецкой жизнью. Приступы меня мучают и отравляют всякие желания. Однако крепись, Стоянович! «Когда-нибудь монах трудолюбивый...»

**10. Рапорт начальника общего отдела И.В.Суслова
 начальнику Управления Соловецкого лагеря**

Соловки, 14 мая 1931 г.

Работающий в архиве Услаг закл[юченный] Стоянович К.А. за короткое время своей работы зарекомендовал себя во всех отношениях исключительно с хорошей стороны.

За последние два-три месяца, ввиду того, что зав[заведующий] архивом т[оварищ] Морозов используется много на специальной работе (вне архива), Стоянович является старшим по работе – в архиве и одновременно с общим руководством исполняет большую техническую работу.

Материальное положение Стояновича тяжелое. Получая паек по третьей категории и плюс премиальные в размере максимально 12–15 руб. в месяц, он постоянно находится в полуголодном состоянии при наличии желудочно-кишечного заболевания. Поддержки от жены он не получает, так как жена с детьми находится в бедственном положении.

Принимая во внимание вышеизложенное и заслуги Стояновича в прошлом (революционер-подпольщик, старый большевик), и имея в виду использование его по должности завархивом Услаг, ходатайствую перед Вами о назначении Стояновичу премиального вознаграждения в размере до 40 рубл. в месяц.

14 мая 1931 г.

Суслов И.В.

Резолюции на полях рапорта:

Отказать. *Дукис.* 16/V.31.

Служебную записку *Суслов.*

Архив. Т[оварищ] Морозов, надо написать рапорт о единовременном пособии. *Суслов.* 23/V.31.

К делу. *Морозов.* 24/V.31.

Пометка К.Стояновича: *Здесь два характерных момента: Мое положение и отношение к нему начальства. Комментарии излишни, документ слишком красноречив.*

[Соловки, конец 1930 г.?)

В июне 1930 года меня командировали из Кеми на 48 кв[артал] в качестве начальника работ. В течение нескольких месяцев я проделал там большую работу, но, по каким-то неизвестным для меня мотивам, против меня началась травля, в результате чего меня [без] всяких объяснений и уважительных причин сместили с поста начальника работ по распоряжению пом[ощника] нач[альника] II отд[еления] Скрузера(?), выдвинувшего на мое место своего ставленника Фомина, впоследствии арестованного.

Прибывшая вскоре из Кеми комиссия во главе с т[оварищем] Майригодом(?) установила, что не было абсолютно никаких причин не только к моему отстранению, но сделано даже значительно больше, чем можно было ожидать, принимая во внимание те условия, в которых я находился. (Морально я был удовлетворен.)

Но тем не менее нач[альник] II отд[еления] т[оварищ] Прохорский утвердил распоряжение Скрузера(?). На мой вопрос т[оварищу] Прохорскому: «По каким причинам меня сняли?» ответил: «Так сложилась обстановка».

Очевидно, т[оварищ] Прохорский не хотел дискредитировать своего помощника, поступившего по своему личному усмотрению, «но мне от этого не легче». Прошу не отказать разобрать причины, вызвавшие мою «опалу».

Пометка К.Стояновича: Вот она, жизнь «арестанская», каждый, извините за выражение, начальник после этого начал гонять меня с места на место, и я долгое время находился на положении какого-то пария, не имеющего отдельного места. Очевидно, результатом такого же ко мне отношения явилась и занесенная в формуляр характеристика: «Поведения удовлетворительного, дисциплинарным взысканиям не подвергался». Такую характеристику дают, когда хотят уклониться от прямого ответа.

Нет ни одного лагерного распорядка, который бы я нарушил, или бы ему не подчинился. Тем не менее мне пишут «удовлетворительное», на ряду с другими, никогда почти с лагерными распорядками не считающимися. Мое поведение и отношение к работе было еще более серьезным, чем даже в Кеми, когда я был у т[оварища] Борисова замлагарестроты, за что получил от него блестящую характеристику. Меня очень мало тревожит всякая характеристика (почти всякая соловецкая характеристика – это туфта), и если я пишу об этом в этой книге, исключительно по причинам показать, как здесь относятся к людям.

12.**Заявление начальнику
секретного отдела ОГПУ Андреевой
(не послано)****Кемь, 5 мая 1931 г.**

Будучи продолжительное время в Китае и работая почти десять [лет] по совместительству корреспондентом нашей пекинской Миссии и советских газет, я собрал большой материал по китайским вопросам, имеющий исключительный для меня интерес: копии моих корреспонденций с 1922 по 1927 г., выборочные английские, французские и китайские газеты и журналы, вырезки, фотографии, статистические данные по рабочему и крестьянскому китайскому движению, по бандитизму, по забастовкам и пр. и пр.

Перед отъездом из Шанхая в Харбин весь архив я упаковал в большой ящик-сундук и сообщил т[оварищу] Горбатьку адрес, где я его оставил, и просил его отправить архив в Уфу в адрес Алексеева[*6], как только получил бы от меня из России извещение.

Тов[ариш] Горбатьку просьбу мою выполнил, архив отправил, но когда сундук прибыл в Уфу, то он оказался почти пустым. Все материалы, за исключением старых газет, оказались — мягко выражаясь — кем-то изъяты.

Ни для кого этот материал интереса не представляет, а меня лишили возможности продолжать мои письменные работы по китайским вопросам.

Прошу не отказать выяснить, кому понадобились мои личные труды, и вернуть обратно принадлежащие мне материалы.

5.V.31.

К.Стоянович (Яковлев-Мячин)

гор. Кемь I-ое КУО.

13.**Заявление председателю
ОГПУ СССР В.Менжинскому,
заместителю председателя ОГПУ И.Акулову****Кемь, 1 февраля 1932 г.**

Я сын крестьянина, рабочий. С детского возраста живу собственным трудом. В партии с 1904 года. До 1910 года работал на Урале организатором боевых дружин РСДРП(б). Принимал участие не менее чем в двадцати партизанских набегах. В течение многих лет жил нелегально. Не раз был в перестрелках с жандармами. В 1910 году принимал участие в организации Болонской школы. За границей в эмиграции также работал в партии и профсоюзах. В 1917 году вернулся в Россию и принимал

активное участие в Октябрьском перевороте (комиссар телеграф[ных] и телефонных станций, зампред[седателя] ВЧК и т.д.). После перевозки Романовых из Тобольска в Екатеринбург у меня начались трения с уральцами. В дальнейшем я сделал ошибку, написав воззвание и перейдя к учредилловцам, но я очень скоро осознал свою ошибку, и через несколько месяцев я уже снова работал в партии, в Китае. В течение десяти лет я по-прежнему твердо шел по старой большевистской дороге. В 1928 году я добровольно вернулся в СССР – во-первых, чтобы очистить себя от клеветы, и, главным образом, по-прежнему продолжать работать, но меня вскоре арестовали, но и там я писал т[оварищу] Менжинскому, который хорошо знает меня по работе, просил его использовать меня на работе в ОГПУ. И теперь, несмотря на проведенные около четырех лет в заключении, я по-прежнему, как и в первые дни приезда и ареста – я хочу работать, я не могу сидеть со связанными руками в то время, когда в СССР идет титаническая работа.

Меня нужно было выдержать. Проведенные мною десять лет в Китае требовали моей проверки, как со стороны чистоплотности поведения, так и с политической стороны, и эти вопросы должны быть для Вас теперь достаточно ясны.

От совместного проживания в течение нескольких лет с каэрами[*7] мое политическое кредо не изменилось, как Вы, наверное, имели уже возможность убедиться и в этом, и осталось таким же, как и было ранее в период моей работы в партии.

Почему же Вы продолжаете держать меня в лагере и не даете возможности вновь принять деятельное участие в строительстве социализма?

Неужели мое длительное заключение диктуется настоятельной необходимостью в интересах революции? Тогда лучше уничтожьте меня, если считаете опасным, но только не делайте из меня ходячего трупа.

Неужели моя 25-летняя революционная деятельность, мое рабоче-крестьянское происхождение, чуть ли не пятнадцатилетняя давность проступка, моя десятилетняя работа в Китае, амнистия 1927 года и мое добровольное возвращение в СССР – не дают мне право на смягчение моей участи?

Я всегда был большевиком и таким же остался, и по-прежнему хочу и прошу Вас дать мне возможность всецело отдаться кипучей деятельности, а прилагаемая при настоящем заявлении моя автобиография скажет Вам, как можно меня использовать.

1.II.32. -

Яковлев (Стоянович-Мячин)

гор. Кемь Соловецкий лагерь.

14.**Записка жене О.И.Стойнович**

[Соловки, 1932 г.?)

Скажу кратко. Произошел неожиданный толчок. Попытаюсь в последний раз, а потом, милая Лелька, если случится катастрофа – не проклинай и не бросай детей. Прощай, моя дорогая, прощай, моя любовь!

15.**Письмо начальнику
секретного отдела ОГПУ Андреевой**

[Кемь, 1931 г.]

Москва. Лубянка.

Разрешите, т[оварищ] Андреева, еще раз воспользоваться данным мне Вами правом от времени до времени ставить Вас в известность о своем положении. Начну с печального конца – меня сдали в архив.

Как это случилось, что меня, по-прежнему имеющего достаточный запас энергии и еще более развивающей ее в процессе работы, стремящегося к работе в широком масштабе и желающего наравне с другими отдать свои силы на пользу соловецкого, хоть и уродливого и зачастую бесполезного, но все-таки дела – законсервировали в архиве?

Когда меня вернули из Соловков в распоряжение т[оварища] Сорокина, последний предложил мне работу в любой отрасли. Не будучи еще знаком с условиями лагерей, я просил дать мне исключительно административную должность. Меня назначили помлаг[...], ротой и поручили привести в порядок лагерь, в котором тогда происходили дебоши, грабежи, грязь и полный упадок дисциплины. Я серьезно принялся за работу и через 5 месяцев [...] все время был в [...], привел лагерь в порядок: [...], хороший комсостав, решительно ликвидировал грабежи в городе, пьянство, ввел дисциплину среди комсостава и заключенных – лагерь стал образцовым. Это могут подтвердить т[оварищи] Сорокин и Шиманкевич, а также московская врачебная комиссия (Харповский, Фи[...], Фрайерман и Поляков, акт о порядке в лагере от 23 февраля 1930 г.). Таким образом, я быстро освоился и изучил лагерную жизнь и с его административным механизмом, подготовил себя таким образом к любой административной должности в лагере.

Но, как это всегда бывает, люди, загибающие жар чужими руками, всегда бывают сильнее, когда черновая работа проделана, – на сцену выступили любимчики начальства и стали похвастаться моей работой, как собственной. И так как в лагере того времени – силен был тот, кто больше подхалимствовал и втирал ничем, кроме своего [...], не интересующемуся

начальству очки, — я видел дальнейшую бесполезность оставаться работать по этой линии и решил пойти по линии производства. Уехал на 48 квартал начальником работ. Отдался работе всей душой, но расхлябанность II-го отдела и [...] главного начальника давали большую возможность казровским элементам делать свое дело, и те причины, от которых я бежал из Кеми, здесь вдали они(?) цвели махровым цветом, и началась травля, начиная с самого делопроизводителя Николаева, которому белые Фомины, Ростовские со злорадством вторили. В результате, опять-таки (подчеркиваю) после проделанной всей черновой работы, меня без всяких уважительных причин слабовольный нач[альник] II отд[еления] снял с работы, не находя даже нужным объяснить причины опалы. К моему счастью, на постройку прибыла кемская комиссия, установившая, что мною, как начальником работ, не только не сделаны никакие упущения, но сделано значительно больше, чем можно было сделать в созданных [во] II отд[елении] условиях. Тем не менее меня сняли. С этого момента на меня были спущены все гончие собаки.

Дошло даже до того, что Прохорский, у которого прав всегда тот, кто выходит от него последний, дал распоряжение снять меня на общие работы, и только случайно встретившись в [...] с т[оварищем] Кузнецовым, я был избавлен последним от сведения со мной личных счетов нач[альником] II отд[еления], вымещавшим на мне свою требовательность. Вернувшись в Кемь, я ушел в архив. Тут, по крайней мере, я мог считать себя в безопасности, ибо на это место среди казров нет больших охотников, и, следовательно, отстранена(?) всякая возможность домоганий.

16.

Письмо начальнику секретного отдела ОГПУ Андреевой (не послано)

[Кемь, 1931 г.]

Несмотря на условия, в которых я нахожусь в настоящий момент, я делаю попытку предпринять [усилия?] в смысле фиксирования на бумаге всех наиболее ярких эпизодов наших боевых организаций.

Когда я набросал конспект, то увидел, — если описать их подробно, то многие из них представляют большой интерес для широкой партийной массы, особенно для комсомольцев, так как литературы о деятельности боевых организаций у нас вообще мало. Некоторые из эпизодов характерны для истории партии. Мои встречи с общ[ественными] деятелями разных стран: Китая, Бельгии, Германии, Финляндии и др[угих], работа

почти со всеми лидерами нашей партии могут, возможно, пополнить некоторые пробелы страниц ист[ории] партии.

И даже вся моя жизнь, если ее узнает партия в истинном, не искаженном и не затуманенном искусственно виде, может послужить мотивом к перемене взгляда на меня в положительную сторону.

Однако для восстановления этого описания необходимо воспользоваться материалами архивов, библиотек, а также и личными материалами некоторых товарищей-боевиков.

Поэтому прошу Вашего разрешения:

1. Дать мне право сноситься с архивами и библиотеками (Уфа, Самара, Тобольск, Ленинград, Москва, Свердловск, Тюмень), или указать, как мне в данном случае поступить.

2. Дать возможность войти в постоянную переписку с кем-нибудь из старых товарищей-боевиков.

17.

**Телеграмма начальнику
секретного отдела ОГПУ Андреевой**

Кемь, 21 июня 1931 г.

Марте много послано Вам заявлений, ответа нет. Незнание, непригодность условиям заключения лагерной работы жизни губит здоровье. Прошу вызова Москву переговоров.

21.VI.31.

Соловецкий лагерь гор Кемь

18.

**Письмо начальнику
секретного отдела ОГПУ Андреевой (?)
(не послано)**

[Кемь, октябрь 1930 г.]

1. Описание перевозки Романовых мною закончено. Однако это сделано не так полно, как я мог бы это сделать в более подходящей [для] такого рода обстановке. Самое существенное затруднение для моих работ — это было отсутствие под рукой документов. Затем, не хватает многих справок от лиц, участвовавших в этих [переделках и] перевозке. Вот почему я хотел [бы] еще раз заняться той же работой на месте [в Соловках], что имеет возможность дать Вам полное и более точное описание порученной мне [товарищами] Лениным и Свердловым миссии.

2. Мои старые товарищи-боевики обращались ко мне с просьбой заняться историей уральских боевых дружин, выпустить по этому вопросу специальную книгу. В связи с этим необходимо выписать специальный

материал и начать переписку с моими старыми товарищами, а также войти в переписку с Центр[альным] архивом.

3. Находясь продолжительное время в Китае, я имел благоприятные условия для изучения положения данной страны и, почти непрерывно, как журналист принимал участие в советских газетах по китайскому вопросу. Желая использовать свой опыт по этому вопросу в северных газетах, прошу разрешить мне выписать из Китая несколько французских и английских газет и журналов.

4. Принимая участие почти во всех боевых выступлениях организаций, в Болонской и Каприйской школах, в заграничных организациях (период эмиграции), в конференциях и на съездах, в Октябрьском перевороте в Ленинграде, на фронте и ж[елезных] д[орогах] – я обладаю богатым литературным материалом, который мне очень хотелось бы использовать в наших журналах, о чем прошу Вашего специального разрешения и указаний, как мне в данном случае поступить.

5. В связи с перечисленными работами, если я получу на это разрешение, я очень просил бы Вас дать мне возможность по мере отбывания моего наказания иметь отдельную комнату, так как обычно все свои письменные работы я произвожу по ночам, а это создало бы для моих соседей невозможность со мной сожительства [и осложнило бы] мою письменную работу.

6. Имея в виду все эти работы, к которым я стремлюсь уж с давних пор, а также и длительность срока моего заключения – вот по этим причинам я писал Вам в своем предыдущем заявлении и подтверждаю в настоящем, что намерен остаться на севере на [...]. Поэтому прошу Вас, во-первых, дать мне такую административную работу, на которой я был бы Вам наиболее полезен. Во-вторых, не отказать мне в создании благоприятной обстановки для совмещения моей книжной работы с административной. И, в-третьих, разрешить мне перевезти ко мне на постоянное жительство со мною мою семью. В этом убедительно прошу Вас не отказать, так как семья моя находится в чрезвычайно тяжелых не только материальных, но и моральных условиях, а кроме того, я совершенно не хочу, чтобы мои дети воспитывались в Алексеевском доме. Этот для меня вопрос теперь решен раз и навсегда.

7. В своем предыдущем заявлении я Вас просил послать меня в Ухту. Я полагал, что там как наиболее трудный пункт, работа должна оплачиваться значительно лучше, чем в Соловках (так мне говорил т[овариш] Мороз), но так как Ухта теперь отпадает, то я просил бы Вас отправить меня в Усть-Высольск, где имеются крупные строительные работы, и где, возможно, моя жена тоже могла бы иметь работу на пишущей машинке. Моя основная профессия электротехник, я работал в Бельгии, производил установки генераторов, трансформаторов, электрических станций и

имею в этих работах большую практику, но теоретически хромаю, желая пройти заочные электротехнические курсы, прошу Вашего специального разрешения.

8. За свое пятнадцатимесячное заключение я износил почти всю свою одежду, жена моя, чтобы поддержать свое существование распродала все свои и мои вещи, которых и так было не много, а теперь я не имею даже теплого пальто. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы не отказали мне в просьбе снабдить меня здесь полным солдатским зимним обмундированием.

9. В Бельгии в Брюсселе у нас находится архив боевой организации. Там же имеется у меня на 40000 руб. оправдательных документов. Прошу Вас, если можно, устроить мне свидание с тов[арищем] Кривовым или тов[арищем] Химцовым, которым я смогу объяснить, куда нужно обратиться и где искать этот архив (в этом же архиве у меня имеется переписка о школе с Горьким, Богдановым, Троцким и др[угими] товарищами).

10. В 1908 году у меня была перестрелка с жандармами в Самаре, когда благодаря провокации захватили нашу организацию. А Самара была окружена со всех сторон, и, тем не менее, мне удалось оттуда скрыться благодаря священнику Никольскому Вениамину Александровичу, который спрятал меня в мужском монастыре, а потом под видом своего псаломщика вывез из Самары, хотя он знал, что я только что стрелял в жандармов.

По словам т[оварища] Задоркина, мой сосед по койке камеры № 77, Никольский, в настоящее время находится в Самаре. Желая собрать все подробности самарской истории, я прошу Вас разрешить мне написать ему письмо с рядом вопросов, а Вас прошу ему верить, что он действительно спас жизнь революционера, и сделал это, зная точно, что я только что был в перестрелке с жандармами.

11. При обыске у меня были отобраны китайские документы (около 250 штук). Книга на английском языке с биографиями китайских общественных деятелей, очерк о «Китайских и английских тюрьмах»[*8] и моя личная переписка.

Прошу, если можно, все перечисленные вещи вернуть мне лично.

12. Вместе с документами о перевозке Романовых у меня взяты несколько мандатов, в которых имеются подписи тов[арища] Ленина. Прошу Вас, если это возможно, выдать мне на руки копии этих мандатов.

13. Будучи в Китае, я посылал во многие советские газеты корреспонденции. Большинство из газет все принадлежащие мне гонорары уплатили, и только «Тихоокеанская звезда» в Хабаровске осталась мне должна около 500 руб. и не хочет их выплачивать. Я послал около 120 корреспонденций и более 300 фотографий. Получено мною от них не более 600 руб., остальные деньги до сих пор мне не уплачены.

Не откажите в просьбе указать мне, куда и как я должен обратиться, чтобы я имел возможность получить причитающиеся с редакции «Тихоокеанская звезда» деньги.

- *1. Изолятор Соловецкого кремля.
- *2. Имеется в виду обработка рукописи, составленной К.Стояновичем в Бутырской тюрьме.
- *3. ИСО – исправительно-следственный отдел.
- *4. За выступления против нанкинского правительства, в чем обвинялся Стоянович, он мог быть приговорен к смертной казни через повешение.
- *5. КУО – Кемское отделение Соловецкого лагеря.
- *6. В.Алексеев – брат жены Стояновича, проживавший в г. Уфе.
- *7. Казры (аббревиатура К.Р.) – контрреволюционеры.
- *8. Рукопись «По английским и китайским тюрьмам», по-видимому, была возвращена К.Стояновичу, так как находится в архиве Л.К.Карповой

Архив Л.К.Карповой.

7

К.А.Стоянович

ЗАМЕТКИ

Начаты 20 апреля 1931 г. Соловецкий лагерь.

1. Подвойский путаник, гастролировавший по Уралу с целым арсеналом генералов. Как-то я однажды сказал ему: «Вы видите, т[овариш] Подвойский, я совершенно один. У меня нет никого из людей, хорошо знающих военное дело. Прикомандируйте мне хоть одного из Ваших генералов». Подвойский наотрез отказал, заявив, что они ему нужны для каких-то весьма важных правительственных заданий. Поднялся и уехал.

2. Межрабпом-фильм, Ленинградское шоссе 44. Москва, Литературный отдел. Совкино, Серпуховская площадь. Литературный отдел. Эйзенштейну.

3. Разговор с т[оварищем] Свердловым. На мой вопрос, почему уральцы не совершают перевозки, он ответил, что они испортили все дело своей бестактностью, и теперь, кто бы от них ни приехал, это только вызовет в охране озлобление и недовольство, нужно нейтральное лицо, не связанное с Екатеринбургом.

4. В Златоусте во время перевозки мною хлеба в Питер были задержаны. Автомобильные мастерские. Делегат поехал со мной в Питер.

5. Увезли меня из Бутырки настолько неожиданно, что я принужден был ехать совершенно без вещей, с одной сменой белья, без продуктов, а, главное, без единой книги, на которые мне было дано в ГПУ разрешение.

6. Распутица мешала взять весь багаж. Дайте распоряжение, чтобы не мешали говорить по прямому проводу, товарища Невского попросите дать распоряжение, чтобы не задерживали нигде моего поезда.

Говорит Теодорович по поручению Свердлова. Возможность, что придется везти только одну главную часть багажа, предвиделась Вами и Свердловым еще раньше, он вполне одобряет Ваше намерение. Вывозите главную часть. Комиссару почт и телеграфа и Невскому дадим соответствующие распоряжения.

7. Не ищите здесь женщину! Я не француз! Та женщина, с которой я связал в тот момент свою жизнь, была также жертвой моей стратегии. Она и ее семья служили мне ширмой задуманного мною плана. Я причинил ей неизгладимые страдания, и за эти страдания я ее потом полюбил.

8. Хотя и неважно, по каким мотивам и что за причина [была, чтобы] мне совершить ошибку, но если бы ГПУ заострило свое внимание и на этот вопрос, тогда результат был [бы ...].

9. Какой выход из моего положения? Кроме выхода Савинкова, у меня впереди никаких перспектив не имеется. Но мое марксистское мировоззрение удерживает меня от эсеровщины. Да и личные враги мои, сыгравшие довольно значительную роль в моем деле, изображая собою «общественное мнение», были бы чрезвычайно рады отделаться от свидетеля их будущего партийного падения, ибо старушка история – работает на меня, и, может быть, мои старые товарищи, у которых «совесть» стала резиновая, вновь обретут способность краснеть за свои поступки, и тогда поймут, что изменников надо искать в другом месте. Меня закидали грязью, а когда я представил доказательства своей правоты, мне все-таки пришлось вместо своих клеветников принять на себя роль арестанта. Но я так же горжусь своим арестантским халатом, как своей буйной и красочной жизнью.

Почему? Об этом говорят мои документы, об этом скажет и история.

Меня хотели унижить, опозорить, и были выпущены такие моськи, как Авдеев, Правдин. Счастье этих мосек, что я в Соловках. Авдеев однажды валялся у меня в ногах, как самый последний, жалкий трус, и Правдин, этот паразит от революции, акробатический лодырь и пьяница – не раз трепетал передо мной. Но теперь эти шавки подняли свои змеиные головы и шипят еще до сих пор, но пусть они не радуются: я еще жив.

10. Я еще не знал в Соловках ни одной не срочной бумажки и так к этому привык, что механически мыслю каждую бумажку, как срочную. Все получаемые бумажки в Соловках исполняются в срочном порядке, а

так как все они одинаковой срочности, то и [...] ждать своей очереди бессрочно.

11. Не скажу, что у меня в зобу дыхание сперло от чувства радости пребывания в Соловках, но живу, во всяком случае, значительно лучше многих из здесь находящихся. Отсюда можно сделать вывод, как они живут.

Как бессмысленна и глупа соловецкая жизнь. Бесполезная растрата сил и энергии. Соловки – это маховик, маховик, работающий впустую. Все жрет, рвет и под себя подминает.

12. Хуже всего, если меня держат потому, что решено навсегда [меня], как человека конченого, похоронить в северных тундрах, тогда лучше бы уничтожили, чем подвергать медленной смерти.

Или мое длительное заключение диктуется настоящей необходимостью в интересах революции?

Или меня держат с исключительной целью дать мне почувствовать сладость арестантской жизни, и для этого придерживали меня шестнадцать м[еся]цев по тюрьмам? Потом загнали на десять лет в Соловецкий лагерь? Если это так, тогда с успехом мне можно было бы дать и двадцать пять (год за год), и все-таки я не стал бы считать себя арестантом, как смею не считать себя таковым и сейчас.

13. Как смешно наблюдать погоню всех этих людей, приезжающих сюда за длинными рублями – за здешними постами различных начальств. Здесь какой-нибудь нач[альник] отделения мнит себя чуть ли не Наполеоном (у нас есть такой – даже руку держит за бортом), только в голове не хватает, а в действительности, если перевести на тюремный язык – это просто старый надзиратель тюрьмы, но Аллаха нет, от Москвы далеко, и такие Наполеоны пыжаты и куражатся над заключенными, и на весь лагерь они смотрят как на аппарат для их личных услуг. И, характерно, не успеет такой Наполеон прибыть в лагерь, как в первую голову бегут в швейкрой и универмаг. Но, кажется, чистка началась. Полетят длиннорублевые головушки. Москва шутить не любит. Пора, давно пора!

14. Я не вижу в моем дальнейшем пребывании в лагере никакой целесообразности, и мне хочется спросить моих товарищей – могу ли я в дальнейшем рассчитывать на работу, как работал я раньше, или меня будут держать исключительно в лагерях, а в дальнейшем – на севере. Настоятельно просил бы их избавить меня от этой перспективы, и лучше бы они покончили со мной, если считают меня

15. Вопросы: 1. Почему уехал в Китай, а не в Москву. Путь наименьшего сопротивления, но большая возможность. Нужно было исправить свою ошибку новой работой, нужно было иметь за спиной новые заслуги. Кроме того, я мог бы в этот момент попасть в руки какого-нибудь самостоятельного отряда, каковых тогда еще было много, и едва ли бы сумел

благополучно добраться до Москвы, а мой вопрос могла бы разрешить только Москва. 2. Почему медлил в Уфе с работой в Учредивовке? Нельзя было форсировать события, нужно было добиться, чтобы сами пригласили на работу. 3. Почему дал себя арестовать колчаковцам? 4. Почему не был расстрелян в Уфе или Омске?

16. И никто не сможет отнять у меня моего активного участия в обеих революциях, и нет такой силы в природе, хотя бы самого меня стерли в порошок, – могущей вытравить все слезы из моей жизни – история кровью и свинцовыми пулями вписала ее в мою биографию навеки.

17. Моя жизнь революционера подпольщика с самого ее начала шла по скользкому пути двойной опасности. С одной стороны, начиная с первого же моего выступления [в] 1905 году, пули и намыленная веревка всю жизнь неотступно по пятам преследовали меня до самых Соловков; с другой – в случае неудачи какого-либо акта мне грозила клевета, или пуля своих же товарищей. Попади мой отряд в засаду [при перевозке царской семьи], и меня могли бы привлечь к суровой ответственности. Пропади по какой-либо случайности взятые на эксе деньги – и меня могли бы расстрелять. С перевозкой Романовых Уральский Совет только на основании факта направления мною поезда по другому пути, не пытаясь даже выяснить, по чьему я действую распоряжению, объявил меня изменником Революции. Итак, на протяжении всей моей революционной деятельности малейшая ошибка, оплошность или неудача, и каждый из этих эпизодов мог стать для меня роковым. И то, чего я всегда боялся и перед чем не раз трепетал при одной только мысли, что могу попасть в ложное положение – свершилось. И эта единственная ошибка всей моей жизни расплылась в глазах моих личных врагов в чудовищное преступление, и они стали кричать: «Распни его, распни его».

18. Просматривая Уральский сборник и восстанавливая в памяти революционные события, каковым партия или печать уделяла внимание, я прихожу к выводу, что многие из перечисленных мною в моей автобиографии эпизодов неизвестны партии, часть из них освещена людьми, никакого отношения к ним не имеющим. Описание некоторых фактов прямо искажают истину. Во многих событиях, где я принимал активное участие и руководство, моя роль сознательно сведена к нулю, или просто вычеркнуто мое участие. В истории подпольной партии 1904–1917 года моя роль была не последней. Это прослеживается в исторических сборниках, но опять-таки писавшие историю или плохо знают ее, или под влиянием распушенной про меня клеветы умышленно не включают меня в число [участников] той или иной революционной операции (правда, сами участники в своих воспоминаниях относятся ко мне тепло и справедливо). Например, период с 1917 по 1928 обрисов[ан] исключительно клеветническ[и], как будто я только и делал, что занимался контрреволю-

цией. Между тем за период 1917–18 я работал с т[оварищами] Лениным, Свердловым, Троцким, Дзержинским и др[угими], под их непосредственным руководством, и не раз на мою долю выпадало слышать от них одобрение моей работы. В Великие Октябрьские дни Ленинград видел меня и в Смольном, и на баррикадах под Зимним Дворцом, и при отбивании атаки при нападении на телефонную станцию.

Радуются враги мои, подняли головы и торжествуют, что клевета их подтверждена моим осуждением. Но рано радуются враги мои!

Да, я осужден за один ошибочный эпизод своей жизни, но за моей спиной их еще около двухсот, говорящих о моей революционной деятельности, и которые были безошибочны.

19. Часто в былые дни говорил за нас товарищ маузер и не раз выручал нас, казалось бы, от безвыходного положения, спасая нам жизнь и свободу и наводя панику в стане крепкого еще в то время врага. Наши боевые организации были сильны и крепки и по духу, и по дисциплине, и во всех схватках с царским правительством мы всегда почти выходили победителями, или вовремя отступали, и это спасало нас от клеветы и исключения из партии.

20. Врагу Савинкову было отдано больше почета и внимания, чем мне, [а я значу меньше его] только потому, что наша партия никогда не признавала героев. История не простит позора моего заключения, моего умирания.

21. На мой вопрос т[оварищу] Запалову, почему мне пришили статью, ни с какой стороны мне не подходящую, поставив над ней застенчивую цифру 16, – он ответил: «Статья не важно – важно суть дела». Будучи еще молодым арестантом, я принял это на веру. И лишь только здесь, в Соловках, я хорошо почувствовал, что это значит приштампованная мне статья. «Мы судили Вас как чекиста, и [ведите себя], как чекист». Так напутствовал меня т[оварищ] Запалов. Действительность показала мне и в том, и в другом совершенно обратное. Я имел желание работать в ИСО, чтобы получить хороший опыт, чтобы по окончании срока всецело посвящать себя этой работе на воле, но я получил отказ по соображениям этой статьи. Больше того – я не могу занять место как единоначальника, потому что для этого нужно состоять в ВОХРе, а туда я попасть не могу, ибо моя статья этому препятствует. Я имею крупный административный опыт, но применить его в широком масштабе также не могу – на пути стоит опять та же статья, и если [руководствоваться] лишь формальными соображениями, не обращая внимания на письмо из Москвы, местная администрация, конечно, права, и не удивительно после этого, если я попал в архив.

22. 1. Почему прилагается биография. Половина перечня не нуждалась в повторении, ибо она напечатана, но в искаженном виде. Остальные –

Вы свидетели сами, но часть, особенно касающаяся Октябрьской Революции – Вам не известна. 2. Ложность позиции, занятая Вами в этом деле. 3. Может быть, Вы скажете, это письмо не призыв, а вызов, возможно. И причиной этого может быть Ваше пассивное положение, из которого Вы едва ли сможете выйти добровольно, если не принять [каких-либо] мер. В этом разрезе – возможно, мое письмо является и вызовом, но я это[го] не хотел. 4. Моя семья должна знать истину, обязать тех, кто носит мое имя, оградить, дать им справедливое право считаться членами семьи честного революционера и гарантировать их от неминуемых ударов в жизни, если бы истина осталась не восстановленной.

23. Чтобы не быть еще раз оскорбленным недоверием – я пошел (неправильно, ошибочно, но другого выхода для меня не было) по пути наименьших моральных страданий и взял на себя «усталость, разочарование». Я спрашиваю Вас всех, верите ли Вы в эти «усталость», «разочарование», зная меня, и можно ли себе представить, чтобы я добровольно прибыл в СССР, если бы не чувствовал своей правды? [Как бы я мог] ехать на суд, на верное осуждение и [осуждение] суровое. Да, плохо, наверное, разобрались в моем поведении, если никто даже не удивился и не усомнился в моем психическом здоровье, увидя, что я явился в СССР для обьявления себя самого в измене.

24. У нас, старых боевиков-уральцев, были свои традиции, свои особые понятия о чести, храбрости и трусости: по отношению к врагу все средства были хороши и беспощадны, и его мнение о нас было безразличным. По отношению к товарищам до [...] людей чуткое прислушивание и реагирование на определение трусости и храбрости. Кто бы мог осмелиться из нас отказаться перед товарищами держать в руках на расстоянии 15–20 шагов небольшую учебную мишень для стрельбы из браунинга или маузера. Кто решился бы из нас в момент партизанского набега бросить своих товарищей на растерзание толпы, как проделал это в Челябинске захотевший испытать сильных ощущений наш уральский специалист по вопросу – Преображенский.

Архив Л.К.Карповой.

К.А.Стойнович

ПИСЬМО БОЕВИКАМ-ПОДПОЛЫЩИКАМ*

Соловки, 26 июня 1931 г.

Товарищи!

Предлагаемый в настоящем письме Вашему вниманию вопрос о мотивах моего перехода к учредилловцам я намеревался поднять по окончании срока моего наказания, но мое заключение, несмотря на прошедшие уже три года, вопреки всяким предположениям, начинает затягиваться.

Проходят годы, старая гвардия боевиков постепенно вымирает (умер *Дьяконов*, отравился *Чеверева*, убит бандитами *Зенцов*), и для меня не исключена возможность иметь Соловки последним пристанищем, и я начинаю тревожиться, что мое «преступление», за которое из коммунара меня сделали арестантом, может остаться темным пятном в моей революционной биографии.

Моя тактическая ошибка, подведенная под статью позорного контрреволюционного деяния, если и не сможет, как таковая, отпасть совершенно, как отпали все прочие, то должна будет получить иное освещение, а именно красное, а не черное.

Будучи еще в Китае, я узнал из прессы СССР о попытках некоторых коммунистов-партийцев, считавших меня навсегда похороненным, распускать про меня всевозможные небылицы о моих «ужасных контрреволюционных актах».

Меня обвинили и в намерении вывезти б[ывшего] царя из России, и в службе у Колчака и Деникина, и пытались даже очернить мое революционное прошлое. Это ускорило мое решение вернуться в СССР и предстать перед судом партии, в рядах которой я боролся и борюсь всю свою жизнь, и заставило меня сосредоточить главное внимание на опровержении этих обвинений.

Нужно было доказать, что в инциденте с перевозкой Романовых из Тобольска в Екатеринбург я был прав и действовал по распоряжению центра и доказал это документально: телеграфными лентами моих переговоров Тобольск, Тюмень, Омск – Москва, Кремль. К сожалению, мои документы (около 50 шт.) не опубликованы в партийных органах, и поэтому все мои друзья и личные враги находятся в этом вопросе в полном неведении.

Второй главный вопрос – нужно было доказать свою чистоту поведения партийца в работе последних лет в Китае. Задача чрезвычайно трудная, т[ак] к[ак] работа большей частью (1919–1924 гг.) велась нелегально,

и документов сохранить не всегда было возможно. Здесь я все свои десять лет шаг за шагом развернул перед следственными властями, подтверждая все фактами, и эта часть моей революционной деятельности, как мне заявили в ОГПУ, была расследована детально и дала также только благоприятные для меня результаты.

Таким образом, все мыльные пузыри досужих писак о моей чуть ли не контрреволюционной деятельности лопнули тут же, лишь только по возвращении из Китая в СССР мною были предоставлены документальные данные.

Однако есть еще один момент – мой переход к учредиловцам.

Этот вопрос остался до сих пор мною не разъясненным. Не придавая большого значения переходу и не ожидая столь сурового наказания, я надеялся по освобождении и это обвинение если не снять с себя совершенно, то по крайней мере документально разъяснить мотивы моего поступка.

Вот об этих-то документальных данных я и буду сейчас говорить.

Первое. Петр *Гузаков* должен помнить, как в период 1918 г., когда он был моим помощником командующего армией, у нас во время борьбы с белыми были сомнения в успехе массового наступления.

Перед уходом из Самары мы не исключали возможности перехода с массовых боев фронтами на партизанщину и возможность занятия территории Урала белыми. И чем более я тогда думал об этом, тем глубже убеждался в скорой необходимости перехода в подполье. Как результат этого убеждения, мною было дадено распоряжение отправить два вагона разного оружия (главным образом, пулеметов) в Симский округ и спрятать там в ущельях гор на случай перехода на нелегальное положение. Оружие отправили и укрыли в районе Симского завода. Это было исполнено симцами, которых можно всегда разыскать и опросить.

Таким образом, вы видите, вопрос о продолжении борьбы в тылу противника мною ставился не только теоретически, но и практически, и значительно ранее моего перехода к учредиловцам.

Второй серьезный момент – это происходившее за несколько дней до моего отъезда в тыл противника совещание партийцев-боевиков. На этом собрании присутствовали: т[оварищи] *Кривов, Немвицкий, Чеверов, Алексакин, Дьяконов, Зенцов, Ермолаев* и др. – всего более десяти человек. Совещание проходило, как вам известно, в беседе городского сада. На нем я заявил, что наступило время партизанщины на Урале, т.е. пришел момент перехода к подпольной работе. Нам, боевикам, необходимо перейти в тыл, и что я лично решил это сделать и еду в Уфу, в район, более других мне известный. Охотников, кроме меня, на этом совещании не оказалось. Я со своим мнением остался в одиночестве (позднее Вы также пришли к этому выводу, и многие из Вас действовали в тылу

противника), но никто из присутствующих не возражал против того, что я сделаю это самостоятельно. По согласованию с Уфимским Советом я получил от соответствующих организаций 5000 руб. денег, тарантас, лошадь, документы (кажется, на [имя] Крылова) и выехал через фронтową полосу в Уфу.

Третье. Мое трехмесячное пребывание (нелегальное) в Уфе в подполье. Все это время с момента своего приезда в Уфу и до последнего дня перехода к учредиловцам я жил и скрывался у старого партийца Василия Горелова. И в ожидании известий из Сарапула от товарищей боевиков, которым я дал явку на Владимира Алексеева, вел разведку в Уфимском районе, разъезжал по нему с отцом Горелова в качестве скупщика меда. Этот момент весьма не трудно проверить, стоит только обратиться к Василию Горелову и ко всем членам его семьи.

Таким образом, перечисленные факты неопровержимо доказывают, что путь мой, как до подпольного периода в Уфе, так и в момент подпольной жизни — ясен и чист, и исказить его или загрязнить, при всем злом намерении кого бы то ни было, не удастся.

Теперь остается последний момент — мое воззвание к учредиловцам, мой переход, за что отбываю ныне суровое наказание в Соловецком лагере.

Гражд[анин] *Опарин* в одном из журналов «Былое Урала» объясняет мой переход якобы моей расплатой за угрожаемый при внезапном моем аресте чехами расстрел. Лживость этой инсинуации рассеивается фактом моей подпольной жизни у Василия Горелова. Меня до момента моего открытого перехода на сторону противника никто не арестовывал: К учредиловцам я пошел добровольно.

Возникает вопрос почему я это сделал.

Приступая к описанию единственного за всю мою долголетнюю революционную деятельность против партии поступка, и как это случилось — я должен указать сначала на одну психологическую черту боевика-уральца, выработавшуюся у него в процессе длительной работы и часто заставлявшей его проявлять значительно большую самостоятельность, чем это допускалось партийными рамками.

Мы, боевики, не всегда согласовывали свою боевую деятельность с партией. Приходилось сначала тщательно и конспиративно от всех обдумывать какой-либо план, затем совершать экспроприацию или террористический акт и только постфактум, если тот или иной акт был удачен, получали санкцию партии. Наша своеобразная борьба и работа развила в нас чрезвычайную инициативу, благодаря чему мы нередко действовали даже вопреки того или иного постановления парторганизации, и только наши удачи спасали нас от исключения из партии.

Поэтому, когда уезжал я из Сарапула в тыл противника, я по-прежнему был уверен, как старый боевик, что имею тот карт-бланш, которым я всегда пользовался в борьбе с врагами в тяжелые годы царизма. Касательно работы я сам не знал, в какой форме она выльется в подполье, да и трудно было заранее сказать, что-либо по этому вопросу. Я знал, что оружие на Урале имеется, боевиков и партизан я наберу среди симских рабочих, а остальное все будет в наших руках. Подробный план я решил выработать на месте по приезду в Уфу, но когда я приехал туда, я только там узнал, что в Симу произошла катастрофа: склады оружия выданы предателем, симцы терроризованы и разбежались, оставшиеся партийцы в Уфе так глубоко ушли в подполье, что в тот момент ни о какой боевой с ними работе не могло быть и речи. От товарищей боевиков из Сарапула никаких известий я не получал, и тем не менее я еще надеялся на их приезд. (После перехода за несколько дней до моего ареста в Уфу приехал т[оварищ] *Алексакин*). Выходя по ночам из своего подполья, я видел, как учредиловцы свертывали свои организации и готовились к эвакуации. Город кишел бежавшими с фронта солдатами. Красная Армия была на подступах к Уфе, и при каждом ее ударе весь тыл противника содрогался и приходил в панический ужас.

Три месяца наблюдал я агонию учредиловцев, бездействие тяготило меня, не было ни одного товарища, с которым можно было бы посоветоваться, но и вернуться обратно и отступить при таком положении, когда видишь, что достаточно одного внутреннего толчка, чтобы все здание учредиловцев рухнуло — я считал для себя, как боевика, невозможным, и вот в этот-то момент у меня созрел план удара противника в тыл, воспользовавшись для этой цели его же аппаратом.

Для осуществления этой цели я решил использовать Владимира *Алексеева*, у которого среди учредиловцев имелись большие и солидные связи. Изданная незадолго до этого момента командующим чешской армией декларация о прощении и приеме в армию учредиловцев всех желающих перейти на их сторону красноармейцев — облегчала мои действия, а для большего эффекта я пустил в уфимских газетах небольшую заметку о том, что быв[ший] командующий Самарским фронтом *Яковлев* Советским правительством объявлен вне закона.

Итак, я начал опасную игру. Меня могли при первом же моем появлении повесить, прикинувшись, что они верят моему заявлению.

Когда по прибытии в Уфу я задал т[оварищу] *Алексееву* вопрос, как поступят со мной если меня откроют — «повесят», ответил он, не задумываясь. Следовательно, опасность была велика, но я шел один и никого в это безумное предприятие не втягивал.

Единственно, что останавливало меня и заставляло серьезно задуматься, прежде чем совершить этот роковой для себя шаг — это вопрос, как

отнесетесь к этому Вы, боевики, и как этот акт будет расценивать партия, но, зная по опыту наших боевых организаций много примеров, что победителей не судят, я ринулся в пасть противника, чтобы взорвать его изнутри.

И если бы мне удалось осуществить задуманное дело хоть отчасти, тогда результаты моей работы сами бы оправдали мой поступок, и тогда, разумеется, не в Соловках сидел бы я, но на этот раз обстоятельства сложились против меня, и меня постигла неудача.

Вскоре учредиловцы были разогнаны, колчаковцы меня арестовали, заявив на допросе, что номер с заявлением не пройдет, и что они не такие глупцы, как учредиловцы, чтобы придать ему какую бы то ни было веру. План мой рухнул. Меня увезли под конвоем контрразведчиков, пытавшихся в пути спровоцировать меня под расстрел, в Омск к Колчаку на расправу, и только при помощи Кошека мне удалось бежать в Китай, где я тут же снова приступил к партийной работе и где начинается опять чистая страница моей революционной деятельности.

Таким образом, только для оказания возможно большей помощи своей партии в тылу противника пожертвовал я собой, но не другими, и решился на этот губительный для себя шаг, и кто знает меня и мою долготельную революционную деятельность, тот не может допустить, чтобы я, всю жизнь прошедший в боях с царским правительством, будучи все время на ответственном боевом посту партии, мог бы действительно перейти на сторону врага с намерением защищать его в последние дни его издыхания.

Нелегальное положение, в котором я находился, меня пугать не могло, т[ак] к[ак] в таком состоянии я провел большую часть своей жизни, и провел, как вам известно, неплохо. Наконец, я мог вернуться в Москву, фронт меня задержать не мог.

Вот мотивы, заставившие меня совершить акт перехода к учредиловцам.

Но так как Ваше настоящее партийное и особенно служебное положение сделало многих из Вас по отношению к старым, попавшим в беду товарищам скептиками, то последние могут вполне резонно, с их точки зрения, сказать: да, все это так, жизнь твою мы знаем, она прошла у нас на глазах, революционную деятельность также, но мотивы твои для нас не убедительны. Нет фактов, чтобы мы могли без неприятных для себя последствий предпринять что-либо в сторону переоценки твоего перехода к учредиловцам.

И мне трудно доказать целесообразность своего поступка, раз нет налицо положительных результатов моего перехода, а имеется лишь голый факт перехода.

Поэтому не будем говорить о том, чего нельзя доказать фактами и чему в данном случае, в силу сложившихся обстоятельств, приходится только

верить на слово, и то при условии, если оно имеет для скептиков какое-либо значение. Но так как меня, старого ветерана двух революций, бросили в среду шпаны казров (история нас в будущем рассудит) – то вопрос о доверии на слово, очевидно, отпадает.

Перейдем к фактам и посмотрим, о чем они говорят.

Вот они:

1. Моя революционная подпольная работа в течение многих лет исключительно с большевиками.

2. Мое активное участие в Октябрьском перевороте и разгоне учредителей в кульминационный момент их популярности.

3. Заготовка оружия на случай борьбы в тылу противника.

4. Сарапульское совещание партийцев боевиков.

5. Жизнь в подполье в Уфе перед переходом к учредителям.

6. Переход к учредителям в момент их развала.

7. Арест после выпуска воззвания.

8. Моя последующая работа в Китае.

С этими фактами в руках Вы имеете возможность проследить весь мой путь от Сарапула до дверей учредительской, и Вы увидите, могла ли моя ошибка иметь черную контрреволюционную окраску.

Итак, Вы можете как угодно отнестись к моему переходу к учредителям, но если Вы хоть раз вдумаетесь серьезно в историю моей жизни, известную Вам с детства, и наберетесь мужества связать концы моей разрушенной этим переходом биографии (последний момент до перехода и затем начало периода моей партийной работы в Китае), тогда Вы увидите, что *Яковлев* не мог сознательно перейти на сторону врага, чтобы спасти его от гибели. *Яковлев* слишком много взял на себя, действуя во время перехода к учредителям без санкции боевиков и партии, и поэтому сорвался, но никогда его поступками не руководила измена.

Заканчивая настоящее письмо, повторяю свою просьбу – зафиксировать на бумаге указанные мною факты, которые для меня весьма важны и которые освещают мой поступок совершенно иначе, чем говорят об этом мои личные враги.

Бывший Командарм и Зам[еститель] Пред[седателя] Чека

26 июня 1931 г.

Яковлев (Стоянович-Мячин)

Соловецкий лагерь.

*Письмо адресовано Алексакину Василию, Алексееву Владимиру, Гузакову Петру, Горелову Василию, Кривову Василию, Немвицкому Борису, Туманову Степану, Ермолаеву Андрею.

В черновике адресатами кроме того были Сулимов Данила, Рындин, но они вычеркнуты.

Архив Л.К.Карповой.

III

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.В.ЯКОВЛЕВА ВЕСНОЙ 1918 г.

А.Г.Белобородов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

[датируются февралем 1922 г.]

Я приехал в Екатеринбург из Петрограда, после разгона Учредилки в конце января 1918 г. ...

Насколько я помню теперь, мы, уральцы, представляли дело таким образом: Николай и его семья должны быть перевезены на Урал. Этим совершенно устраняется (при организации соответствующих условий надзора и охраны) возможность к побегу. Кроме того, если бы друзья Николая с германской стороны захотели его от нас вырвать, у нас остаются тысячи возможностей его ликвидировать в процессе отправки.

Мне не пришлось участвовать в принятии мер на первых шагах деятельности Областного совета по вывозу Николая из Тобольска. Эти меры по решению Облсовета были приняты в мое отсутствие Бор[исом] Вл[ади-мировичем] Дидковским – моим заместителем, товарищем председателя Облсовета, когда я находился в Вятке по поручению Облсовета. По приезду из Вятки во второй половине марта месяца т[овариш] Дидковский сообщил мне, что сделаны шаги к тому, чтобы согласовать вопрос о переводе Николая с Зап[адно]-Сибирским Советом (в Омске), что в Тобольск послан с поручением тов[ариш] Заславский.

Здесь необходимо остановиться на личности Дидковского и Заславского, игравших значительную роль в деле перевода Николая II из Тобольска.

Б.В.Дидковский – бывший эмигрант, инженер (кажется юрист), перешедший еще до Октябрьской революции к нам от интернационалистов-меньшевиков [*1]. В Екатеринбурге он работал по своей специальности, в Совнархозе, созвал первый после Октябрьской революции Уральский областной съезд рабочих золотоплатиновой промышленности, национализировал целый ряд предприятий в Екатеринбурге (пособием при [определении] подлежащих национализации предприятий ему обычно служили телефонные книжки г. Екатеринбург). После эвакуации Екате-

ринбурга он был заведующим Уральским секретариатом в Москве (представительство Уральских Областных организаций), потом по возвращении из Москвы выполнял боевые задания Реввоенсовета III армии по обороне перевалов на Северном Урале, потом был заместителем, а затем и начальником снабжения III армии, теперь посвятил себя педагогической деятельности в Уральском горном институте [*2].

Тов[ариш] Заславский (имя и отчества не помню) – питерский рабочий, посланный на Урал ЦК партии, был председателем Надеждинского Совета рабочих депутатов. Старый член партии, решительный человек, был довольно заметным работником на Урале. Теперь я потерял его из виду. Он, кажется, собирался делать военную карьеру, хотел поступить или даже поступил в 1919 г. в академию Красного Генштаба (Заславский был слушателем академии) Генштаба[*3]).

Заславский получил примерно такого рода директивы. По приезду в Тобольск выяснить общее политическое положение на месте, настроение местного совета, ознакомиться с условиями, в которых содержится Николай II, и с режимом, применяемом к нему, проникнуть в место содержания Николая и лично удостовериться, что он находится налицо, стараться подчинить своему влиянию стражу и подготовить перевозку Николая в Екатеринбург.

По приезду туда тов[ариш] Заславский встретил противодействие решительно со всех сторон. И начальник охраны офицер Кобылинский, и местный Совдеп отнеслись враждебно и недоверчиво к Заславскому. Положение его осложнилось еще тем, что Зап-Сибсовдеп (Омск) тоже послал в Тобольск своего представителя. В конце концов и нашего представителя, и омского хотели арестовать, обвинили их, кажется, в агитации против совета и в намерении проникнуть к Николаю. Насколько мне помнится, Облсовет обратился к Я.М.Свердлову с просьбой подтвердить полномочия Заславского, было ли получено это подтверждение, теперь уже не помню. Дальше уже начинает фигурировать «комиссар ВЦИК и СНК»[*4] В.В.Яковлев, роль которого во всей этой истории носит характер довольно загадочный и сомнительный. Сомнения, которые у нас были, и недоверие к Яковлеву потом полностью подтвердилось.

Прежде чем перейти к «яковлевскому» периоду всей этой истории, необходимо остановиться на одном чрезвычайно важном обстоятельстве в линии поведения Облсовета. Мы считали, что, пожалуй, нет даже необходимости доставлять Николая II в Екатеринбург, что, если представятся благоприятные условия во время его перевоза, он должен быть расстрелян в дороге. Такой наказ имел Заславский и все время старался предпринимать шаги к его осуществлению, хотя и безрезультатно. Кроме того, Заславский, очевидно, вел себя так, что его намерения были разгаданы Яковлевым, чем до некоторой степени и объясняются возникшие

потом между Заславским и Яковлевым недоразумения довольно крупного масштаба.

Будучи посвященными в наши планы по перевозке, во что бы то ни стало, Николая из Тобольска, московские товарищи (осведомлявшиеся об этом нашими снабженцами и особенно через товарища Голошкеина, ездившего в Москву) послали для исполнения этого решения В.В.Яковлева, старого подпольщика-большевика, потом ставшего ренегатом и перешедшего к чехословакам (Перед переходом к белым Яковлев, будучи тогда командующим Уральским фронтом, взял в Самарском финотделе 10 мил. руб., с которыми и убежал. Говорят, что теперь он где-то в Монголии занимается торговлей[*5]). Яковлев рабочий Миньярского завода, учился в Кипрской школе[*6], после февральской революции работал на Урале, после Октября находился в Петрограде, потом в начале 1918 приехал в Екатеринбург, будучи назначен Областным Военным Комиссаром, уехал снова с Урала и, наконец, появился весной 1918 г., чтобы перевозить царскую семью из Тобольска.

Яковлев имел мандат от председателя ВЦИК и председателя СНК на право руководить перевозкой и привез также письмо Я.М.Свердлова[*7], в котором говорилось, что ЦК решил перевезти Романова из Тюмени в Екатеринбург, что Яковлев должен сдать Романова Белобородову и Голошкеину, и что Яковлеву нужно оказать содействие. Сформировав из рабочих Миньярского завода отряд до 50 человек, Яковлев незадолго до вскрытия рек поехал в Тобольск, взял там Николая и перевез его перед самым вскрытием реки ... усадил на пароход, на пароходе довез до Тюмени, а из Тюмени повез дальше на Екатеринбург[*8].

Я упоминал уже выше о крупных недоразумениях, происшедших между Заславским и Яковлевым. Когда Яковлев приехал в Тобольск, он встретил там Заславского, кое-что уже сделавшего в смысле установления связей с командой, охранявшей Николая II и работавшего над подготовкой выполнения других поручений Дидковского. Яковлев заявил Заславскому, что не признает его полномочий, отказался работать с ним вместе, и дело доходило, кажется, до того, что тот и другой брались за револьверы в разговорах друг с другом.

Надо сказать, что у Заславского еще в Тобольске возникали подозрения против Яковлева. Насколько они были небезосновательны – показало будущее.

Обстановка, в которой готовился переезд царя, и сам переезд описан в книге Жильяра, воспитателя Алексея. Судя по рассказам товарищей, Жильяр изложил события этого времени довольно правдоподобно, если не считать специфического привкуса от всего повествования.

В Екатеринбурге тем временем приходилось заботиться о помещении для такого «дорогого» гостя. Очень трудно было найти подходящее здание.

Мне и Хотимскому[*9] пришлось ездить и осматривать целый ряд зданий. Одно время даже предлагали поселить Николая в тюрьму. Вместе с т[оварищем] Голошекиным, кажется, два раза ездили осматривать Екатеринбургскую тюрьму и арестный дом, наметили даже к освобождению один из небольших тюремных корпусов, но потом эту мысль оставили, так как условия охраны оказались неблагоприятными и не давали гарантии к полной изоляции «арестанта». Между прочим, маленькая подробность: начальником Екатеринбургской тюрьмы тогда был некто Шечков, бывший помощник начальника Пермской тюрьмы в 1911–12 гг., когда я сидел там, сажавший меня неоднократно под арест в карцер. В конце концов, наш выбор остановился на особняке Ипатьева. Жильцы из него были выселены, и все здание было обнесено высоким забором из теса (потом был устроен еще и второй забор).

Поезд Николая не обошелся без происшествий, которые устроил в дороге Яковлев. Посадив в Тюмени Николая, Алису и княжну Марию в поезд (он привез только этих трех лиц и человек 2–3 прислуги), он довел поезд до одного из разъездов, затем приказал поезд переформировать и погнал его обратно через Тюмень на Омск. Сведения об этом я получил от Областного комиссара транспорта Медведева (левый эсер). Тотчас же было созвано экстренное заседание Облсовета, которое и вынесло решение задержать поезд во что бы то ни стало, объявить Яковлева предателем и изменником, в случае необходимости не останавливаться перед уничтожением и Николая, и Яковлева. Одновременно с этим был вызван к прямому проводу Я.М.Свердлов.

По всей сети сибирских железных дорог была разослана телеграмма примерно следующего содержания: «Комиссар ВЦИК Яковлев, обязанный доставить бывшего царя в Екатеринбург, везет его в Сибирь. Яковлев нарушил данные ему ВЦИКом задание. Облсовет считает этот поступок Яковлева предательством и объявляет его изменником и врагом революции, все мандаты Яковлева объявляются аннулированными. Облсовет предлагает всем Советским организациям, партийным железнодорожным властям принять меры к аресту Яковлева и к возвращению поезда в Екатеринбург. В случае вооруженного сопротивления не следует останавливаться перед расстрелом Яковлева и пассажиров поезда»[*10]. Эта телеграмма сделала свое дело. Омичи встретили Яковлева, расставив пулеметы, расставив цепи красногвардейцев и закрыв железнодорожные пути. Яковлев, очевидно, узнав о телеграмме, приехал в Омск на паровозе, оставив поезд на одном из разъездов. Тут его встретили представители Зап.Сиб. Совдепа [и] т[оварищ] Косарев, с которым мы к тому же успели переговорить по проводу и предупредить его. Яковлев оказался хорошим знакомым Косарева (они оба были в Киприйской[*6] школе). Дело, кажется, было улажено тем, что было решено этот вопрос, с путешествием

поезда, передать на разрешение Я.М.Свердлова. Яковлев имел по этому поводу разговор с Кремлем из Омска. После него говорили с Кремлем мы. У аппарата были: я, Голощекин, Сафаров, Толмачев, Хотимский и Дидковский. Сначала с нами говорил один Я.М.Свердлов, потом подошел к аппарату и [товарищ] Ленин. Мы выразили возмущение поступком Яковлева, характеризуя его как авантюру и прямое нарушение известных нам распоряжений ЦК о переводе Николая в Екатеринбург. Я.М.Свердлов сказал, что, по сообщению Яковлева, мы намерены «ликвидировать» Николая, что ЦК этого допустить не может, и что Николай может быть возвращен в Екатеринбург только при условии гарантии с нашей стороны за его целостность. Мы такие гарантии дали, и Яков Михайлович заявил, что Яковлев вернется в Екатеринбург. Дня через два Яковлев с поездом был в Екатеринбурге. Поезд остановился в 2–3 верстах от города на ст. Екатеринбург-товарная[*11].

Принимать Николая выехали: я, Дидковский, Голощекин и Авдеев[*12]. В вагоне Яковлева я выдал ему расписку, текст которой приводился неоднократно белогвардейскими газетами. Ее также подписал и Дидковский. Помню, что, когда я перечислял принятых лиц, то сделал ошибку: вместо «великая княжна», написал «бывшая великая княгиня», хотел исправить, но Дидковский остановил, сказав, «пусть так и останется».

Для сдачи арестантов Яковлев выстроил свою команду цепью около поезда, приказал вывести из вагона Николая, Алису и Марию и, передавая их мне, назвал каждого. Затем мы их всех троих усадили в закрытый автомобиль, в который рядом с шофером сел Дидковский.

Мы с Авдеевым сели во второй автомобиль, дали знать ехать, закрытый пошел первым, наш автомобиль вторым и, при полном ходе машин, без всякого конвоя через весь город мы доставили бывших «царствующих особ» в Ипатьевский особняк. Чтобы отбить их, достаточно было устроить нападение 4–5 человек, вооружены мы были: Дидковский – наганом, Авдеев – маузером, я – браунингом. Голощекин приготовил для конвоирования грузовик с солдатами (красногвардейцами) – но он почему-то остался на станции около поезда. Никогда Николай II, вероятно, так плохо не конвоировался. И приготовления, и встреча, и условия содержания на первых порах «гостей» носили на себе печать той малоорганизованности и большой спутанности, которыми отличалось то время. Прежде всего, у нас не было такой охраны для арестантов, которая по своей надежности вполне соответствовала бы важности узников. Наиболее надежные воинские (только что сформированные) части зарождающейся Красной Армии были в походе против Дутова, туда же были оттянуты и все красногвардейские отряды. Поэтому на первых порах караул пришлось наряжать из частей гарнизона, и нельзя сказать, чтобы он был

удовлетворителен. Когда мы привезли Николая II, Алису и Марию из вагона, в карауле стояли какие-то прапорщики, взятые по мобилизации, которых пришлось через несколько часов сменить.

Через некоторое время, вернувшись с дутовского фронта, Мрачковский[*13] сформировал из рабочих Сысертского завода специальный отряд для охраны «ДОНа», как назывался особняк Ипатьева.

После «сдачи» арестантов у нас произошло объяснение с Яковлевым. Он высказал свое возмущение (!) теми мерами, которые мы приняли для возвращения его поезда в Екатеринбург, и тем, что мы осмелились заподозрить его революционную добропорядочность, все ссылаясь на то, что он старый революционер, и что он действовал как солдат, исполняя приказание свыше. Расстались мы полуврагами, полудрузьями. Оставшихся членов царской семьи и многочисленную челядь из Тобольска в Екатеринбург перевозили под руководством т[оварища] Хохрякова, уехавшего в Тобольск вскоре [после] отъезда туда Заславского; Хохряков оставался там в промежутке между отъездом Яковлева с царской семьей до вывоза остальных комендантом губернаторского дома.

После начала навигации, с первым пароходом Хохряков доставил до Тюмени, а затем поездом оставшихся: княжен Ольгу, Татьяну, Анастасию и наследника Алексея, доктора Боткина[*14] и прислугу. Вместе с ними прибыли в большом числе придворные, находившиеся с царем в Тобольске, воспитатель Алексея – Жильяр и челядь: повара, горничные, дядьки и т.д. Перевозка второй партии прибывших была поручена Мрачковскому, ему же было поручено отсортировать прибывших: часть пропустить жить вместе с царской семьей, часть посадить в тюрьму, а остальную, большую часть просто не пускать в Екатеринбург и предложить им выбираться, куда хотят. В числе этих последних был и Жильяр, написавший затем книжку со своими воспоминаниями о царской семье. Судя по этой книжонке, большим умом этот «воспитатель» не обладал, и из наследника, несомненно, готовили такого же болвана, каким был и сам Николай II.

В тюрьму посадили князя Долгорукова, графа Татищева, княгиню Гендрикову и еще одну какую-то высокопоставленную старуху[*15]. Кроме них, были посажены Нагорный – дядька (бывший матрос) и еще один из челяди[*16].

Переезд из Тобольска в Екатеринбург, несомненно, отразился в худшую сторону на «высочайших особах». Во-первых, Екатеринбургский режим был организован применительно к тюремному (достаточной высоты забор перед окнами, не позволяющий видеть ничего, кроме куска неба, ограничение прогулки одним часом, караул внутри здания в комнатах, смежных с теми, где жили арестанты), сокращение числа лиц, окружавших арестантов в Тобольске и составлявших общество для царской семьи,

в-третьих, сокращение порциона (выдавалось в Екатеринбурге по 500 р[ублей] на человека), в-пятых, контроль за перепиской (письма, приходявшие с «воли» и отправлявшиеся арестантами, просматривались мною), в-шестых, прекращение всякого рода свиданий с лицами, находившимися вовне, и так далее.

- *1. Дидковский Борис Владимирович (1883–1938). Белобородов ошибается: Дидковский окончил университет в Женеве и работал с 1913 г. на Северном Урале геологом. С интернационалистами не связан. Расстрелян как враг народа. Реабилитирован.
- *2. Дидковский считается одним из организаторов Уральского государственного университета. В 1920-х гг. читал лекции по геологии в горном институте.
- *3. Пометка Белобородова между строчек карандашом с датой «XII – 1923 г.».
- *4. Кавычки поставлены Белобородовым.
- *5. Неверно – Яковлев в Монголии не был.
- *6. Белобородов имеет в виду партийную школу на Капри (на острове Кипр российских партийных школ не было). Яковлев учился не в Каприйской, а в Болонской школе.
- *7. См. документ № 3.
- *8. Белобородов не владеет информацией о перевозке Романовых: не знает названий рек, селений. Неверно, что Яковлев пользовался пароходом.
- *9. Хотимский В.И. – эсер, член президиума Уралсовета.
- *10. См. документ № 5.
- *11. Екатеринбург II, ныне станция Шарташ.
- *12. Еще одна ошибка Белобородова: Авдеев прибыл вместе с Яковлевым из Тобольска.
- *13. Мрачковский Сергей Витальевич (1888–1936). Большевик, адвокат. В 1918 году комиссар Екатеринбургско-Челябинского фронта. Во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. – активный сторонник Л.Д.Троцкого. Расстрелян в 1931 году за «контрреволюционную деятельность». Реабилитирован.
- *14. Ошибка Белобородова: Боткин был доставлен в Екатеринбург 30 апреля с первой группой Романовых.
- *15. Шнейдер Е.А.
- *16. Чемодуров Т.И. Все лица, упомянутые здесь, кроме Чемодурова, были расстреляны.

ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.56. Лл.1–25.

КАК МЫ ПЕРЕВОЗИЛИ БЫВШУЮ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ (Из воспоминаний)

В апреле 1918 г. в штаб уфимской боевой организации народного вооружения явился комиссар Яковлев и предложил на основании имеющегося у него мандата от СНК сформировать отряд в 45 человек из надежных товарищей.

Сформирование отряда было поручено мне. [...]

Было предварительно решено оставлять на каждом станке [*1] по одному кавалеристу из нашего отряда для подготовки не менее 20 троек к моменту нашего возвращения, день которого будет сообщаться условными телеграммами.

Когда подали подводы, мобилизованные под перевоз нас в Тюмень, я распределил товарищей по местам и тут же предупредил, что с этого момента в отряде наводится строгая дисциплина и по отношению к нарушителям будут применяться жестокие меры наказания. [...]

До меня дошли сведения, что в городе появились офицеры, организовавшие в общество «фронтовиков» для освобождения семьи Романовых. Общество это насчитывало за 1000 человек, но за отсутствием оружия не предпринимавшего никаких реальных действий.

Я просил губисполком в предупреждение возможного нападения выставить к моменту выезда Романовых надежный караул от бывшего дома губернатора до реки Иртыш. Затем я договорился относительно подачи лошадей. Мне удалось получить только 19 троек. К 12 ч[асам] ночи нам должны были их подать, запряженные в прочные добротные тарантасы. Проездная плата нами уплачивается поверстно, для чего у нас в отряде был назначен завхоз тов[арищ] Фотиев. Он же передал для раздачи ямщикам бумажные ярлыки с порядковым номером и правила, которыми следует точно руководствоваться во время пути. [...]

К 12 часам отряд совсем был готов [...] Выходим на улицу. В колонну выстроено 19 троек. Согласно ранее выработанного плана, даю распоряжение команде за №№ 4, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 въехать во двор бывшего губернаторского дома. [...]

По въезде тарантасов во двор сейчас же началась укладка багажа и посадка важных пассажиров.

Татьяна и Ольга вышли во двор вместе с отъезжающими и стояли рядом с родителями, чуть сдерживая слезы. В момент посадки же раздался громкий рыдания — это плачут старшие дочери Романовых.

Наконец, посадка закончена, тройки выезжают на улицу, становятся на свои места согласно номеров. Смотрю на часы — половина второго.

Поезд готов. На всякий случай делаю последнюю поверку, все ли на своих местах.

Порядок поезда был следующий:

В тарантасе № 1 – 2 стрелка.

" 2 – 2 пулеметчика с пулеметом Кольта

" 3 – 2 стрелка

" 4 – комиссар Яковлев и Николай

" 5 – 2 стрелка

" 6 – Алиса и Мария

" 7 – 2 стрелка

" 8 – 2 стрелка

" 9 – князь Голицын [*2] и доктор Боткин

" 10 – стрелок и завхоз

" 11 – камердинер и камердинерша

" 12 – Татищев с необходимым в дороге багажом и провизией

" 13 – багаж пассажиров

" 14 – багаж пассажиров

" 15 – багаж пассажиров

" 16 – два представителя от бывшей охраны

" 17 – два пулеметчика с пулеметами

" 18 – два стрелка

" 19 – начальник отряда

Для разведки вперед были высланы пять товарищей кавалеристов верхами. Отдал им распоряжение: по очереди одному отставать для доклада мне о произведенном ими наблюдении.

Все на месте. Все в порядке. Даю сигнал к отправлению, и поезд трогается.

Ночь. В городе тихо. Чуть виднеются силуэты часовых, выставленных Губисполкомом на пути нашего следования. [...]

Пока перепрягали лошадей, мин[ут] 5–7, вокруг меня собралась вся деревня и стар, и млад [...]

Один старик с большой седой бородой особенно пристал ко мне:

– Паря, ты уж будь добр, скажи бога ради, куда это царя-батюшку везут? В Москву што-ль?

– В Москву, дедушка, в Москву.

Отъезжая, слышу слова старика:

– Ну, слава те, Господи, теперь будет порядок. [...]

Не доезжая верст пяти до первого станка, догоняем поезд. Подъезжая к станку, сразу видно, что крестьяне откуда-то уже знают, что везут Романовых. На улицу вышли почти все жители.

В центре села к моменту нашего приезда кавалеристом, оставленным нами, приготовлены согласно моей телеграммы 19 троек. Когда первая

тройка нашего поезда остановилась с головой приготовленной смены, даю приказ остановиться. Затем второй приказ пересаживаться. Пересадка занимает не более пяти минут. Опять летим вперед.

На нашем пути лежит село Покровское (Распутин)[*3]. Здесь должна быть смена лошадей. Пока происходила пересадка, я, посмотрев в сторону, где были Алиса и Мария, заметил, что Алиса смотрит на ближайший дом на второй этаж и что-то шепчет губами. Незаметно для нее зашел за тарантас и посмотрел по тому же направлению. В окне стояли две женщины – пожилая и молодая, за ними молодой человек в студенческой форме. Пожилая делает какие-то знаки руками и платком. Я направил маузер на них, они сейчас же заметили меня и отошли от окна. [Это был дом Распутина]. [...]

Из Тобола [– ? – А.А.) комиссар сел с Гузаковым в мой тарантас, я поехал с Николаем. Разговаривать дорогой нет никакой возможности. Комья грязи летят в нас.

Немного отъехав, Николай вынул свой портсигар, предложил мне папиросы. Я отказался. Через некоторое время он спрашивает меня:

– Какое военное училище окончил Ваш комиссар?

– Насколько я знаю, он окончил только электротехническую школу в Бельгии.

– Да, видно, что он виды видывал. С перчиком комиссар. [...]

Наш поезд подошел к воинской площадке. Вскоре туда же подъехали 2 легковых и 1 грузовая машины. Это вернулись Яковлев и Гузаков с представителями от Екатеринбургского Ревкома. [...]

Усадив Романовых, Яковлев вместе с ними вновь уехал в город для оформления соответствующих документов на предъявление в центр о передаче бывшей царской семьи Екатеринбургскому Ревкому.

Это было, насколько мне помнится, 2-го мая 1918 года [*4]. В тот же день мы уехали обратно в Уфу. Почему-то комиссар Яковлев всю дорогу был не в духе и с таким настроением приехал на место.

[Последнее предложение зачеркнуто – А.А.]

- *1. Станком в Сибири называлась деревня или село, где производилась смена лошадей. Станок от станка располагались верстах в 30.
- *2. Ошибка автора. Среди перевозимых князя Голицына не было, но был князь А.В.Долгоруков.
- *3. Село Покровское – здесь родился и жил Г.Е.Распутин.
- *4. Автор ошибается: это было 30 апреля 1918 года.

ГАРФ. Ф.601. Оп.2. Д.60. Л.1–2.

Публикация: Чудинов Д.М. Как мы перевозили бывшую царскую семью // Красная Башкирия (г. Уфа). – 1927. – 5 ноября.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- АБРАМСОН Эммануил Моисеевич (*Мазурин*, р.1898) – сотрудник миссии М.М.Бородина в Китае, личный переводчик В.В.Блюхера, позднее ученый секретарь Университета им. Сунь Ятсена в Москве – 70, 75, 160, 172.
- АВАНЕСОВ Варлаам Александрович (*Мартыросов* Сурен Карпович, 1884–1938) – участник революции 1905 г., член РСДРП с 1914 г., член Военно-революционного комитета в Петрограде в октябре 1917 г. С 1920 г. – один из руководителей ВЧК, Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, Народного комиссариата внешней торговли, ВСНХ; член ЦИК СССР – 164, 165.
- АВДЕЕВ Александр Дмитриевич (1887–1947) – член РСДРП с 1912 г., участник революционного движения на Урале, первый комендант Дома особого назначения (1918 г.) – 140, 164, 192, 207, 209.
- АВЕРИН Василий Кузьмич (1884–1945) – член РСДРП с 1903 г., участник революции 1905 г., в 1917–1918 гг. – член коллегии ВЧК; член ВЦИК и ЦИК СССР – 135, 136.
- АГАБЕКОВ Георгий С. (1896–1937) – сотрудник ВЧК-ОГПУ с 1920 г., в 1930 г. бежал на Запад (в Париж) – 74, 81, 124.
- АКУЛОВ Иван Алексеевич (1888–1939) – член РСДРП с 1907 г., участник Октябрьского переворота 1917 г., позднее – партийный работник (на Урале, в Вятке, Оренбурге, Киргизии, Крыму); с 1933 г. – прокурор СССР – 113, 184.
- АЛЕКСАКИН А.А. (*Василий*) – член боевых дружин на Урале, сотрудник В.Яковлева по экспроприациям – 111, 152, 153, 156, 159, 166, 198, 200, 202.
- АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (Романова, урожденная Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса, принцесса Гессен-Дармштадтская, 1872–1918) – императрица, с 1894 г. супруга императора Николая II – 19–21, 25, 29–31, 33, 71, 140, 147, 206–208, 211.
- АЛЕКСЕЕВ Владимир Ильич – член боевых дружин на Урале, сотрудник В.Яковлева по экспроприациям; после ссылки в 1909–1917 гг. вышел из РСДРП и отошел от политической деятельности; брат жены К.А.Мячина (Стояновича, В.В.Яковлева) – 5, 7, 54–58, 65, 85, 94, 95, 99, 101, 102, 111, 142, 143, 153, 159, 167, 184, 199, 200, 202.
- АЛЕКСЕЕВ Ильи Петрович – уфимский купец I гильдии, отец В.И., О.И. и Р.И.Алексеевых – 54, 57.
- АЛЕКСЕЕВА Ольга Ильинична (*Яковлева, Мячина, Стоянович*) – жена К.А.Мячина (Стояновича, В.В.Яковлева) – 57, 59, 61, 65, 95, 98, 99, 103, 109, 110, 112, 113, 117, 156, 176, 179, 180, 179–182, 186, 204.
- АЛЕКСЕЕВА Раиса Ильинична – сестра О.И.Алексеевой – 57.
- АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (Романов, 1904–1918), Великий князь, цесаревич, сын императора Николая II, наследник российского престола – 19, 20, 29, 30, 72, 208.
- АЛЕКСИНСКИЙ Георгий Алексеевич (1879–1965?) – член РСДРП с 1905 г., депутат II Государственной Думы (1907), с 1908 г. «отзовист», в 1917 г. – меньшевик; с 1918 г. в эмиграции – 11, 12, 28.
- АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА (Романова, 1901–1918) – Великая княжна, дочь императора Николая II – 30, 208.
- АНДРЕЕВ – член боевых дружин на Урале, сотрудник В.Яковлева по экспроприациям – 159, 161.
- АНДРЕЕВА – начальник Секретного отдела ОГПУ в Москве, адресат нескольких писем К.А.Стояновича из Соловецкого лагеря – 105, 110, 174, 178–180, 184, 186–188.
- АНИЧКОВ И.Е. – лингвист, отбывал срок в Соловецком лагере – 105.
- АНТОНОВ-ОВСЕНКО Владимир Александрович (1883–1938) – член РСДРП(б) с 1917 г., участник Октябрьского переворота, один из организаторов Красной Армии; в 1922–1924 гг. начальник Политуправления РВС СССР; в 1924–1934, 1936–1938 гг. на дипломатической работе; в 1934–1936 гг. прокурор РСФСР – 16, 36–38, 101, 155, 159, 170.
- АНЦИФЕРОВ Н.П. – историк, отбывал срок в Соловецком лагере – 105.
- АПФЕЛЬБАУМ – см. ЗИНОВЬЕВ Г.Е.
- АРЕФЬЕВ – комендант ВЧК – 136.
- АРТАМОНОВ – член боевых дружин на Урале, сотрудник В.Яковлева по экспроприациям – 159.
- АРХАНГЕЛЬСКИЙ – инспектор соляной монополии в Гуаньдуне – 172.

БЕЛОБОРОДОВ Александр Георгиевич (1891–1938) – в 1918 г. председатель Уральского областного Совета, в 1923–1927 – нарком внутренних дел РСФСР – 16, 23–26, 35, 137–140, 142, 147, 155, 163, 203, 205, 209.

БЕРЗИН (Берзины) Рейнгольд Иосифович (1888–1939) – один из руководителей Красной Армии в годы гражданской войны, член РВС ряда фронтов, позднее – один из руководителей ВЧК-ОГПУ и ГУЛАГА, начальник Дальстроя (Кольмыских лагерей) – 40.

БЕРКОВИЧ – сотрудник К.А. Мячина по подпольной работе в Харбине – 160.

БЕСЕДОВСКИЙ Г. – полпред СССР во Франции, в 1929 г. эмигрировал – 124.

БЛАГА – военный комендант Екатеринбурга в 1918–1919 гг. – 60.

БЛАГОНРАВОВ Г.И. – советский военный советник в Китае в 1920-х гг. – 38, 41, 171.

БЛЮХЕР Василий Константинович (1890–1938) – Маршал Советского Союза, военный советник в Китае – 38, 39, 41, 42, 91, 92, 171.

БОГДАНОВ Александр Александрович (1873–1928) – член РСДРП в 1986–1909 гг., член ЦК, с 1908 г. – «отзовист»; в 1920-х гг. идеолог «Пролеткульта» – 11–13, 101, 153, 159, 162, 168, 190.

БОНЧ-БРУЕВИЧ Владимир Дмитриевич (1873–1955) – член РСДРП с 1895 г., в 1917–1920 гг. – управляющий делами СНК – 170.

БОРИСОВ – служащий Соловецкого лагеря – 183.

БОРОДИНА Б. – юрист, профессор, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

БОРОДИН (Грузенберг) Михаил Маркович (1884–1951) – член РСДРП с 1903 г., в 1923–1927 гг. – главный политический советник при ЦИК Гоминьдана – 86–91, 93, 97, 100, 158, 160, 172, 173.

БОТКИН Евгений Сергеевич (1865–1918) – лейб-медик императора Николая II с 1908 г. – 29, 33, 208, 209, 211.

БОТМАН – сотрудник германского посольства в Москве в 1918 г. – 19.

БРАЗ – художник, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

БРЮХАНОВ – член боевых дружин на Урале, сотрудник В.Яковлева по экспроприациям – 159.

БУСЯКОВ – начальник вооруженного отряда Уральского областного Совета – 32.

БЫКОВ Павел Михайлович (1888–?) – большевик, председатель Екатеринбургского Совета в 1917 г. – 142, 164.

ВАЙНЕР Леонид Исакович (1878–1918) – большевик, руководитель подпольной группы в Екатеринбурге в 1918 г. – 26.

ВАЙНЕР Елена – жена Л.И. Вайнера – 26.

ВАН ТИНВЭЙ см. ВАН ЦЗИНВЭЙ.

ВАН ЦЗИНВЭЙ (Ван Чжаомин, 1885–1944) – деятель Гоминьдана, премьер-министр Китайской Республики – 87, 88, 172.

ВАСЕНКО П.Г. – историк, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ В.Д. – большевик, редактор журнала «Каторга и ссылка», член советской миссии в Китае – 81–83, 85, 172.

ВИЛЬДЕ Соломон Лазаревич – вице-консул СССР в Шанхае – 100, 160.

ВИТТЕ Сергей Юльевич, граф (1849–1915) – министр финансов, председатель совета министров Российской империи в 1905–1906 гг. – 64.

ВЛАСОВ Юрий Петрович (1935 г.р.) – спортсмен, писатель, политический деятель России – 4.

ВОЙКОВ Петр Лазаревич (1888–1927) – большевик, член Уральского Совета в 1918 г., в 1920-х гг. – полпред СССР в Польше – 140.

ВОЙТИНСКИЙ Г.Н. – представитель Коминтерна в Китае – 77–80, 83, 85, 87, 100, 102, 157, 160, 172, 173.

ВОЛКОВ Алексей Андреевич (1859–?) – камердинер императрицы Александры Федоровны – 22, 30.

ВОЛЬСКИЙ – преподаватель Болонской партийной школы – 12, 101, 159.

ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881–1969) – большевик, военный деятель, в 1953–1960 гг. – председатель Президиума Верховного Совета СССР – 115.

ГАЙДА Радола (Рудольф, 1892–1948) – один из руководителей чехословацкого корпуса в 1918–1919 гг., генерал, командующий группой Сибирской армии в Екатеринбурге, позднее – военный министр Чехословакии – 59–61.

ГАЛАНОВ – личность не установлена – 167.

ГАЛКИН С.Т. – телеграфист в отряде В.Яковлева – 101, 155, 159, 163, 164.

ГЕНДРИКОВА Анастасия Васильевна, графиня (ум. 1918) – фрейлина императрицы Александры Федоровны, расстреляна в Перми – 162, 208.

ГЕНКИН – сотрудник ОГПУ – 174.

ГЕРМАН Я. – военный советник миссии М.М.Бородина в Китае – 87, 88, 158, 160, 172, 173.

ГИББС Сидней Иванович – преподаватель английского языка детям императора Николая II, впоследствии – архимандрит Русской зарубежной церкви – 162.

ГЛЕБОВ-АВИЛОВ Николай Павлович (1887–1942) – член РСДРП с 1904 г., участник Октябрьского переворота – 170.

ГОЛОЩЕКИН Шая Исаевич (Филипп, 1876–1941) – член РСДРП с 1903 г., военный комиссар Урала в 1918 г. – 16, 17, 23–25, 32, 137, 148, 162–164, 205–207.

ГОЛЯНОВСКИЙ С. (1891–?) – советский журналист в Китае – 96, 97, 159, 173.

ГОРБАТЮК – сотрудник К.Стояновича в Шанхае – 160, 164.

ГОРБАЧЕВ – служащий Соловецкого лагеря – 175.

ГОРДОН Г.О. – историк, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

ГОРЕЛОВ В. – член боевых дружин на Урале, сотрудник В.Яковлева по экспроприациям – 57, 111, 159, 171, 199, 202.

ГОРЬКИЙ Максим (*Пешков* Алексей Максимович, 1868–1936) – русский, советский писатель – 10–12, 14, 106, 107, 116, 123, 168, 178, 190.

ГРЯННИК Анатолий Николаевич – юрист, публицист, автор версии о спасении царской семьи в 1918 г. и последующем проживании Николая II в Сухуми до 1957 г. – 4.

ГУЗАКОВ Михаил В. (ум. 1907) – член боевых дружин на Урале, сотрудник В.Яковлева по экспроприациям; казнен в тюрьме – 167.

ГУЗАКОВ Петр В. – командир отряда охраны, помощник В.Яковлева при перевозке царской семьи из Тобольска в Екатеринбург – 12, 20, 22, 23, 36, 37, 40, 100, 111, 137, 138, 140, 143, 144, 147, 155, 159, 161–164, 168, 198, 202, 212.

ГУСЕВ Сергей Иванович (*Драбкин* Яков Давидович, 1874–1933) – член РСДРП с 1896 г., один из организаторов Красной Армии – 170.

ГУСЯЦКИЙ – начальник отряда, направленного из Екатеринбурга в Тобольск для захвата Николая II весной 1918 г. – 147–149, 162, 163.

ГЭН ГИМ – сотрудник правительства Южного Китая – 77, 88.

ДАЛИН Сергей Александрович – работник Коминтерна, представитель в Китае – 79, 84, 85, 87.

ДАН Федор Ильионович (*Гурвич*, 1871–1947) – член РСДРП с 1894, один из лидеров меньшевиков – 12, 168.

ДАНЗАС Е.Н. – историк, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

ДЕГТЯРЕВ Николай – комиссар юстиции Тобольского Совета в 1918 г. – 162.

ДЕМИДОВА Анна Степановна (1878–1918) – горничная императрицы Александры Федоровны – 33, 162.

ДЕМЬЯНОВ – сотрудник охраны царской семьи в Тобольске – 162.

ДЕНИКИН Антон Иванович (1872–1947) – генерал-лейтенант, командующий Добровольческой армией, главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России, в начале 1920 г. – Верховный Правитель России – 197.

ДЕРБЕЕВ – следователь по делу К.Стояновича – 119, 120.

ДЕШИСТОВ – бригадир, член Военной коллегии Верховного суда СССР – 120.

ДЗЕРЖИНСКИЙ Феликс Эдмундович (1877–1926) – член РСДРП с 1895 г., с 1917 г. – председатель ВЧК – 3, 16, 49, 135, 136, 144, 154, 170, 178, 195.

ДИДКОВСКИЙ Борис Владимирович (1883–1938) – член РСДРП с 1902 г., в 1918 г. – член Уральского областного Совета – 32, 140, 161–163, 203, 205, 207, 209.

ДИТЕРИХС Михаил Константинович (1874–1937) – генерал-лейтенант, военный министр в правительстве А.В.Колчака; курировал следствие об убийстве царской семьи в 1918–1919 гг. – 72.

ДОБРЫНИН Н.А. – личность не установлена – 136.

ДОВГАЛЕВСКИЙ Валерий Савельевич (1885–1934) – член РСДРП с 1908 г., с 1921 г. – нарком почт и телеграфов РСФСР, с 1924 г. на дипломатической работе – 101, 159.

ДОЛГОРУКОВ Василий Александрович, князь (1868–1918) – гофмаршал, генерал-майор; убит в Екатеринбурге – 33, 162, 208.

ДОСТОВЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821–1881) – русский писатель – 54.

ДУКИС – сотрудник Соловецкого лагеря – 182.
 ДУН БИУ – один из организаторов Коммунистической партии Китая, председатель Всеки-
 тайского Собрания Народных Представителей с 1965 г. – 79.
 ДУТОВ Александр Ильич (1879–1921) – генерал-лейтенант, с 1917 г. атаман Оренбургского
 казачьего войска – 17, 36, 75, 141, 170, 207.
 ДУЦМАН Владимир Алексеевич – большевик, представитель Омска в Тобольске, член То-
 больского Совета – 162.
 ДЬЯКОНОВ – член боевых дружин на Урале, сотрудник В.Яковлева по экспро-
 приациям – 196, 198.
 ЕВСЕЕВ – член Коллегии ВЧК в 1917 г. – 135, 136.
 ЕЖОВ Николай Иванович (1895–1939) – секретарь ЦК ВКП(б) (1935–1936), нарком внут-
 ренних дел СССР (1936–1938) – 118.
 ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА (Романова, урожденная Элла, принцесса Гессен-Дарм-
 штадтская, 1864–1918) – Великая княгиня, супруга Великого князя Сергея Александрови-
 ча, настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия; канонизирована Русской
 Православной Церковью – 71.
 ЕРМОЛАЕВ А. – член боевых дружин на Урале – 95, 111, 159, 167, 198, 202.
 ЖАНЕН М. – генерал, представитель Франции при Верховном Правителе А.В.Кол-
 чаке – 71, 72.
 ЖЕРБИН М. – арестован ВЧК – 136.
 ЖИЛЬЯР Пьер (Петр Андреевич, 1879–1962) – швейцарец, гувернер Великого князя Алек-
 сая Николаевича – 20, 22, 29, 30, 31, 72, 162, 205, 208.
 ЖИДЕЛЬ – член ВЧК в 1917 г. – 135.
 ЖИЛКО – работник советской миссии в Гуаньчжоу – 160.
 ЗАДОРКИН – заключенный Соловецкого лагеря (?) – 190.
 ЗАЙДЕ – работник советской миссии в Гуаньчжоу – 160.
 ЗАПАЛОВ – сотрудник ОГПУ – 107, 174, 195.
 ЗАОЗЕРСКИЙ А.И. – историк, заключенный Соловецкого лагеря – 105.
 ЗАСЛАВСКИЙ И. – командир Екатеринбургского отряда, направленного весной 1918 г. в То-
 больск для вывоза царской семьи – 32, 33, 35, 140, 147, 148, 154, 155, 161–163, 203–205, 208.
 ЗАСУЛИЧ Вера Ивановна (1849–1919) – российская революционерка, в начале XX в. при-
 мыкала к меньшевикам – 11.
 ЗЕЛИНИН – помощник начальника оперативно-следственного отдела ОГПУ г. Уфы – 142.
 ЗЕЛЬМАНОВИЧ – сотрудник советских учреждений в Шанхае – 160.
 ЗЕНЦОВ Г.И. – помощник В.Яковлева по перевозке царской семьи из Тобольска в Екатерин-
 бург – 142, 161, 163, 164, 197, 198.
 ЗИНОВЬЕВ Григорий Евсеевич (*Апфельбаум* Евсей-Гершен, 1883–1936) – член РСДРП с
 1903 г., один из руководителей партии большевиков в 1917–1925 гг., председатель Испол-
 нительного Комитета Коминтерна – 66, 82, 170.
 ЗИНОВЬЕВ Георгий Васильевич (1887–1934) – советский военный деятель, командующий
 группой войск Восточного фронта – 41.
 ЗОСИМА, св. (XIV в.) – один из основателей Соловецкого монастыря – 104.
 ИВАНИЦКИЙ – сотрудник Соловецкого лагеря – 174.
 ИВИН Алексей Алексеевич – русский китаевед, профессор, преподаватель русского языка
 в Пекинском университете – 78, 81, 172.
 ИВИЦКИЙ – сотрудник Соловецкого лагеря – 106.
 ИЛЬИН – член ВЧК в 1917 г. – 16, 136, 170.
 ИОРДАНСКИЙ В.Ф. – прокурор окружного суда г. Екатеринбурга – 60.
 ИОФФЕ Адольф Абрамович (1883–1927) – член РСДРП(б) с 1917 г., участник Октяб-
 рского переворота, с 1918 г. на дипломатической работе – 96, 144.
 ИОФФЕ Генрих Зиновьевич – советский историк, исследователь периода революции и
 гражданской войны – 57.
 ИПАТЬЕВ Николай Николаевич – инженер, владелец дома в Екатеринбурге, в котором в
 1918 г. была расстреляна семья императора Николая II – 60.
 КАГАНОВИЧ Лазарь Моисеевич (1893–1989) – сов. государственный деятель – 143.
 КАДОМЦЕВ Иван – один из руководителей уральских боевиков в 1905–1908 гг. – 167.

КАДОМЦЕВ Михаил – один из руководителей уральских боевиков в 1905–1908 гг. – 159, 167.
КАДОМЦЕВЫ – 153, 168.
КАЗЕМ-БЕК В.Н. – председатель Екатеринбургского окружного суда – 60.
КАЛАШНИКОВ – капитан, сотрудник Р.Гайды – 60.
КАЛИНИН Михаил Иванович (1875–1946) – член РСДРП, в 1919–1938 председатель ВЦИК, в 1922–1938 сопредседатель ЦИК СССР, в 1938–1946 председатель Президиума Верховного Совета СССР – 16, 86, 108–110, 154, 176, 181.
КАЛМЫКОВ И.М. – есаул, атаман Уссурийского казачества, участник гражданской войны – 61, 64, 71.
КАМЕНЕВ Сергей Сергеевич (1881–1936) – советский военный деятель, главнокомандующий Красной Армией в 1919–1924 – 66, 86, 170.
КАПЕЛЬ Владимир Оскарович (1883–1920) – генерал-лейтенант, главнокомандующий Сибирской армией в 1919–1920 гг. – 75.
КАРАХАН Лев Михайлович (1889–1937) – член РСДРП с 1904 г., советский дипломат – 81, 135, 170.
КАРПОВА Людмила Константиновна (р.1920), дочь К.А.Мячина (Яковлева, Стояновича) – 5, 69, 99, 165, 173, 196, 202.
КАСВИНОВ Марк Константинович – советский историк, публицист – 3.
КАУТСКИЙ Карл (1854–1938) – германский социал-демократ – 12, 168.
КАШИНСКИЙ – присяжный поверенный – 144.
КАШИРИН Николай Дмитриевич (1888–1938) – член РКП(б) с 1918 г., помощник В.К.Блюхера – 91.
КАШКАДАМОВ – эсер, сотрудник Р.Гайды – 60.
КЕДРОЛИВАНСКИЙ – сотрудник британской полиции в Шанхае – 97.
КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович (1881–1970) – председатель Временного правительства в июле–октябре 1917 г. – 10, 17, 55.
КИРОВ Сергей Миронович (*Костриков*, 1886–1934) – член РСДРП с 1904 г., секретарь ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. – 115.
КЛИМИН – военный юрист Военной коллегии Верховного Суда СССР – 120.
КЛИМОВ Анатолий Яковлевич – Китаевед, в 1922 г. сотрудник советского полпредства в Пекине – 88.
КЛИМУШКИН Петр Алексеевич – эсер, главноуправляющий внутренних дел правительства Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), представитель Комуча на Уфимском Государственном Совещании в сентябре 1918 г. – 56, 58.
КЛИШЕВИЧ – телеграфист отряда В.Яковлева – 161.
КОБОЗЕВ Петр Алексеевич (1878–1941) – член РСДРП с 1898 г., член РВС Восточного фронта в 1918 г. – 38, 41, 141, 171.
КОБЫЛИНСКИЙ Евгений Степанович – полковник, командир отряда охраны царской семьи в Царском Селе и Тобольске – 17, 21, 29, 68, 204.
КОЗЛОВ – эсер, сотрудник Р.Гайды – 60.
КОЗЛОВСКИЙ – советский консул в Шанхае в 1927 г. – 98, 100, 159, 160, 173, 177.
КОКАРЕВ – революционер-подпольщик в Уфе в 1903 г. – 152, 159.
КОКОВИХИН М. – член боевых дружин на Урале, сотрудник В.Яковлева по экспроприациям – 12.
КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (1872–1952) – член РСДРП с 1915 г., советский дипломат – 12, 168.
КОЛЧАК Александр Васильевич (1873–1920) – генерал, Верховный Правитель России в 1918–1920 гг. – 58, 59, 63, 64, 70, 72, 156, 171, 197, 201.
КОМИ – см. ПАНЮКОВ В.Н.
КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич (1870–1918) – генерал, верховный главнокомандующий в 1917 г., первый командующий Добровольческой армией – 48.
КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович (1853–1921) – русский писатель – 123.
КОСАРЕВ Владимир Михайлович (1881–1945) – член РСДРП с 1898 г., в 1918 г. председатель Западно-Сибирского Совета – 24, 142, 163, 206.
КОШЕК – майор чехословацкого корпуса – 61, 156, 171, 201.
КРАСАВИН – солдат из отряда охраны царской семьи в Царском Селе и Тобольске – 162.

КРАСИЛЬНИКОВ – полковник, один из руководителей контрразведки А.В.Колчака – 171.
КРАСИН Леонид Борисович (1874–1925) – член РСДРП с 1898 г., руководитель боевой организации РСДРП, позднее – нарком внешней торговли, дипломат – 168.
КРИВОВ Т. – член боевых дружин на Урале, сотрудник В.Яковлева по экспроприациям – 12, 100, 101, 111, 152, 153, 156, 159, 168, 190, 198.
КРОЛЬ Лев Алексеевич – член ЦК Конституционно-демократической партии, главноуправляющий внешних сношений Временного областного правительства Урала – 61.
КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885–1938) – член РСДРП с 1904 г., верховный главнокомандующий в 1917–1918 гг., в 1918–1922 гг. – председатель Революционного трибунала, позднее – нарком юстиции – 16, 36, 170.
КСЕНОФОНТОВ Иван Ксенофонтович (1884–1926) – член РСДРП с 1903 г., член коллегии ВЧК – 16, 135, 136, 170.
КУЗНЕЦОВ – секретарь Верховного суда СССР – 127, 187.
КУДРЯВЦЕВ – революционер, знакомый К.Мячина по Харбину – 160.
КУЛИКОВ – зам. председателя Верховного суда СССР – 127.
КУРЕНКОВ – член отряда В.Яковлева, участник перевоза царской семьи в Екатеринбург – 161, 163, 164.
КУЧКИН А.П. – член Уфимского губкома РКП(б) – 102.
ЛАШЕВИЧ – участник Октябрьского переворота – 101, 159, 170.
ЛЕБЕДЕВ – владелец лавки в Уфе в 1903 г. – 152, 159.
ЛЕНИН Владимир Ильич (*Ульянов*, 1870–1924) – член РСДРП с 1894 г., лидер большевиков, председатель Совета Народных Комиссаров в 1918–1924 гг. – 3, 11–13, 16, 19, 24–28, 34, 36, 39, 41, 47–52, 58, 64, 66, 73, 82, 83, 87, 110, 124, 143, 154, 155, 164, 165, 168, 170, 178, 190, 195, 207.
ЛЕШКИН Николай Иванович – юрист, публицист, автор ряда статей о В.Яковлеве – 4, 45, 102.
ЛИ ДАЧЖАО (1888–1927) – профессор Пекинского университета, один из основателей Коммунистической партии Китая – 77, 78, 79, 172.
ЛИХАЧЕВ Дмитрий Сергеевич (р.1906) – академик, литературовед, заключенный Соловецкого лагеря – 105.
ЛОГИНОВ – личность не установлена – 161.
ЛУКИН – солдат отряда охраны царской семьи в Тобольске – 162.
ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (1875–1933) – член РСДРП с 1900 г., нарком просвещения в 1917–1930 гг. – 10–13, 101, 153, 159, 168, 170.
ЛЮКСЕМБУРГ Роза (1871–1919) – одна из лидеров левых социал-демократов Германии – 12.
ЛЯДОВ Мартын Николаевич (*Мандельштам*, 1872–1947) – член РСДРП с 1893 г., один из преподавателей Болонской школы – 12, 101, 159, 168.
МАЙРИГОД – сотрудник Соловецкого лагеря – 183.
МАЛИНИНСКИЙ – сотрудник ВЧК – 136.
МАНУИЛЬСКИЙ – 101, 159.
МАО ЦЗЭДУН (1893–1976) – один из руководителей Коммунистической партии Китая, Председатель Китайской Народной Республики в 1949–1959 гг. – 79, 93.
МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (Романова, 1899–1918) – Великая княжна, дочь императора Николая II – 25, 30, 33, 140, 206, 207, 208, 211.
МАРКОВСКИЙ – генерал-лейтенант контрразведки А.В.Колчака – 141.
МАРКС Карл (1818–1883) – германский философ, экономист – 46.
МАРТОВ Л. (*Цедербаум* Юлий Осипович, 1873–1923) – член РСДРП с 1894 г., лидер меньшевиков – 66, 168.
МАСЛОВ – преподаватель Болонской школы – 12, 101, 159, 168.
МАТВЕЕВ – офицер отряда охраны царской семьи в Тобольске – 33, 162.
МАХИН Ф.Е. – командующий 2-й армией Восточного фронта с 26 июня по 3 июля 1918 г. – 42, 43, 51.
МЕБУС – теософ, заключенный Соловецкого лагеря – 105.
МЕДВЕДЕВ – левый эсер, екатеринбургский областной комиссар транспорта – 206.
МЕЙЕР А.А. – философ, заключенный Соловецкого лагеря – 105.
МЕЛЬНИК-БОТКИНА Татьяна Евгеньевна (р.1895) – дочь лейб-медика Е.С.Боткина, автор мемуаров – 30, 31, 33.

МЕНЖИНСКИЙ Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – член РСДРП с 1902 г., председатель ОГПУ в 1925–1934 гг. – 12, 13, 99–102, 112, 135, 144, 152–154, 159, 168, 170, 173, 175, 177, 179, 185.

МЕХОНОШИН К.А. – 16, 36, 170.

МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859–1943) – историк, лидер конституционно-демократической партии – 8.

МИНЦЕР Я.Г. – секретарь Харбинской организации РКП(б) – 75, 76, 85, 100, 157, 160, 172.

МИХАЙЛОВ – уполномоченный Башкирского отдела ОГПУ – 142, 145.

МИРОНОВ М. – военный специалист при П.Кобозеве – 141.

МОДЕСТОВ – и.о. управляющего делами Высшей военной инспекции Восточного фронта – 41.

МОЛОТКОВСКИЙ – эсер, сотрудник Р.Гайды – 60.

МОРОЗОВ – сотрудник Соловецкого лагеря – 182.

МРАЧКОВСКИЙ Сергей Витальевич (1888–1936) – член РСДРП с 1905 г., адвокат, член Уральского обкома РСДРП(б), сторонник Л.Троцкого – 209.

МУНДЕЛЬ Николай Александрович – офицер отряда охраны царской семьи в Тобольске – 32.

МУРАВЬЕВ Михаил Артемьевич (1880–1918) – подполковник, в 1918 г. командующий Восточным фронтом – 38, 41, 42, 51, 155, 171.

МЫЛЬНИКОВ – член отряда В.Яковлева, участник перевозки царской семьи в Екатеринбург – 155, 163, 164, 166.

НАГОРНЫЙ Климентий Григорьевич – матрос, дядька (слуга) Великого князя Алексея Николаевича – 208.

НАЗАРОВ – личность не установлена – 161.

НАПОЛЕОН I Бонапарт (1769–1821) – император Франции (1804–1814, 1815) – 91.

НЕВОЛИН А.И. – участник перевозки царской семьи из Тобольска в Екатеринбург – 149, 162, 164.

НЕВСКИЙ Владимир Иванович (*Кривобоков* Феодосий Иванович, 1876–1937) – член РСДРП с 1897 г., участник Октябрьского переворота, нарком путей сообщения – 161, 164, 192.

НЕМИЦКИЙ Б.Н. – член РСДРП из Уфы, учащийся Болонской школы – 95, 96, 100–102, 153, 154, 159, 198, 202.

НЕМЦОВ Николай Михайлович (1879–1938) – член РСДРП с 1897 г., в 1918 г. председатель исполкома Тюменского Совета – 161, 163.

НИКОЛАЕВ – делопроизводитель Соловецкого лагеря – 187.

НИКОЛАЕВСКАЯ – руководительница социал-демократического кружка в Уфе в 1903 г. – 152.

НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧ (Романов, 1868–1918) – император России (1894–1917) – 15, 17, 18, 20–23, 25, 27, 30, 33, 35, 59, 66, 124, 136, 138–140, 142, 146–149, 155, 162, 170, 175, 197, 203–208, 211.

НИКОЛЬСКИЙ Вениамин Александрович – священник в Самаре – 190.

НОВИЦКИЙ – работник советского консульства в Шанхае – 160.

НОВОСЕЛОВ – уфимский социал-демократ – 152, 159.

ОГАРЕВ – русский революционер в Тяньцзине – 77, 160, 172.

ОЗЕРОВ – экономист, профессор, заключенный Соловецкого лагеря – 104.

ОЛЕЗОВ – революционный рабочий в Уфе в 1903 г. – 152, 159.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (Романова, 1895–1918) – Великая княжна, дочь императора Николая II – 30.

ОПАРИН – автор публикации о В.Яковлеве в альманахе «Былое Урала» – 199.

ОСКОЛЬДОВ С.Н. – философ, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

ОУ ШЭНБО (Си Сиу, Цюй Шэньбай) – китайский студент-анархист, публицист, один из основателей Социалистического союза Китая – 77, 88, 172.

ПАВЕЛ I ПЕТРОВИЧ (Романов, 1754–1801) – император России (1796–1801) – 113.

ПАВЛОВИЧ – сотрудник Болонской партийной школы – 101, 159.

ПАЙКС А.К. – руководитель первой советской миссии в Китае – 81.

ПАНКРАТОВ Василий Семенович (1864–1925) – революционер-народник, позднее – эсер, комиссар Временного правительства при царской семье в Тобольске – 28.

ПАНЮКОВ В.Н. (Коми, р.1899) – советский военный советник в Китае с октября 1924 г. – 100.

ПЕРЛИН Л.М. – русский эмигрант в Китае, коммунист, совместно с К.А. Стояновичем вошедший в состав руководства Социалистического союза Китая – 78.

ПЕТЕРС Яков Христофорович (1886–1938) – член РСДРП с 1904 г., член коллегии ВЧК-ОГПУ, председатель Ревтрибунала – 16, 135, 136, 170.

ПЕТЕРСОН Карл Андреевич (1877–1926) – член РСДРП с 1898 г., член ВЧК – 135.

ПЕТР I АЛЕКСЕЕВИЧ (Романов, 1672–1725) – царь (1682–1721), император (1721–1725) России – 113.

ПИГУЛЕВСКАЯ Наталья Викторовна – востоковед, заключенная Соловецкого лагеря – 105.

ПИК – русский эмигрант, провокатор в аппарате миссии М.М.Бородина в Китае (весна 1927 г.), сотрудник британской полиции в Шанхае – 120, 127.

ПИХОЯ Рудольф Германович – историк, начальник Главного архивного управления Российской Федерации – 3.

ПИЩАЛОВ – сотрудник К.Мячина в Харбине – 160, 172.

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (1856–1918) – русский революционер, социал-демократ – 12.

ПЛОТКИН – сотрудник советского представительства в Шанхае – 160.

ПОДВОЙСКИЙ Николай Ильич (1880–1948) – член РСДРП с 1901 г., советский военный деятель, в 1919–1927 гг. начальник частей особого назначения – 16, 36, 38–42, 143, 144, 170, 171, 191.

ПОЗЕРН – сотрудник военного комиссариата Северного фронта – 144, 170.

ПОКРОВСКИЙ Михаил Николаевич (1868–1932) – член РСДРП с 1905 г., советский историк – 12, 101, 153, 159, 168.

ПОЛЕВОЙ – профессор-синолог, преподавал в Тяньцзине – 77, 172.

ПОЛУКОРЫТОВ – член ВЧК в 1917 г. – 136.

ПОЛЯК В.Е. (1890–1947) – советский военный советник при правительстве Южного Китая – 87, 88, 100, 158, 160, 172, 173.

ПОЛЯКОВ – член врачебной комиссии, посетившей Соловецкий лагерь – 186.

ПОЛЯКОВ Г. – орнитолог, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

ПОНОМАРЕВ – боец екатеринбургского отряда, присланного в Тобольск – 162.

ПОПОВ – сотрудник Болонской партийной школы – 101, 153, 159.

ПРАВДИН – член РКП(б), негативно настроенный по отношению к В.Яковлеву – 192.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ – неустановленная личность – 196.

ПРИСЕЛКОВ М.Д. – историк, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

ПРОКОФЬЕВА – руководитель подпольного кружка в Уфе в 1903 г. – 152, 166.

ПРОМИНОВ – начальник омского вооруженного отряда в Тобольске – 161.

ПРОХОРСКИЙ – работник Соловецкого лагеря – 183, 187.

ПУМПЯНСКИЙ – член революционного подполья в Харбине – 172.

РАСКОЛЬНИКОВ Федор Федорович (*Ильин*, 1892–1939) – член РСДРП с 1910 г., участник Октябрьского переворота, советский дипломат, эмигрировал на Запад – 124–126.

РАСПУТИН Григорий Ефимович (*Новых*, 1872–1916) – крестьянин Тобольской губернии, «старец», приближенный царской семьи – 212.

РЕЙЕР – сотрудник британской полиции в Шанхае – 120, 127.

РЕМИ см. УГЕР Д.

РЖЕВСКИЙ – военный специалист на Восточном фронте – 41.

РИД Джон (1887–1920) – американский писатель, журналист, член Исполкома Коминтерна – 15, 169.

РОГАЧЕВ Алексей Петрович – профессор Московского университета, синолог, переводчик группы М.М.Бородина – 100, 158, 160.

РОМАНОВЫ – члены семьи императора Николая II и их ближайшие родственники – 3, 5, 17, 20, 21, 23, 27, 29, 32, 36, 56, 61, 71, 101, 103, 137, 145, 153–155, 164, 170, 174, 176, 185, 188, 190, 194, 208, 210, 211.

РУДЗУТАК Ян Эрнестович (1887–1938) – член РСДРП с 1905 г., в 1923 г. секретарь ЦК РКП(б), позднее – нарком путей сообщения – 86.

РУДНЕВ – уполномоченный ОГПУ в Уфе – 142.

РЫКОВ Алексей Иванович (1881–1938) – член РСДРП, в 1924–1929 гг. председатель СНК РСФСР, одновременно в 1924–1930 гг. – председатель СНК СССР – 144.

РЫНДИН Кузьма Васильевич (1893–1938) – член РСДРП с 1915 г., в 1927–1928 гг. секретарь Уральского областного комитета ВКП(б) – 110, 111, 179, 180, 202.

САБЛЕР В. К. – обер-прокурор Святейшего Синода; расстрелян ВЧК – 136.

САВВАТИЙ, св. (XIV в.) – один из основателей Соловецкого монастыря – 104.

САВИНКОВ Борис Викторович (1879–1925) – лидер партии социалистов-революционеров (эсеров), руководитель боевой организации партии; во Временном правительстве – товарищ военного министра – 11, 192, 195.

САЛИН – телеграфист отряда В. Яковлева – 161.

САЛОВ – уральский революционер, член боевых дружин – 159.

САФАРОВ Георгий Иванович – член Уральского областного Совета в 1918 г. – 207.

САХНОВСКИЙ (р. 1895) – сотрудник советской миссии в Гуанчжоу, военный советник – 160.

СВЕРДЛОВ Яков Михайлович (1885–1919) – член РСДРП с 1901 г., с 1917 г. председатель ВЦИК – 3, 15, 17, 18, 23–27, 32, 34–36, 46, 50, 56, 103, 136–139, 148, 154, 155, 163, 164, 169, 170, 178, 191, 192, 195, 204, 205, 207.

СЕМЕНОВ Григорий Михайлович (1890–1946) – атаман Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенант – 61, 64, 71, 75.

СЕРГЕЕВ Иван Александрович – следователь Екатеринбургского окружного суда – 60.

СИ СИУ см. ОУ ШЭНБО

СКЛЯНСКИЙ Эфраим Маркович (1892–1925) – член РСДРП с 1913 г., в 1918 – заместитель председателя РВСР – 16, 86, 170.

СКРАУЗЕР – работник Соловецкого лагеря – 183.

СМИРНОВ – член комиссии ВЧК – 135.

СМИРНОВ – сотрудник советских учреждений в Харбине – 160, 172.

СМОТРИЦКИЙ П. Ф. – художник, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

СОКОЛОВ Николай Александрович (1882–1924) – следователь по особо важным делам Омского окружного суда; в 1919 г. расследовал дело об убийстве царской семьи в Екатеринбурге – 31, 32, 68, 71, 72.

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич (р. 1918) – русский писатель – 112, 116.

СОЛЛОГУБ Николай Владимирович (1883–1937) – советский военный деятель, в 1918 г. начальник штаба Восточного фронта – 42.

СОРОКИН – сотрудник советского консульства в Шанхае – 160, 186.

СОСНОВСКИЙ Лев Семенович (1886–1937) – член РСДРП с 1904 г., член Уральского областного Совета – 169.

СТАБУРОВА Елена Юрьевна – синолог, исследователь истории китайского анархизма – 78.

СТАЛИН Иосиф Виссарионович (*Джугашвили*, 1879–1953) – член РСДРП с 1901 г., генеральный секретарь ЦК партии большевиков с 1922 г., председатель СНК и Совета Министров СССР в 1941–1953 гг. – 43, 52, 93, 99–102, 108, 110, 113, 115, 118, 124–126, 144, 152, 173, 175, 177.

СТАСОВА Елена Дмитриевна (1873–1966) – член РСДРП с 1898 г., член ВЦИК и ЦИК СССР – 144.

СТЕКЛОВ Юрий Михайлович (*Нахамкес*, 1873–1941) – член РСДРП с 1893 г., председатель Петроградского Совета в 1917 г. – 66.

СТЕПАНОВ В. А. – военный советник правительства Южного Китая – 100, 136, 160.

СТОЯНОВСКИЙ О. И. см. АЛЕКСЕЕВА О. И.

СУТАГ (?) – знакомый К. Мячина по работе в Харбине – 160.

СУЛИМОВ Данила Егорович (1890–1937) – член РСДРП с 1905 г., председатель Челябинского губернского комитета РКП(б), председатель СНК РСФСР в 1929–1930 гг. – 111, 153, 159, 169, 202.

СУНЬ ЯТСЕН (Сунь Исянь, 1866–1925) – президент Китайской Республики в 1912 г., основатель партии Гоминьдан, глава правительства Южного Китая в 1922–1925 гг. – 74, 80, 82–92, 158, 172, 173.

СУСЛОВ И. В. – начальник общего отдела Соловецкого лагеря – 182.

СУХАНОВ А. П. – психолог, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

ТАН ИНКАЙ см. ТАНЬ ЯНЬКАЙ

ТАН ПЭНЬИН (Тан Чжэнда) – генерал, командир 3-й дивизии 2-й Национальной армии Северного Китая – 92.

ТАНЬ ЯНЬКАЙ – командир 2-го корпуса Национальной революционной армии Китая, в 1926–1927 гг. председатель Национального правительства Китая в Гуанчжоу – 88.

ТАТАРИНОВ – участник Октябрьского переворота – 153.

ТАТИЩЕВ Илья Леонидович, граф (1859–1918) – генерал-майор свиты императора Николая II – 162, 208, 211.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА (Романова, 1897–1918) – Великая княжна, дочь императора Николая II – 30.

ТЕОДОРОВИЧ Иван Адольфович (1875–1937) – член РСДРП с 1895 г., участник Октябрьского переворота, член ВЦИК – 192.

ТЕРЕНТЬЕВ – член боевых дружин на Урале, провокатор – 9.

ТЕРЕШАТОВ Н.И. (р. 1892) – военный советник Гуанчжоуской группы – 87, 88, 100, 158, 160, 173.

ТОЛМАЧЕВ Николай Гурьевич (1895–1919) – комиссар политотдела III Красной Армии – 207.

ТРЕГУБОВ – машинист, член боевых дружин на Урале – 167.

ТРЕПОВ Федор Федорович (1812–1889) – петербургский градоначальник – 11.

ТРИФОНОВ Валентин Андреевич (1888–1938) – член РСДРП с 1904 г., с 1923 г. председатель Военной коллегии Верховного суда СССР – 135.

ТРОЦКИЙ Лев Давидович (*Бронштейн*, 1879–1940) – член РСДРП с 1897 г., нарком по иностранным (1917) и военным и морским делам (1918), председатель РВСР (1918–1924) – 3, 12–14, 19, 35, 36, 39, 41, 47, 75, 101, 102, 135, 141, 143, 144, 153, 159, 168, 170, 190, 195, 209.

ТРСАНОГОВ – социал-демократ, рабочий железнодорожных мастерских в Уфе – 166.

ТУМАНОВ Степан – член боевых дружин на Урале – 111, 202.

ТУТЕЛЬБЕРГ Мария Густавовна (1863– ?) – камер-юнгфрау императрицы Александры Федоровны – 30.

ТУХАЧЕВСКИЙ Михаил Николаевич (1893–1937) – советский военный деятель, участник гражданских войны, позднее – Маршал Советского Союза – 42.

УВАРОВ – исполнитель приговоров в Уфимской тюрьме – 167.

УГЕР Д. (*Рем*, 1895– ?) – советский военный советник по авиации в Гуанчжоу, начальник авиатряда Национальной революционной армии Китая – 160.

УЛЬРИХ В.В. – армвоенюрист 1 ранга, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР – 120.

УРИЦКИЙ Моисей Соломонович (1873–1918) – председатель Петроградской ЧК – 170.

УСПЕНСКИЙ – участник Октябрьского переворота – 101, 154, 159.

УШАКОВ – участник перевозки царской семьи в Екатеринбург – 163, 164.

ФАДЕЕВ – участник перевозки царской семьи в Екатеринбург – 163, 164.

ФОМИН Василий Васильевич (1884–1938) – член РСДРП с 1910 г., член коллегии ВЧК – 136, 183, 187.

ФОТИЕВ – завхоз в отряде В.Яковлева – 210.

ФОТИЕВА Лидия Александровна (1881–1975) – член РСДРП с 1904 г., секретарь СНК – 144.

ФРАЙЕРМАН – член медицинской комиссии, обследовавшей Соловецкий лагерь – 186.

ФУРМАН – профессор, врач Соловецкого лагеря – 181.

ХАЙТ – сотрудник советских учреждений в Харбине – 172.

ХАРЧЕНКО А.И. – командир II Красной Армии – 43, 51.

ХАРПОВСКИЙ – член медицинской комиссии, обследовавшей Соловецкий лагерь – 186.

ХАУСТОВ – рабочий Уфимских железнодорожных мастерских, социал-демократ – 166.

ХИМЦОВ – член боевых дружин на Урале – 190.

ХОДОРОВ – руководитель ДАЛЬРОСТА – 76, 77, 100, 157, 160, 172.

ХОРВАТ Дмитрий Леонидович (1858–1937) – генерал-лейтенант, управляющий Китайской Восточной железной дорогой, глава Временного правительства Восточной Сибири (1918–1919) – 64, 67, 68, 70, 76, 157.

ХОТИМСКИЙ В.И. – член Уральского областного Совета – 206, 207, 209.

ХОХЛОВКИН – сотрудник советских учреждений в Харбине – 160.

ХОХРЯКОВ Павел Данилович (1893–1918) – матрос, один из организаторов Красной гвардии на Урале – 18, 31, 32, 161, 162, 163, 208.

ХРУЩОВ Иван – член боевых дружин на Урале – 12, 153, 167, 168.

ХРУЩЕВ Никита Сергеевич (1894–1971) – первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964), председатель Совета Министров СССР (1958–1964) – 93, 110.

ХУАН ЛИНШУАН – китайский анархист, студент Пекинского университета, редактор еженедельника «Лаодун инь» – 77, 172.

ХУ ХАНЬМИН – генерал, лидер правого крыла Гоминьдана – 172.

ЦЕЙТЛИН – литературовед, заключенный Соловецкого лагеря – 105.

ЧАН КАЙШИ (Цзян Цзешу, 1887–1975) – генералиссимус, президент Китайской Республики в 1927–1975 гг. – 86–88, 90–93, 97, 159, 173.

ЧЕВЕРОВ (Чеврев?) – член боевых дружин на Урале – 197, 198.

ЧЕЙ ГУММИН см. ЧЭНЬ ЦЗЮНМИН

ЧЕМОДУРОВ Терентий Иванович (1849–1918) – камердинер императора Николая II – 33, 209.

ЧЕРЕПАНОВ А.И. (1896–?) – военный советник Гуанчжоуской группы в 1923–1926, главный военный советник армии Китая (1938) – 87, 88, 100, 158, 160, 173.

ЧЕРКАСОВ – секретарь консульства СССР в Далине – 160.

ЧЕРНОВ Виктор Михайлович (1873–1952) – один из основателей партии социалистов-революционеров, министр земледелия Временного правительства (1917), председатель Учредительного собрания (1918) – 47, 48, 50, 56, 58, 66.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Николай Гаврилович (1828–1889) – русский писатель – 54.

ЧЖАН ЦЗОЛИНЬ (1876–1928) – маршал, правитель Северо-Восточного Китая – 74, 77, 172.

ЧЖОУ ЭНЬЛАЙ (1898–1976) – деятель Коммунистической партии Китая, генерал, премьер Государственного совета КНР (1949–1976) – 90.

ЧЖУ ПЭЙДЭ (Чуй Пэйтэк) – генерал, командир 3-го корпуса Национальной армии Китая, член ЦИК Гоминьдана – 88.

ЧИРУХИН – начальник одного из отрядов при перевозке царской семьи в Екатеринбург – 162.

ЧИЧЕРИН Георгий Васильевич (1872–1936) – член РСДРП с 1905 г., нарком по иностранным делам РСФСР и СССР – 86.

ЧУДИНОВ Д.М. (Касьян) – помощник В. Яковлева при перевозке царской семьи в Екатеринбург – 34, 35, 95, 96, 142, 155, 159, 163, 164, 210, 211.

ЧУЙ ПЭЙТАК см. ЧЖУ ПЭЙДЭ.

ЧЭНЬ ДУСЮ – генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая (1924–1925) – 78, 79, 83, 172.

ЧЭНЬ ЦЗЮНМИН (Чэнь Гуммин) – генерал, министр финансов провинции Гуандун – 84, 92, 172.

ЧЭНЬ ЮНЧИ – генерал, правитель Восточного Гуандуна – 92.

ШАЛАМОВ Варлам Тихонович (1907–1982) – русский писатель – 117.

ШЕДВИН – начальник отделения ГУЛАГа ОГПУ – 115.

ШЕЧКОВ – начальник Екатеринбургской тюрьмы (1918) – 206.

ШИМАНКЕВИЧ – начальник отделения в управлении Соловецкого лагеря – 183, 186.

ШЛЯПНИКОВ – член РСДРП, лидер «рабочей оппозиции» – 144.

ШНЕЙДЕР Екатерина Адольфовна (1856–1918) – гоф-лектриса императрицы Александры Федоровны – 162, 209.

ШЕТИН – начальник Екатеринбургского военного отряда в Тобольске в 1918 г. – 161.

ЩУКИН – член ВЧК – 136.

ЭЛЬЦИК – участник Октябрьского переворота – 101, 159.

ЭЙЗЕНШТЕЙН Сергей Михайлович (1898–1948) – кинорежиссер – 191.

ЭЛЛЕДЕР – советский вице-консул в Шанхае – 85, 158, 160.

ЮДИН – военный юрист, секретарь Военной коллегии Верховного суда СССР – 120.

ЮНЬ ДАЙИН – работник политотдела военной академии Вампу – 90.

ЮРОВСКИЙ Яков Михайлович (Янкель Хаимович, 1878–1938) – член РСДРП с 1905 г., член президиума исполкома Уральского областного Совета (1918), руководитель убийства царской семьи – 26.

ЯГОДА Генрих Генрихович (1891–1938) – член РСДРП с 1907 г., начальник ОГПУ (1934–1936), нарком внутренних дел (1935–1936) – 115.

ЯКУТОВ – рабочий железнодорожных мастерских в Уфе, социал-демократ – 152.

ЯРОСЛАВСКИЙ Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич, 1878–1943) – член РСДРП с 1898 г., член ЦИК – 144.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Восхождение на Олимп Революции.....	7
За жизнь царя.....	17
Дуэль.....	27
По военной дороге.....	36
Момент сомнений.....	44
Уфимская операция.....	54
«На сопках Маньчжурии».....	62
«Рычи, Китай!».....	73
«Москва-Кантон».....	80
Суд: товарищеский – в Уфе, верховный – в Цзянсу.....	94
Западня.....	99
«Прошу защитити!».....	117
Вместо заключения.....	123
Примечания.....	128

Документы и материалы о жизни и деятельности В.В.Яковлева (К.А.Стойновича).....	133
I. Документы о деятельности В.В.Яковлева (К.А.Стойновича) 1917-1928 гг.....	135
II. Документы и материалы, написанные В.В.Яковлевым (К.А.Стойновичем) 1918-1932 гг.....	146
III. Воспоминания о деятельности В.В.Яковлева весной 1918 г.....	203
Указатель имен.....	213

Лицензия ЛР № 040127 от 16 октября 1991 г

Банк культурной информации: 620026, Екатеринбург, ГСП-340, ул.Р.Люксембург, 56.
Тел. (3432) 22-43-44; факс (3432) 22-15-46.

Свердловский областной краеведческий музей: 620151 Екатеринбург, ул.Малышева, 46. Тел.(3432) 51-18-19, 51-97-16.

Подписано в печать 23.11.1995 г. Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 12,8. Тираж 5000. Заказ № 1975.

Полиграфическое объединение "Книга" Чел. обл. управления издательств, полиграфии, и книжной торговли. 454000, г.Челябинск, ул. Постышева, 2.

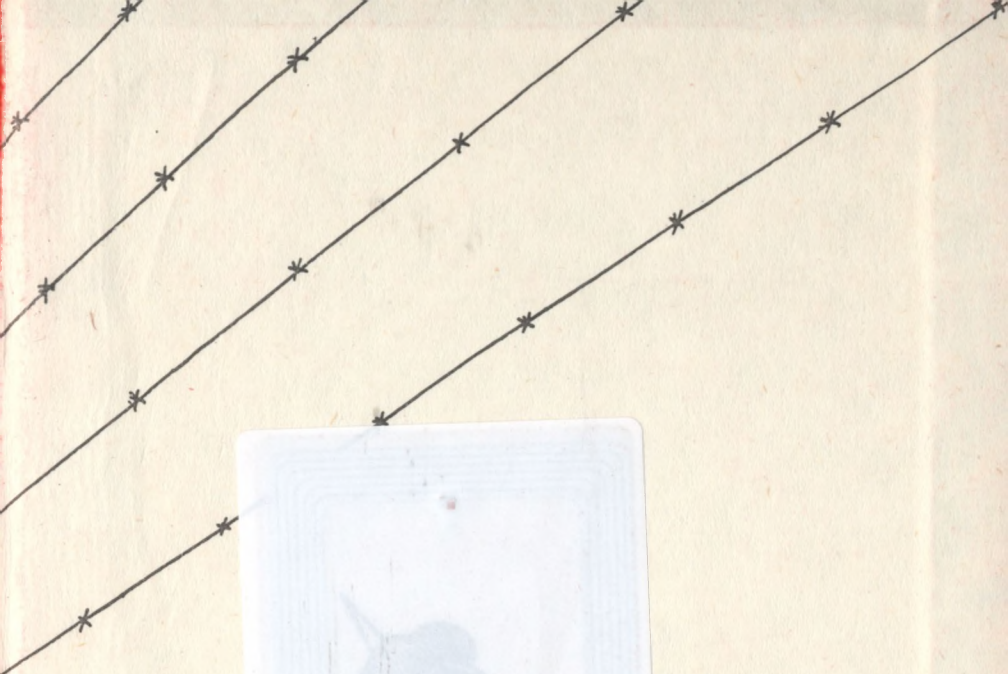
Просим извинить за опечатки:

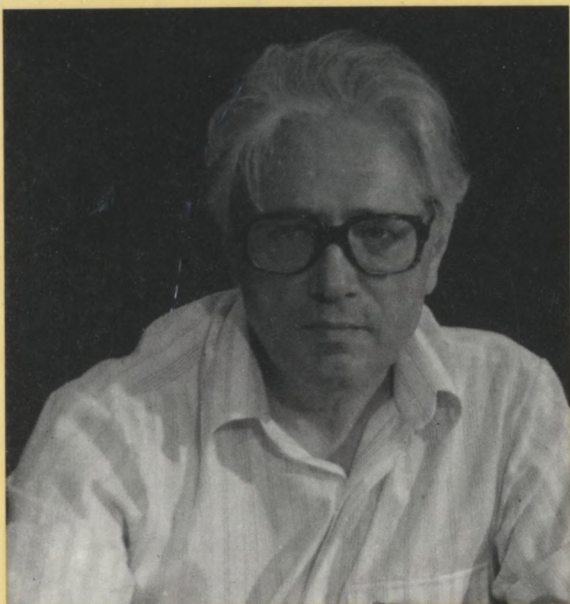
В указателе имен (стр. 217) строку 10 снизу следует читать:

“КОЛЧАС Александр Васильевич (1873-1920) – адмирал,” – и далее по тексту.

1908

Доктор геолого-минералогических наук Александр Николаевич Авдонин до 1991 года был широко известен как ученый в области геофизических методов поисков и разведки рудных месторождений. Он автор трех монографий и более пятидесяти научных статей. За тридцать пять лет работы в производстве им внесен существенный вклад в развитие минерально-сырьевой базы Урала.

После 1991 года Александр Николаевич стал известен миру как первооткрыватель места сокрытия останков императора Николая II, членов его семьи и приближенных, злодейски убитых в подвале дома Н.Н.Ипатьева в 1918 году. Это выдающееся открытие XX века развеяло миф П.Л.Войкова будто-бы "мир никогда не узнает, что мы с ними сделали". Благодаря многолетней научной работе А.Н.Авдонина мир узнал жуткую тайну.

Предлагаемая книга является первой из серии книг, в которых автором будут освещены события, связанные с Екатеринбургской трагедией.